ЗНАЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ ЖИЗНИ

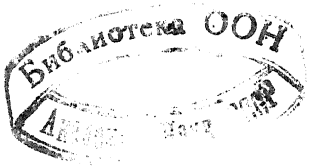
И ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБѢ

РОССІИ.

Проф. **А. А. Царевскаго.**

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Антоній.**



393
37

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1898 годъ.

По неподражаемо прекрасному уподобленію Самого Спасителя, божественное ученіе Его въ жизни человѣческихъ обществъ есть какъ бы „малъ квасъ, который все смѣшеніе кваситъ“ (Матѳ. 8, 33). Искренно и честно воспринятое, оно проникаетъ до сокровеннѣйшихъ тайниковъ души человѣческой и способно до неузнаваемости, діаметрально измѣнить все духовное существо человѣка. Всемірная исторія хранитъ на своихъ страницахъ множество фактовъ дивнаго преображенія и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, въ своемъ религіозномъ голодѣ обращавшихся ко Христу и воспринимавшихъ на себя Его иго благое и бремя легкое. Исторія свидѣтельствуетъ, что куда бы и когда ни проникала вѣра Христова, всюду она являлась истиннымъ и величайшимъ благодѣяніемъ Божіимъ, началомъ новаго и лучшаго порядка вещей, основаніемъ всего, чѣмъ возвышались и благоденствовали народы. Но едвали не самый величественный и поразительный примѣръ благотворнаго воздѣйствія христіанства представляетъ именно наше отечество, земля святорусская.

Призванная Промысломъ Божіимъ для храненія спасительной истины праваго боговѣдѣнія, подлиннаго, Православнаго христіанства [1]), Россія всѣмъ и обязана была Православному христіанству. Оно сплотило политическій организмъ Россіи и упрочило ея могущество; оно всесторонне проникло собою жизнь народа русскаго и наложило свою неизгладимую печать на всѣ проявленія этой жизни, — можно сказать, Православіе создало великое тѣло Россіи и одухотворило его, стало поистинѣ душою Россіи.

Славянорусское царство возникло среди въ высшей степени знаменательныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ нельзя не усмотрѣть его особеннаго и высокаго промыслительнаго предназначенія. Неожиданно и какъ бы изъ ничего, т. е. изъ самыхъ нестройныхъ и слабыхъ элементовъ, возникла сильная и великая Русь, какъ разъ въ то именно время, когда обитатели ея приняли Православное христіанство; она возникла, далѣе, въ ту именно историческую эпоху, когда западный христіанскій міръ сталъ на путь еретическихъ заблужденій, а восточный готовъ былъ окончательно пасть подъ владычествомъ ислама. Россія явилась, такимъ образомъ, какъ нарочито самимъ Промысломъ Божественнымъ воздвигнутая обитель истиннаго богооткровеннаго вѣроученія, какъ новый кивотъ для храненія на землѣ истиннаго, Православнаго христіанства.

[1]) См.: „Православіе, какъ единая въ мірѣ истинная религія“ и „Россія—свѣточъ Православія“. Казань. 1894 г.

Такъ сказать родившись на свѣтъ Божій прямо православною, „святою“, Россія и начала юную жизнь свою подъ всеобъемлющею опекою Православія.

Самое политическое сложеніе Россіи, какъ единаго и обособленнаго государственнаго организма, произошло подъ несомнѣннымъ и живѣйшимъ вліяніемъ Православнаго христіанства. Послѣднее послужило связующимъ и объединяющимъ началомъ, которое создало русское государство изъ хаоса, хотя и родственныхъ, но разъединенныхъ, дикихъ и враждующихъ между собою племенъ. Подобно тому, какъ при началѣ христіанства, всѣ крестившіеся во Христа—греки, римляне, готы, кельты и т. д.—слились въ одномъ общемъ типѣ христіанина, такъ и у насъ всѣ эти, теперь только по именамъ памятные, древляне, поляне, сѣверяне, вятичи, кривичи, радимичи и т. д. объединились, съ принятіемъ христіанства, въ нераздѣльномъ единомъ типѣ православнаго русскаго человѣка. Есть свѣдѣнія, что Владиміръ Святой, еще до принятія христіанства, стремясь къ объединенію разобщенныхъ славянъ русскихъ, пытался связать ихъ узломъ вѣры, и съ этою цѣлію, подражая политикѣ древнихъ римлянъ, собралъ идоловъ, чтимыхъ разными славянорусскими племенами, въ Кіевъ, поставилъ ихъ наряду съ златоглавымъ Перуномъ. Но различное отношеніе племенъ къ разнымъ кумирамъ, а еще болѣе того — внутренняя пустота и безжизненность язычества—не могли духовно сроднить и слить разъединенные члены, хотя бы и единаго, но не одушевленнаго однимъ духовнымъ началомъ племени. Только христіан-

ство имѣетъ въ этомъ отношеніи неоспоримое и недосягаемое преимущество предъ всѣми религіями: какъ высочайшій изъ законовъ, властвующихъ надъ сердцемъ человѣческимъ, законъ любви, христіанство обладаетъ дивною силою объединять всѣхъ исповѣдниковъ своихъ въ единое тѣсное и неразрывное братство. Въ этомъ духовномъ объединеніи совершенно исчезаетъ обычная человѣческая рознь, порожденная разноплеменностью, такъ какъ въ христіанствѣ—„нѣтъ іудея, нѣтъ эллина, нѣтъ ни раба, ни свободнаго, но всѣ едино о Христѣ Іисусѣ“.

И вотъ, Православному христіанству суждено было лечь основнымъ камнемъ въ политическомъ созиданіи русскаго царства. Ставши общею религіею всѣхъ русскихъ племенъ, сразу всѣ ихъ осѣнившее своимъ божественнымъ свѣтомъ, оно быстро и безъ всякихъ усилій стянуло всю землю русскую незримыми и нерасторжимыми духовными нитями. Бывшія дотолѣ иныя, естественныя связи, сами по себѣ слабыя и непрочныя, въ Православномъ христіанствѣ получили теперь свою крѣпость и освященіе. Церковь сразу и для всѣхъ стала выше, святѣе и дороже всего, какъ общая всѣхъ примирительница и защитница, равно всѣхъ обнявшая своими чадолюбивыми объятіями святая мать. Уже преподобный Несторъ, первый извѣстный намъ голосъ нашего славяно-русскаго самосознанія, отмѣтилъ въ своей Лѣтописи знаменательный фактъ слитія всѣхъ племенъ и народовъ, населявшихъ необозримыя пространства древней Руси, въ одну семью, въ „единъ языкъ, крестившійся во единаго Христа“. Тѣмъ же

сознаніемъ единства національнаго проникнутъ былъ и первый нашъ русскій витія православный, митрополитъ Иларіонъ, который какъ бы пророчески привѣтствовалъ уже и великое будущее могущественной Россіи. Наконецъ, то же сознаніе единства племеннаго одушевляло и перваго нашего благочестиваго паломника русскаго, игумена Даніила, который повергался предъ гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ съ молитвою за всю вообще Россію, за всѣхъ князей ея, и поставилъ „лампаду съ елеемъ отъ всей земли русской“.

Сплотившись въ единомъ духовномъ началѣ Православія, разбросанная дотолѣ группа славянорусскихъ племенъ, начала потомъ, благодаря тому же просвѣтительному началу, ассимилировать себѣ и цѣлый рядъ другихъ, уже совсѣмъ чуждыхъ племенъ, пока, наконецъ, подъ сѣнію святого Православія, многовѣковымъ и нелегкимъ историческимъ подвигомъ не создалась нынѣшняя огромная и могущественная православная Русь,—царство съ своеобразнымъ строемъ и идеалами, съ своею, очевидно, особенною историческою судьбою и задачею.

Въ самомъ дѣлѣ, на необозримыхъ пространствахъ нашей Россіи, въ дали минувшихъ вѣковъ, сколько обитало разнородныхъ племенъ, не только славянскихъ, но также и финнскихъ, и литовскихъ, и монгольскихъ и т. п.; но всѣ они, мало по малу прививаясь къ вселенскому древу жизни, святому Православію, постепенно перерождались, сливались вмѣстѣ, въ одинъ племенной типъ, въ единство русской народности. Вліяніе именно Православія въ этомъ отношеніи было

столь существенно и всецѣло, что, напримѣръ, настоящая Великороссія, какъ менѣе подвергавшаяся иновѣрнымъ вліяніямъ и болѣе устойчивая и неизмѣнная въ религіозной православной идеѣ, составила основу и самый, такъ сказать, корень русской національности, — не смотря на то, что въ составъ населенія Великороссіи, вѣроятно, гораздо болѣе, нежели въ другихъ полосахъ Россіи, привзошло финнскаго и другихъ чуждыхъ элементовъ. Да впрочемъ и недалекое сравнительно прошлое показываетъ, какую могущественную услугу національному русскому дѣлу оказываетъ Православное исповѣданіе: мордва, татары, чуваши, черемисы и т. п. инородцы, даже евреи, съ принятіемъ Православнаго христіанства, на нашихъ, можно сказать, глазахъ, такъ естественно и быстро перерождаются и пріобщаются къ русской народности, что чрезъ два-три поколѣнія трудно бываетъ и усмотрѣть въ нихъ какія нибудь племенныя черты ихъ инородческаго происхожденія. Напримѣръ, изъ недавно еще преобладавшаго въ нашей сѣверо-восточной Россіи татарскаго населенія, благодаря успѣхамъ Православной вѣры Христовой, образовалась теперь такая крѣпь православнаго великорусства, что можно-ли даже и узнать въ этихъ, несомнѣнно не русскихъ по происхожденію, Юсуповыхъ, Урусовыхъ, Батуевыхъ, Кугушевыхъ, Алеевыхъ, Мамаевыхъ, Кильдишевыхъ, Биклемишевыхъ и т. п.—ихъ старый, инорусскій типъ?!

Между тѣмъ, всѣ другія узы и сцѣпленія, какъ напр. политическія, законодательныя, образовательныя и т. п., никогда не въ состояніи бы были сдѣлать по-

добнаго превращенія. Напримѣръ, магометане, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій живущіе въ предѣлахъ Россіи, дѣлящіе съ ней историческія судьбы, подчиняющіеся ея властямъ, управляющіеся ея законами и пользующіеся ея образовательными средствами, но не принявшіе Православнаго христіанства, — такъ и остаются совершенно чужими въ отношеніи къ русской народности, только союзными съ послѣднею, но нимало и не родственными ей.

Такимъ образомъ, Православная церковь Христова изначала и всегда была и есть объединяющимъ началомъ и основною стихіею русской народности; Православіе легло краеугольнымъ камнемъ великаго зданія Россіи, и на немъ зиждется наше національное единство, цѣльность и самобытность. Столь тѣснаго сближенія и такого, такъ сказать, проникновеннаго взаимнаго сочетанія вѣры и народности какъ въ Россіи, не представляетъ еще ни одинъ извѣстный исторіи народъ. Нѣкоторую въ этомъ отношеніи аналогію съ русскимъ народомъ, хранителемъ истиннаго боговѣдѣнія въ новое время, можетъ составить развѣ только народъ древне-еврейскій, хранитель истины богооткровенной въ ветхомъ завѣтѣ. Начало Православнаго христіанства органически сочетавшись съ началомъ русской національности, стало могущественнымъ рычагомъ обрусенія всякихъ иноплеменниковъ, стало именно душою Русскаго государства, пріобщившись которой, всякій инородецъ—и по душевному настроенію своему, и по соціальному строю жизни своей, и, наконецъ, даже по физическому типу своему—неуклонно и быстро превра-

щается въ русскаго православнаго человѣка. Поражаясь этой безпримѣрною связью національности съ исповѣданіемъ религіознымъ, извѣстный изслѣдователь Россіи Леруа Болье, въ книгѣ своей „Государство царя и русскіе“, совершенно справедливо приходитъ къ заключенію, что Русь больше всего сильна Православіемъ, что послѣднее во всѣхъ разноплеменныхъ обитателяхъ Россіи освятило и укрѣпило любовь къ общему для нихъ русскому отечеству, что вообще „у русскихъ невозможно отдѣлять понятія церкви отъ понятія отечества“ [1]).

Созидая единство Россіи племенное, національное, церковь Православная больше всего содѣйствовала укрѣпленію Россіи и политическому, объединенію государственному. Великую и незамѣнимую услугу дѣлу русской государственности Православіе оказало прежде всего въ томъ отношеніи, что подняло и освятило въ глазахъ народа авторитетъ власти царской. Въ язычествѣ эта власть основывалась только на силѣ, а потому и могла имѣть только условное и ограниченное значеніе: всякій сильный дружинникъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться князю, какъ, съ другой стороны, и князь, уступая силѣ, вынуждался иногда отказываться отъ своей власти. Недаромъ дальновиднѣйшіе изъ древнихъ языческихъ правителей, для возвышенія своего авторитета въ глазахъ подданныхъ, искусственно прибѣгали къ помощи

[1]) Объ этой книгѣ Л. Болье см. въ „Чт. въ Общ. любителей дух. просвѣщенія“, 1893 г. № 6.

религіи, то выдавая себя посланниками какого либо высшаго существа (напр. Нума Помпилій), то заставляя себя включать въ число боговъ (напр. послѣдніе римскіе императоры). Только въ христіанствѣ носители власти не имѣютъ нужды заимствовать для себя силу въ суевѣріи народномъ: сама небесная истина освятила власть царскую, усвоивъ ей высокое духовное значеніе и божественную санкцію. Православіе повѣдало русскимъ людямъ ученіе о Промыслѣ Божіемъ, правящемъ судьбами царей и народовъ; Православіе установило взглядъ на царя, какъ избранника и помазанника Божія, который владѣетъ царствомъ „милостію Божіею“ и „молитвами Церкви“, правитъ людьми по велѣнію Духа Святаго, просвѣщающаго его совѣсть и направляющаго его волю на благо всенародное. Слово библейское, что только „Богомъ царіе царствуютъ“ (Притч. 8, 15) и что „противящійся царю—Божію велѣнію противляется“ (Рим. 13, 2), глубоко внѣдрилось въ убѣжденія и помышленія русскаго человѣка, уже въ древности совершая иногда чудодѣйственныя превращенія въ мнѣніяхъ и поступкахъ народныхъ. Въ старыхъ рукописныхъ житіяхъ Бориса и Глѣба разсказывается, напримѣръ, случай, какъ новгородцы, не сочувствуя Ярославу въ его желаніи идти въ Кіевъ, гдѣ Святополкъ тогда избивалъ, по смерти родителей, братьевъ своихъ,—„не хотяху ему помогати“. Но, повѣствуетъ далѣе житіе о новгородцахъ, „вспомянуша слово апостольское: братіе, Бога бойтеся, а князя чтите, Божій бо слуга есть и не туне мечъ носитъ, но въ месть злодѣемъ, въ похвалу же

добродѣемъ; и рекоша новгородцы: можемъ, княже, пособствовати тебѣ!“ — и собрали изъ себя большое ополченіе, пошли за Ярославомъ.

Въ теченіе многовѣковой исторической жизни эта преданность народа русскаго власти царской окрѣпла, упрочилась и особенно часто и рельефно обнаруживала себя въ годины великихъ испытаній народныхъ. Любовью русскаго народа къ царямъ своимъ и благоговѣйнымъ отношеніемъ къ имени ихъ, напримѣръ, больше всего нужно объяснять въ нашей исторіи, съ одной стороны, быстрые и невѣроятные успѣхи самозванцевъ, которымъ уже одно имя царя, присвояемое ими, пролагало въ народѣ русскомъ путь къ престолу, какъ, съ другой стороны, и жестокую расправу съ ними, когда святотатственный обманъ ихъ вскрывался предъ народомъ. Также и спасеніе Россіи отъ бѣдствій междуцарствія, безъ сомнѣнія, многимъ обязано было въ своемъ успѣхѣ тому обстоятельству, что избранъ былъ на престолъ царскій Михаилъ Ѳеодоровичъ, законная отрасль древнѣйшаго великокняжескаго рода, т. е., значитъ, лицо, уже въ силу своего происхожденія, въ высшей степени авторитетное и самое желанное въ глазахъ всего народа.

Сама русская церковь Православная, освящая торжественнѣйшимъ мѵропомазаніемъ вступленіе государей Россіи на престолъ прародительскій и клятвенными обѣтами предъ Богомъ вводя всѣхъ людей русскихъ въ подданство имъ, а также и ежедневными усердными моленіями о нихъ, поставляетъ народъ русскій въ тѣ тѣснѣйшія родственныя, истинно сыновнія

отношенія любви и высокаго благоговѣйнаго уваженія къ царямъ своимъ, какихъ не въ состояніи бы было сообщить никакое земное средство. Русскій человѣкъ привыкъ въ царѣ своемъ видѣть избранника и помазанника Божія, а въ судѣ, велѣніяхъ и распоряженіяхъ его — волю самого Царя небеснаго,—это такъ рѣшительно и убѣжденно выразилъ народъ нашъ во множествѣ пословицъ и во всей своей словесности. Въ силу религіознаго именно воззрѣнія на царей своихъ, народъ русскій, напримѣръ, безропотно и покорно въ теченіе 24 лѣтъ выносилъ страданія отъ больного душою грознаго царя своего Іоанна Васильевича, благочестиво усматривая въ томъ испытаніе Божіе, какъ, съ другой стороны, всегда беззавѣтно преданъ былъ и благоговѣйно подчинялся всѣмъ прочимъ государямъ своимъ, благимъ и кроткимъ. Любовь народа русскаго къ царю своему православному составляетъ предметъ удивленія для иностранцевъ; она сдѣлалась, дѣйствительно, какъ бы особеннымъ природнымъ и типическимъ свойствомъ русскаго человѣка. Воспитанная Православіемъ, преданность власти царственной на Руси есть мощная опора нашей государственности въ прошломъ и надежнѣйшій залогъ величія Россійской державы въ будущемъ. Только проникнутый полнымъ и основательнымъ сознаніемъ этой несомнѣнной и тѣснѣйшей родственной связи съ народомъ своимъ, одинъ изъ бѣлыхъ царей святорусскихъ могъ воскликнуть: „да познаетъ свѣтъ весь, что какъ мыслитъ царь русскій, такъ мыслитъ и такъ дышетъ съ нимъ вся семья русская, т. е. вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю

нашему Іисусу Христу, Православный народъ русскій“! [1])

При непосредственномъ и самомъ дѣятельномъ участіи церкви Православной сложилось и русское единодержавіе. Послѣднее, мало по малу собирая ослабленныя раздѣленіемъ и гибельною враждою удѣловъ силы народныя, постепенно скрѣпило ихъ взаимнымъ союзомъ и согласіемъ, и направило къ общегосударственнымъ цѣлямъ. Только благодаря спасительному самодержавію, положенъ былъ на Руси конецъ междоусобнымъ кровопролитіямъ и оказались силы и средства для борьбы съ внѣшними врагами русскаго спокойствія. А это великое дѣло „собиранія русской земли“ совершилось подъ опекою Православія и, можно сказать, даже по иниціативѣ великихъ пастырей церкви русской. Руководясь какъ бы пророческимъ предвидѣніемъ, святый митрополитъ Петръ избралъ и благословилъ Москву, тогда еще совершенно ничтожный городокъ, чтобы быть ей средоточіемъ Православія и всѣхъ силъ Россіи, чтобы съ Москвою связались всѣ части дотолѣ раздробленной и изнуренной Россіи. Извѣстны пророческія слова этого перваго святителя московскаго, сказанныя имъ князю Іоанну Даниловичу, котораго онъ убѣждалъ построить въ Москвѣ достойный храмъ Богородицѣ, подобный Владимірскому: „если ты послушаешь меня, сынъ мой, то ты и родъ твой прославитесь паче всѣхъ другихъ княжескихъ родовъ,

[1]) Слова изъ Высочайшаго манифеста Императора Николая Павловича, отъ 11 апрѣля 1854 г.

и городъ твой будетъ славнѣе всѣхъ городовъ русскихъ“ [1]). Въ этой-то новой, благословенной святымъ Петромъ столицѣ русской и родилась, возросла и укрѣпилась мысль объ единой Россіи, объ единой власти, объ единомъ царствѣ.

Здѣсь, въ новомъ историческомъ центрѣ своемъ, русская государственность отливается въ форму всероссійскаго самодержавія. Вполнѣ и всецѣло опираясь на духъ Православной вѣры, эта идеальная форма государственная оказалась столь прочною и столько благодѣтельною для Россіи, что, благодаря только ей, Россія смогла поразить татарщину, перенести польскія войны, одолѣть междуцарствіе, — спасти среди всѣхъ невзгодъ самостоятельность и независимость свою, чтобы потомъ уже пышно и ярко разцвѣсти съ воцареніемъ Романовыхъ.

И во все время этого историческаго процесса формированія и укрѣпленія самодержавія на Руси церковь Православная, въ лицѣ ея представителей, стояла на стражѣ, энергично и настойчиво возвышая авторитетный голосъ свой противъ всякихъ попытокъ такъ или иначе подорвать и нарушить единство русской земли. Сосредоточенная въ одномъ лицѣ митрополита, высшая власть церкви нашей, уже этимъ самымъ воспитывала въ народѣ мысль о единствѣ и гражданской высшей власти, какъ болѣе согласномъ съ духомъ и предписаніями Православной вѣры. Еще важнѣе было то, что высшая іерархическая власть,

---

[1]) Степ. кн. ч. I, 419 стр.

въ лицѣ митрополита, неразлучно слѣдовала всюду за великокняжескимъ престоломъ — изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву,—и тѣмъ естественно обращала особенное благоговѣйное и исключительное вниманіе народа православнаго на великаго князя, возвышая авторитетъ его надъ всѣми удѣльными князьями. Наконецъ, пастыри церкви русской, и въ стольномъ городѣ и въ удѣлахъ, владѣя умомъ и совѣстію своихъ пасомыхъ, своимъ энергичнымъ непосредственнымъ участіемъ и вмѣшательствомъ, врачевали неисчислимыя страданія юной Россіи, порожденныя удѣльною системою. Они, обыкновенно являлись посредниками между враждующими князьями на третейскихъ судахъ и миромъ оканчивали недоразумѣнія, приводившія къ кровопролитіямъ; имя и печать митрополита чаще всего встрѣчаются на взаимныхъ договорахъ княжескихъ. Кроткими, отеческими увѣщаніями они, такъ и прозванные тогда „печальники о всей землѣ русской“, смиряли и умиряли враждующія стороны, предупреждали и останавливали междоусобія, вели всю Русь къ братскому объединенію. И можно сказать, что святители церкви русской — Никифоръ, Ѳеогностъ, Алексій, Фотій, Іона и другіе, дѣйствуя на православно-христіанскія убѣжденія и чувства русскихъ людей, больше способствовали соединенію русской земли, нежели вся политика ея князей. „Великодушные князья!“ взывалъ, напримѣръ, еще митрополитъ Никифоръ, когда Ярославъ и Святославичи двинули войско на Святополка: „не терзайте отечества междоусобіемъ, не веселите враговъ его! Съ какимъ трудомъ отцы и дѣды

ваши утверждали величіе государства! Они пріобрѣтали чужія земли, а вы губите собственныя!“ [1]) И впослѣдствіи, напримѣръ, митрополитъ Ѳеогностъ, поддерживая московскаго князя Іоанна въ борьбѣ за великокняжескій престолъ съ тверскимъ княземъ Александромъ, силою именно духовнаго запрещенія заставилъ послѣдняго отказаться отъ соперничества и удалиться изъ Пскова, гдѣ онъ нашелъ-было себѣ защиту. Святитель Алексій, болѣе 20 лѣтъ неустанно поддерживалъ князей московскихъ въ ихъ стремленіи къ подчиненію прочихъ удѣловъ. Особенно нужна и благотворна была помощь митрополита Алексія при слабомъ Іоаннѣ и малолѣтнемъ Димитріѣ, при чемъ послѣдній, только благодаря поддержкѣ митрополита, въ юности удержалъ за собою великокняжескій престолъ и потомъ смогъ подчинить Москвѣ враждовавшихъ князей нижегородскихъ и тверскихъ. Роль святителя Алексія въ этихъ государственныхъ дѣлахъ была такъ существенна и замѣтна, что усмиренные даже жаловались на него константинопольскому патріарху. — „До нынѣ и при отцахъ нашихъ не было такого митрополита, каковъ сей“, писалъ, напр., патріарху въ своей жалобѣ на м. Алексія [2]) Ольгердъ, кн. Литовскій, изъ своекорыстныхъ разсчетовъ возмущавшій тогда удѣльныхъ князей противъ московскаго. Благодаря мудрымъ совѣтамъ того же митрополита Алексія, упроченъ былъ въ Москвѣ порядокъ престолонаслѣдія, чѣмъ устраненъ

[1]) Подлинныя выраженія приводятся по „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина и по „Исторіи Россіи“ Соловьева.

[2]) Издана въ Ж. М. Н. Пр., 1847 г. № 6.

былъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ поводовъ къ княжескимъ усобицамъ. Благодаря этому новому узаконенію, напримѣръ, патріархъ Фотій утвердилъ на великокняжескомъ престолѣ десятилѣтняго Василія Васильевича и затѣмъ отстоялъ его отъ притязаній сильнаго соперника, Юрія Галицкаго. Когда затѣмъ сыну послѣдняго, Димитрію Шемякѣ, удалось свергнуть ослѣпленнаго имъ Василія и даже завладѣть Москвою, то на спасеніе, казалось, погибавшихъ усилій къ единодержавію московскому выступила опять церковь Православная: митрополитъ Іона, съ соборомъ другихъ пастырей, настойчиво вытребовалъ у Димитрія освобожденія Василія Темнаго и возстановилъ его въ великокняжескихъ правахъ. Для этого митрополитъ обращался съ посланіями окружными во всѣ города, ко всѣмъ православнымъ сынамъ церкви русской, посылалъ особыя граматы въ области Новгородскую, Смоленскую, Вятскую,—всѣхъ энергично убѣждая отложиться отъ мятежника и хранить миръ московскаго царства. Это и была послѣдняя вспышка удѣльной борьбы на Руси, такъ что усиліями пастырей церкви Православной единодержавіе было установлено, и уже сынъ и наслѣдникъ Василія Темнаго могъ справедливо именоваться царемъ и самодержцемъ всея Руси. И вотъ, съ той-то поры всегда и доселѣ церковь Православная стоитъ самымъ мощнымъ и неодолимымъ стражемъ русскаго единства и государственной цѣльности. Верховная власть, самодержавно управляющая всѣмъ механизмомъ государственнымъ, отъ всякихъ и самомалѣйшихъ притязаній на Руси прежде всего ограждается

и положительнымъ ученіемъ и строжайшими преще-ніями церкви Православной. Союзъ церкви съ властію царственною всегда пребываетъ самымъ жизненнымъ и спасительнымъ въ государственномъ благоустрой-ствѣ нервомъ Россіи.

Освятивши для русскаго человѣка его естествен-ную привязанность къ родной землѣ, вѣра Православ-ная стала основою русскаго патріотизма, вос-питала въ народѣ русскомъ духъ непоколебимой пре-данности — церкви, царю и отечеству. Въ нужныхъ случаяхъ этотъ духъ обнаруживался съ поражающимъ самоотверженіемъ и трогательнымъ усердіемъ русскихъ людей. Первый и дражайшій предметъ защиты въ борьбѣ съ врагами, Православіе, искони стало и пер-вымъ словомъ на воинственномъ знамени Россіи, вдох-новителемъ русскаго воинства на все и невѣроятно великое, геройское. Вся исторія Россіи есть исторія борьбы главнымъ образомъ за Православіе, какъ, съ другой стороны, Православіе именно было и самымъ вѣрнымъ, недремлющимъ пѣстуномъ Россіи, самымъ основнымъ и устойчивымъ оплотомъ, на которомъ со-здалось и зиждется величіе и благосостояніе Россіи. Не столько чувство самосохраненія, сколько забота о безопасности отцепреданной святой вѣры всегда на-прягала энергію русскаго воинства и возбуждала въ немъ невѣроятное мужество въ борьбѣ съ иновѣрнымъ врагомъ, посягателемъ на русскія православныя свя-тыни. „Возстанемъ за вѣру правую!“ „Умремъ за Пре-святую Богородицу и за святыхъ угодниковъ Божіихъ!“

„Умремъ за святую Софію!“ „Прольемъ кровь свою за домъ Пресвятыя Троицы!“ „Пойдемъ за правую вѣру Христову и за церкви святыя!“ — вотъ за что и во имя чего обыкновенно вооружались и что спасали наши князья и цари святорусскіе, вотъ какъ обыкновенно взывали они къ народу православному, собирая свои ратныя дружины. И милліоны русскихъ людей изъ всѣхъ рядовъ и сословій, начиная съ царскихъ семействъ и кончая сѣрымъ крестьянствомъ, облеченные въ броню святой вѣры и окриленные сознаніемъ святости своего подвига, дружно отзывались на эти религіозные призывы, мужественно шли на защиту своей матери церкви, охотно жизнь свою приносили „на алтарь вѣры и отечества“.

Чѣмъ тяжелѣе русскому народу предстоялъ подвигъ, чѣмъ грознѣе была опасность, тѣмъ крѣпче, обыкновенно, брался онъ за спасительный стягъ своей святой вѣры. Готовясь къ бою, войско русское молилось, постилось, нерѣдко пріобщалось святыхъ таинъ Христовыхъ. Не одни только орлы да знамена вѣяли надъ ратью русскою: ее осѣнялъ, обыкновенно, и животворящій крестъ Христовъ, ее сопровождали наиболѣе чтимыя святыя иконы [1]). Вдохновленный вѣрою, воинъ

---

[1]) Напр. въ лѣтописяхъ подъ 1151 годомъ разсказывается, какъ Изяславъ на войнѣ спасся отъ смерти, благодаря своему шлему, на которомъ былъ изображенъ мученикъ Пантелеимонъ (Историч. каталогъ Спб. Артиллерійскаго музея. ч. I, стр. 177). Въ Московской оружейной палатѣ хранится шлемъ, принадлежавшій въ началѣ XIII стол. Ѳсодору Всеволодовичу, съ надписью: „Великій Архистратиже Господень Михаиле, помози рабу своему Ѳеодору!“ Въ Спб. Артиллерійскомъ музеѣ хранятся воинскія знамена царей Іоанна и

русскій твердою поступью переходилъ пропасти, взбирался на недосягаемыя снѣжныя вершины горъ, бралъ неприступныя крѣпости, терпѣливо и богатырски выносилъ и голодъ и холодъ, обороняя и спасая свое отечество съ величайшею его святынею—вѣрой Православной. А когда Господу угодно было благословить воинство русское побѣдою, то всѣ, отъ военачальника до послѣдняго воина, успѣхъ свой обыкновенно приписывали милости Божіей, заступленію Пречистыя Богоматери и святыхъ угодниковъ. И какъ въ древности, напримѣръ, Андрей Боголюбскій, послѣ блестящей побѣды надъ болгарами волжскими, со всѣмъ войскомъ своимъ, по словамъ лѣтописи—„ударилъ челомъ предъ Святою Богородицею, съ радостію великою и со слезами воздавая Ей хвалы и пѣсни“, такъ и въ сравнительно недалекое прошлое Александръ Благословенный, на медаляхъ въ память великой отечественной войны, повелѣлъ выбить знаменательныя слова: „не намъ, не намъ, а имени Твоему“ (воздаждь хвалу)! Удивляющій міръ весь своею физическою выносливостію, воинъ русскій, начиная съ какого нибудь полу-

---

Петра Алексѣевичей, которыя, по обилію священныхъ изображеній на нихъ, представляютъ изъ себя какъ бы цѣлые иконостасы въ миніатюрѣ Во время великой отечественной войны 1812 года святая икона Смоленской Божіей Матери (Одигитрія) сопутствовала во всѣхъ походахъ вождю русскаго воинства, князю Кутузову. Всѣ ратники отечественнаго ополченія въ эту войну, отъ генерала до простого рядового, имѣли на головныхъ уборахъ своихъ знакъ креста, и т. д. — Да и можно ли исчислить всѣ случаи и факты, удостовѣряющіе, что и внѣшняя обстановка воинскихъ подвиговъ на Руси всегда носила болѣе или менѣе религіозный характеръ.

фантастическаго чудо-богатыря русскаго Суворова и кончая послѣднимъ рядовымъ, силенъ и непобѣдимъ главнымъ образомъ силой духовною. Терпѣніе, кротость, христіанское благодушіе и строгое неуклонное исполненіе долга, безропотное страданіе въ болѣзни и ранахъ — вотъ что изумляетъ и друга и недруга въ нашихъ солдатахъ. Храбрость, стойкость, героизмъ существуютъ, конечно, и во всѣхъ арміяхъ; но незлобіе, доброта, жалостливость, самоотверженіе и скромность, всепрощеніе и любовь, т. е. именно христіанскія добродѣтели, ставшія народными русскими добродѣтелями, — вотъ въ чемъ великая особенность русскаго солдата, удивляющая иностранцевъ. Основа же всѣхъ этихъ доблестей русскаго солдата и самая высокая слава и сила его въ томъ, что всегда онъ исполненъ горячей вѣры въ Бога, и надежды не на свои силы, а на милосердіе къ нему Божіе. Русскій солдатъ воистину силенъ и грозенъ тѣмъ, что всегда онъ былъ и есть прежде всего „*христолюбивый* воинъ“.

А великія потрясенія и тяжкія бѣдствія отъ иновѣрцевъ, чѣмъ такъ богата наша исторія, только еще больше привязывали сердца народа русскаго къ церкви святой и только еще выше подняли на Руси авторитетъ вѣры Православной. Именно вѣра святая и являлась часто единственною въ такихъ обстоятельствахъ утѣшительницею народа и спасительницею отечества. Въ самыя страшныя минуты для нашей отчизны, когда во всемъ своемъ ужасѣ возставалъ роковой вопросъ—быть или не быть Россіи,—двигателемъ

народной мысли и силы всегда являлось именно Православіе.

Уже съ самаго, такъ сказать, разсвѣта исторической жизни своей Россія всегда прибѣгала подъ кровъ небесной защиты въ столкновеніяхъ съ иновѣрцами. Когда, напримѣръ, въ 1164 году благовѣрный князь Андрей Боголюбскій выступилъ противъ камскихъ болгаръ, то усердно молился предъ крестомъ и чудотворною иконою Владимірской Божіей Матери, и потомъ, приписывая побѣду свою чудесному содѣйствію Божественному, установилъ празднованіе Всемилостивому Спасу (1 августа). Когда въ 1240 году шведскій король пошелъ войною на новгородскаго князя Александра, послѣдній, по сказанію лѣтописей, палъ на колѣни предъ алтаремъ въ Софійскомъ соборѣ съ пламенною молитвою къ Богу, „поставившему предѣлы языкомъ и повелѣвшему жити, не преступая въ чужая части: суди, Боже, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною! Пріими оружіе и щитъ, возстани въ помощь мою!“ Затѣмъ, обратясь къ воинамъ своимъ, онъ произнесъ незабвенное изреченіе: „Руссы! непріятель многочисленъ, а насъ мало; но не убойтесь: Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ!“ И Александръ одержалъ побѣду, за которую нареченъ Невскимъ.

Но всѣ эти и подобныя имъ воинственныя столкновенія древней Руси съ иновѣрными народами не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ ужасающимъ бѣдствіемъ, которое извѣстно въ исторіи русской подъ именемъ монгольскаго ига. Россія оцѣпенѣла отъ ужаса и даже не смѣла думать о своемъ политическомъ спа-

сеніи подъ тяжестію безмѣрнаго и невыносимаго гнета. Въ это безпросвѣтное время полнаго униженія и разоренія Россіи, когда оставалась одна только надежда на Бога, вѣра Православная умиряла смятенныя сердца страдающаго народа, объясняя тяжкое бѣдствіе праведнымъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи родственной и семейной вражды въ средѣ князей и народа русскаго [1]); вѣра Православная утѣшала и ободряла народъ, уча его терпѣнію и покорности; вѣра же Православная, вдохновляя угнетенный народъ упованіемъ на милость и помощь Божественную, подготовила и освобожденіе Россіи.

Болѣе двухъ столѣтій монголы раззоряли Русь и угнетали народъ. Если послѣдній не потерялъ своей національности, отстоялъ и соблюлъ самостоятельность и неприкосновенность своей внутренней и духовной жизни, то единственно благодаря Православію, за которое ухватился тогда русскій народъ съ беззавѣтною преданностію и никакими силами непреодолимою стойкостію. Все перенося болѣе или менѣе покорно и терпѣливо, русскій народъ не позволялъ касаться одного

---

[1]) Замѣчательно, что несчастное время ига монгольскаго ознаменовалось на Руси усиленнымъ подъемомъ религіознаго духа. Угнетенный скорбію народъ искалъ утѣшенія въ святыхъ, христіанскихъ чувствахъ; видя единственную отраду жизни въ Богѣ, онъ или смиренно и терпѣливо несъ свои страданія, или же всецѣло уходилъ „на спасенный путь“: уединенныя и безлюдныя мѣста наполнились отшельниками, такъ что въ то именно время, съ половины XIII и по XV стол., основалось въ Россіи до 150 монастырей, въ томъ числѣ и знаменитые впослѣдствіи — Троицко-Сергіевскій, Соловецкій, Валаамскій, Чудовъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Ипатіевскій и др.

только—вѣры своей святой. Попытки насилія въ этомъ отношеніи со стороны монголовъ были такъ безуспѣшны, что при всемъ своемъ фанатизмѣ послѣдніе вынуждены были оставить за побѣжденными свободу вѣроисповѣданія. Когда, напримѣръ, ханъ Шевкалъ потребовалъ, чтобы побѣжденные имъ тверитяне приняли магометанство, то вся многочисленная свита хана была перебита. Когда Батый потребовалъ, чтобы Михаилъ Черниговскій, поклонился идоламъ, то благочестивый князь сказалъ своимъ мучителямъ: „рцыте царю: понеже тебѣ вручено отъ Бога царство, и насъ, грѣхъ ради нашихъ, десница Вышняго твоей власти покорила, должны есмы тебѣ, яко царю, кланятися; а еже Христа отрещися и богомъ твоимъ поклонитися, — да не будетъ! Не суть бо бози, но созданіе.... Что бо есть безумнѣе паче сего, еже оставити Создателя и покланятися созданію!“ [1]) И благовѣрный исповѣдникъ Христа воспріялъ мученическую кончину. Точно также когда монголы пытками принуждали князя Василька, даже и не измѣняя вѣрѣ своей, только перейти на ихъ сторону и воевать противъ христіанъ подъ знаменами Батыя, онъ воскликнулъ: „лютые кровопійцы! враги креста— не могутъ быть мнѣ друзьями!“

Встрѣтивъ непреодолимый отпоръ со стороны народа русскаго во всемъ, что касалось вѣры Православной, монголы хотѣли по крайней мѣрѣ воспользоваться духовенствомъ русскимъ, какъ сословіемъ самымъ вліятельнымъ и авторитетнымъ въ народѣ, для

[1]) Четьи-Минеи, сент. 21 день.

болѣе полнаго возобладанія Россіею. Съ этой цѣлію ханы пытались склонить духовенство на свою сторону, освобождали его отъ налоговъ, притѣсненій. Но пастыри церкви русской и въ это страшное безвременье удержались на высотѣ своего христіанскаго и патріотическаго призванія. По справедливому заявленію нашего исторіографа, „никто ревностнѣе духовныхъ не ходатайствовалъ въ сіе время за свободу отечества: всѣ средства, какія только они могли употребить къ тому, были ими употреблены“. Въ самомъ дѣлѣ, два раза, напримѣръ, святитель Алексій самоотверженно отправлялся въ орду и, подвергая себя смертной опасности, спасалъ Россію отъ всеконечнаго порабощенія и раззоренія со стороны свирѣпыхъ хановъ Джанибека и Бердибека. Такимъ образомъ, святитель существенно помогъ Россіи собраться съ силами для сверженія ига. Когда же приблизилось это время, великій подвижникъ и печальникъ о горѣ народномъ, преподобный Сергій, въ которомъ сосредоточилось тогда все лучшее въ жизни православной Россіи, одушевилъ и благословилъ великаго князя Димитрія на борьбу съ Мамаемъ.—„Вотъ оружіе нетлѣнное“, сказалъ Сергій, вручая ратникамъ русскимъ крестъ святый: „да служитъ онъ вамъ вмѣсто шлемовъ!“ Когда Димитрій, остановился около Дона и боялся идти далѣе, Сергій послалъ къ нему гонца съ „грамоткой“, въ которой было написано: „чтобы ты, господине, таки пошолъ! А поможетъ ти Богъ и Святая Богородица“. Начатый и сопровождаемый непрестанною молитвою, этотъ, поистинѣ крестовый походъ Димитрія Донского, завер-

шился славною Куликовскою побѣдою, которая стала первымъ торжествомъ Россіи надъ монголами и — началомъ освобожденія. Когда черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, въ 1395 году, страшный Тамерланъ шелъ поразить Москву, чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, нарочито принесенная въ Москву изъ Владиміра, чудодѣйственно спасла Россію: устрашенный таинственнымъ видѣніемъ Богоматери, Тамерланъ обратилъ полчища свои вспять. Наконецъ, въ 1480 г., когда великій князь Іоаннъ III вознамѣрился окончательно снять съ Россіи цѣпи неволи, главнымъ его совѣтникомъ въ этомъ великомъ дѣлѣ явился духовный вождь православной Россіи, митрополитъ Геронтій. —„Мужайся и крѣпись“, внушалъ послѣдній Іоанну: „не какъ наемникъ, а какъ добрый пастырь, полагающій душу свою за овецъ, потщись избавить стадо Христово отъ грядущаго волка“ (хана Ахмата)! Въ то же время старецъ, ростовскій епископъ Вассіанъ, вопреки нѣкоторымъ малодушнымъ боярамъ, колебавшимъ рѣшимость великаго князя, говорилъ ему: „Смертнымъ-ли бояться смерти? вѣдь ты человѣкъ смертный, а не безсмертный. Я слабъ и старъ, но не убоюсь меча татарскаго, не отвращу лица моего отъ лезвія его“ и т. д. Какъ извѣстно, и на этотъ разъ Богъ совсѣмъ спасъ Россію отъ кровопролитія: когда войско русское на рѣкѣ Угрѣ сошлось съ полчищами Ахмата, тогда, по словамъ лѣтописи, „бысть чудо преславное: прійде на царя Ахмата страхъ отъ Бога, и побѣже отъ Угры, никѣмъ же гонимъ. Богъ избави русскую землю отъ поганыхъ молитвами Пречистыя и великихъ

чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ!“ Такъ величайшее дѣло освобожденія Россіи отъ ига татарскаго постепенно подготовлялось и наконецъ совершилось, дѣйствительно, при явномъ содѣйствіи Промысла Божія и при самомъ дѣятельномъ и рѣшительномъ участіи церкви Православной.

Прошло слишкомъ сто лѣтъ, и только что Россія оправилась отъ страшнаго рабства и начала расти и укрѣпляться, пріобщая къ себѣ невѣрныя — Казань, Астрахань, Сибирь и др. земли, какъ насталъ страшный для Россіи XVII вѣкъ. Бѣдствія временъ самозванства были, кажется, еще несноснѣе монгольскаго полона; время это кровью записано на страницахъ нашей исторіи. Поляки вошли въ русскіе предѣлы, раззорили цѣлыя области, овладѣли, наконецъ, и сердцемъ Россіи, ея Москвою. Даже на престолѣ царей православныхъ оказался королевичъ польскій Владиславъ,—государству предстояло конечное разрушеніе, и Православію, т. е. всей силѣ и самой душѣ Руси святой, грозила роковая опасность. Но само Православіе, въ лицѣ его доблестнѣйшихъ представителей и вѣрныхъ исповѣдниковъ, возстало и на этотъ разъ на защиту Россіи. Только спасая Православіе, народъ русскій смогъ возвыситься настолько, что самъ сдѣлался, такъ сказать, хозяиномъ положенія и рѣшителемъ своей судьбы. И онъ отстоялъ отечество свое, такъ что изъ тяжкаго испытанія вышелъ съ новыми, крѣпкими силами, съ новымъ запасомъ внутренняго и внѣшняго могущества и величія. На стражѣ Православія стала прежде всего Сергіева Святотроицкая лавра.

Полные благочестивой ревности христіанской, иноки Діонисій и Палицынъ разсылали во всѣ концы Россіи воззванія на защиту оскорбляемой вѣры и погибавшаго отечества. Въ тоже время несокрушимо мощный силою своего православнаго духа патріархъ Гермогенъ самоотверженно возвысилъ голосъ и противъ царя-иновѣрца, и вообще противъ всѣхъ враговъ Россіи и ея святой вѣры. Разсылаемыми также повсюду граматами Гермогенъ призывалъ православныхъ къ праведной мести губителямъ беззащитнаго отечества, за что самъ онъ и воспріялъ отъ нихъ вѣнецъ мученическій.—„Нашъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ сталъ за вѣру, не убоясь смерти“, говорили тогда русскіе люди: „онъ призвалъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, велѣлъ всѣмъ стоять и умереть за православную вѣру. Онъ посланъ отъ Бога на это дѣло: безъ него кто-бы началъ стояти?!“ [1]) Такимъ образомъ, въ голосѣ благочестивыхъ патріотическихъ воззваній народъ русскій услышалъ голосъ самого Бога, и на призывъ этотъ подъялась вся Русь, пробудились и выступили наружу затаенныя народныя силы, жившія въ сердцѣ каждаго истиннаго сына святой Руси. — „Ополчимся старъ и младъ!“ воскликнулъ Мининъ, дотолѣ совсѣмъ простой, безвѣстный человѣкъ, но великій своею православною русскою душою: „продадимъ свои домы, заложимъ жепъ и дѣтей, и—выкупимъ отечество!“ По всѣмъ направленіямъ забѣгали по Руси гонцы и выборные люди, всюду читались граматы и воззванія,—русскій народъ сгова-

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 128.

ривался и возмогалъ духомъ.—„Не поругана ли наша крестьянская вѣра, не разорены ли Божіи церкви?“—взывали, напримѣръ, жители смоленской области въ своей „грамоткѣ“, посланной ими къ московскимъ людямъ: „для Бога, положите крѣпкой совѣтъ межъ себя, пошлите и въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамотку, чтобы всѣмъ было вѣдомо, всею землею обще стати за православную крестьянскую вѣру!“ [1]) Народъ собирался на очищеніе земли, какъ на священнй подвигъ и кромѣ внѣшнихъ силъ собирался съ силами духовными: явилась потребность нравственнаго очищенія,—наложенъ былъ общій постъ. И поднялось всенародное ополченіе, могущественное и непобѣдимое не столько физической своей силою, сколько непреодолимой ревностью за Русь родную и пламеннымъ одушевленіемъ за угнетаемую вѣру святую. Вѣра Православная подняла упавшій-было духъ въ народѣ православномъ и подвигла его на великія жертвы и всевозможные подвиги,—вѣра Православная, такимъ образомъ, и въ это страшное лихолѣтье спасла Россію!

Тотъ же смыслъ, значеніе и такой же исходъ имѣла, позднѣе, и великая „отечественная“ война, подъ предводительствомъ такъ и прозваннаго „Благословеннаго“ Императора. Православная Россія вооружилась тогда не для славы и не ради завоеваній или какой либо корысти земной: она поднялась на защиту вѣры своей и народности, для возстановленія правды

---

[1]) Собр. госуд. грам. т. 2, № 227, 229; Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 176.

Божіей въ европейской семьѣ. Одинокая, противустала она „двадесяти языкамъ“; скромная и смиренная, она должна была бороться съ покорившимъ уже всю Европу непобѣдимымъ геніемъ полководцемъ. Зато самоувѣренной, гордой силѣ земной Русь святая и противопоставила главнымъ образомъ силу духовную, силу вѣры въ Бога и надежды на Его всесильную защиту. — „Провидѣніе благословитъ наше праведное дѣло!“ воззвалъ по случаю начала этой войны царь русскій къ народу своему православному: „съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ“. А митрополитъ московскій Платонъ, посылая государю, какъ благословеніе на ратное дѣло, икону святителя Сергія, писанную на гробовой доскѣ этого святого, пророчески восклицалъ: враги наши „познаютъ въ Богѣ—Господа отомщеній! А Россія восчувствуетъ, исповѣдаетъ и воспоетъ къ Нему: Отче, Царю небесный! Ты изведеши, яко свѣтъ правду Монарха и судьбу Россіи!“ И вѣра въ Бога, спасающаго православную Русь въ ея роковыя минуты, не посрамила и тутъ сильныхъ святою ревностію и христіанскимъ одушевленіемъ. Обуреваемая великою опасностію святыня вѣры Православной воспламенила то всенародное мщеніе, о которое сокрушились несмѣтныя полчища непобѣдимаго дотолѣ цѣлою Европою гордаго вождя. Предъ лицемъ всего свѣта достопамятный 1812 годъ показалъ, что воистину „съ нами—Богъ!“ какъ это торжественно и исповѣдалъ тогда русскій Императоръ. Во всемъ ходѣ великой борьбы столь ясно видна была рука Промысла Божія, благо-

дѣтельствующая православной Россіи, что и царь и народъ весь успѣхъ свой въ этой войнѣ, не только спасшей, но и безмѣрно возвеличившей Россію, всецѣло приписывали милосердому Богу. — „Содѣянное храбрымъ воинствомъ нашимъ“, возвѣщалъ государь въ манифестѣ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, — „превыше силъ человѣческихъ! Спасеніе Россіи отъ враговъ есть явно изліянная на насъ благодать Божія! Да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій, повергнемся предъ святымъ Его престоломъ и видимъ ясно руку Его!“

Потому-то, Благословенный Государь и поспѣшилъ прежде всего выразить свою благоговѣйную благодарность Господу Богу: тотчасъ по взятіи Парижа, что было вѣнцомъ русскихъ успѣховъ въ эту войну, изъ далекой Франціи, онъ шлетъ драгоцѣнные сосуды священные въ первопрестольный на Руси каѳедральный храмъ (Успенскій въ Москвѣ). Потому-то, далѣе, и всенароднымъ вѣковѣчнымъ памятникомъ отечественной войны явились у насъ на мѣстахъ, наиболѣе ознаменованныхъ этой войною, не какіе нибудь мавзолеи или аллегорическіе монументы, а — Спасскій монастырь на полѣ Бородинскомъ и величественнѣйшій Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Наконецъ, не такой же ли смыслъ и значеніе — не только патріотическаго, а и религіознаго именно подвига, подъемлемаго во имя Православія и подъ сѣнію Православія,—имѣли и всѣ многочисленныя войны Россіи съ Польшею, съ Персіею, съ Турціею, съ Крымомъ, опять съ Турціею и т. д.?! „Россія ополчаетсъ

не за мірскія выгоды", вѣщалъ, напримѣръ, Монархъ Россіи предъ началомъ военныхъ дѣйствій въ 1854 г.: „она сражается за вѣру христіанскую, защищая единовѣрныхъ братій своихъ" [1]). Особенно эта, такъ хорошо еще и намъ памятная и столь популярная, послѣдняя война за освобожденіе православныхъ христіанъ востока, — извѣстно, какъ высоко подняла она національно-славянскій и православно-христіанскій духъ народа русскаго, какъ глубоко всколыхнула въ немъ религіозно-патріотическія чувства. Это былъ одинъ изъ великихъ и поистинѣ крестовыхъ походовъ нашихъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Предпринятый подъ водительствомъ благочестивѣйшаго и во вѣки незабвеннаго нашего Царя-Освободителя, Царя-Мученика, то былъ можетъ быть даже самый святой порывъ Россіи во имя общей нашей вѣры святой, самый безкорыстный, самоотверженно-благородный подвигъ Россіи „за крестъ Господень и за ближнихъ нашихъ по крови и вѣрѣ".

Словомъ, весь жизненный путь Россіи запечатлѣнъ вѣрою Православною; во всѣхъ кризисахъ жизни народной, несомнѣнно, защита вѣры была первой и главной задачею Россіи. Зато, съ другой стороны, вся историческая судьба ея свидѣтельствуетъ, что — „рука Всевышняго отечество спасала": „спасалъ Господь люди своя, благословлялъ достояніе свое; побѣды на сопротивныя даруя, сохранялъ крестомъ свое жительство", — т. е. вѣрную Ему и право славя-

[1]) Высочайшій манифестъ отъ 11 апр. 1854 г.

щую Его Русь святую. Народъ русскій не знаетъ ничего великаго и выдающагося въ своей жизни, что бы не было ознаменовано чудодѣйственнымъ участіемъ Божественнаго Промысла. Лѣтописи русскаго народа суть въ тоже время лѣтописи чрезвычайной помощи Божіей, тысячекратно явленной Россіи къ устроенію ея благополучія. Въ исторіи цѣлаго міра и всего человѣчества, кромѣ священной исторіи ветхаго завѣта, не найти столь видимаго и самимъ народомъ сознаннаго непосредственнаго управленія Промысломъ Божіимъ историческихъ судебъ народа, какъ въ бытописаніи Руси святой. И русскіе люди, какъ бы часто ни уклонялись отъ прямого своего историческаго призванія, какъ бы нерѣдко ни злоупотребляли они безграничнымъ милосердіемъ къ себѣ божественнымъ, во всякомъ случаѣ они знаютъ силу свою—въ вѣрѣ своей! Недаромъ всегда въ грозныя годины отечества они, какъ это сейчасъ видѣли, прежде всего прибѣгаютъ къ оплоту своей вѣры Православной и поднимаютъ ея святое знамя. Недаромъ всегда, какъ только туча международной вражды начинаетъ облегать ту или другую окраину нашего отечества, на всѣхъ концахъ его раздается общій кличъ: „За вѣру Православную! За царя православнаго! За Русь святую!“ Такъ было всегда прежде; но мы твердо вѣруемъ, что и въ будущемъ, пока кличъ этотъ искренно будетъ раздаваться въ русскихъ устахъ, доколѣ русскимъ людямъ дѣйствительно дорога будетъ вѣра Православная, до тѣхъ поръ не страшна будетъ Россіи никакая воинственная, политическая туча и не сразитъ ее никакая дипломатическая молнія.

Конечно, будущее сокрыто въ волѣ Божіей; что же касается прошедшаго, святою Русью уже испытаннаго и пережитаго, то оно столь необычайно, дивно и знаменательно, что по всей справедливости о Россіи — и только о ней одной—можно повторить слово апостольское: она *вѣрою побѣдила царствія, содѣяла правду, заградила уста львомъ, возмогала отъ немощи, была крѣпка въ браняхъ, обращала въ бѣгство полки чуждихъ* (Евр. 11, 33).

II.

Если такъ могущественно было вліяніе Православнаго христіанства на политическую, внѣшнюю судьбу Россіи, то что должно сказать о вліяніи его на внутреннюю, духовную жизнь народа русскаго! Какъ религія духа, проповѣдующая царство не отъ міра сего, Православное христіанство, по самому существу своему, и дѣйствуетъ главнѣйшимъ образомъ на внутреннюю сторону жизни человѣка, усовершаетъ духъ, освящаетъ и возстановляетъ нравственный законъ, начертанный Творцомъ въ сердцѣ человѣческомъ. Невидимымъ и таинственнымъ дѣйствіемъ благодати Божіей евангельское ученіе улучшаетъ и возвышаетъ чувствованія, стремленія и сокровеннѣйшіе помыслы, всѣ движенія душевныя, въ состояніи измѣнить и претворить все нравственное существо человѣка. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Православіе явило у насъ на Руси примѣръ силы, рѣшительно покоряющей міръ, преобразующей души, созидающей *нову тварь о Христѣ Іисусѣ*.

Благодаря самымъ благопріятнымъ и, безъ сомнѣнія, вовсе не случайнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ явилось Православіе на Руси, главнымъ образомъ благодаря тому, что принято оно было народомъ юнымъ, дѣтски простодушнымъ и явилось сразу на родномъ для него языкѣ, съ славянскимъ богослуженіемъ и письменностію,—Православіе скоро и глубоко вошло въ сознаніе русскаго народа, проникло собою его мысли и чувства, такъ сказать, заполнило всю душу русскаго человѣка и устроило жизнь его на особый — святой и „побожный“, почти монашески-аскетическій складъ.

Начало правильной и исторической жизни русскаго народа совпало съ началомъ русской церкви: святѣйшій даръ вѣры Православной Провидѣніемъ ниспосланъ былъ Россіи съ первыхъ дней ея существованія. Притомъ, вѣра Христова предстала юнымъ исповѣдникамъ своимъ въ самомъ законченномъ и для человѣческаго воспріятія уясненномъ состояніи: святыня и истинность Православнаго христіанства были доказаны, запечатлѣны и омыты праведною кровію несмѣтнаго множества христіанскихъ мучениковъ, въ періодъ гоненій и ересей; догматическое ученіе Православія было всесторонне раскрыто и утверждено на незыблемомъ основаніи вселенскихъ соборовъ; наконецъ, и церковное управленіе и церковное богослуженіе достигли къ тому времени полноты своего благоустройства. Умиротворенное внутри, твердое, окрѣпшее и снабженное всѣми указаніями преданія и опыта со внѣ, съ вполнѣ рас-

крытымъ ученіемъ и сложившимися учрежденіями, Православное вѣроисповѣданіе, такимъ образомъ, было усвоено Россіею при условіяхъ и обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ для распространенія его животворныхъ и спасительныхъ истинъ въ сознаніи народа и для сообразнаго этимъ истинамъ нравственнаго измѣненія и перевоспитанія русскаго общества.

Съ своей стороны народъ русскій представлялъ изъ себя матеріалъ еще не сформировавшійся, жизнь еще не установившуюся и не выработавшую, строго говоря, никакихъ опредѣленныхъ нравственныхъ устоевъ и общественныхъ учрежденій. Молодыя и свѣжія племена славянскія, составившія Россію, представляли изъ себя поле новое и чистое, матеріалъ какъ нельзя болѣе удобный и соотвѣтствующій, именно какъ бы самимъ Небомъ подготовленный къ воспріятію православнаго просвѣтительнаго начала. И между тѣмъ какъ у другихъ языческихъ и не тронутыхъ культурою народовъ перемѣна религіи всегда сопровождалась болѣе или менѣе крупными государственными переворотами,— замѣчательно мирно, тихо и быстро совершился переходъ отъ язычества къ христіанству народа русскаго. Извѣстно, что, напримѣръ, у саксовъ, фризовъ, скандинавовъ, пруссовъ, литовцевъ и др. европейскихъ народовъ христіанство вводилось насильственно, при чемъ дѣло доходило, обыкновенно, до меча и кровавыхъ расправъ. Помимо историческихъ и соціальныхъ причинъ, весьма важное сопротивленіе христіанству представляла тамъ и языческая религія. Какъ имѣвшая за собою уже многовѣковыя преданія и исконный въ на-

родѣ авторитетъ, да и по смыслу, внутреннему содержанію своему служившая отраженіемъ человѣческихъ страстей, оправданіемъ усвоеннаго поведенія и установившейся жизни, языческая религія этихъ народовъ составляла для исповѣдниковъ своихъ завѣтную и дорогую святыню, цѣлый міръ своеобразнаго блаженства; разстаться съ этими вѣрованіями для тѣхъ язычниковъ было, дѣйствительно, и тяжело и болѣзненно,— значило идти противъ самихъ себя. Между тѣмъ для юнаго народа русскаго и этого препятствія не существовало: немногосложная и не успѣвшая еще ни догматически выясниться, ни практически сложиться миѳологія славянъ, имѣвшая, притомъ, и по существу своему не столько жизненное, сколько отвлеченное значеніе, какъ аллегорическое представленіе сверхъестественныхъ силъ, сама по себѣ не представляла она сколько нибудь серьезнаго противодѣйствія христіанству. И вотъ, легко и свободно русскій народъ отказывается отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, и почти безъ всякаго протеста, безъ предубѣжденій, именно съ чистымъ сердцемъ и отверстою душою воспринимаетъ святыню Православнаго христіанства. Быстро падаютъ кумиры и, всюду украшаясь храмами Бога истиннаго, Русь сразу становится христіанскою, православною, — „святою Русью“.

Благодать Божія, возсіявшая. по пророчеству святого Первозваннаго апостола, на горахъ кіевскихъ, подобно восходящему солнцу, скоро озарила все лицо обширной земли русской, ее проникла, согрѣла, оживотворила. Церковь Православная восприняла новорож-

денное государство русское на свои руки и начала его воспитывать, не столько замѣняя что либо существовавшее, сколько восполняя несуществующее, не столько преобразуя бывшее, сколько созидая новое. И церковь Христова, съ подобающимъ ея святынѣ достоинствомъ, выполнила возложенную на нее Провидѣніемъ трудную задачу: подъ ея руководственнымъ вліяніемъ, народъ русскій сталъ расти, укрѣпляться въ силѣ физической и духовной, утверждаться въ мудрости и мощи политической, и — съ самыхъ первыхъ дней стало очевидно, что благодать Божія почила на немъ.

Внутренняя, Божественная сила Православія неотразимо покорила сердца нашихъ предковъ. Если, по мудрому слову церковнаго писателя, всякая душа человѣческая по природѣ своей есть христіанка, то юная, дѣвственная душа русскаго народа сама, такъ сказать, шла на встрѣчу святой вѣры, сама устремилась къ воспріятію богооткровенной истины. Православное христіанство, насколько только это было возможно, удовлетворяло естественному стремленію пылкаго и пытливаго молодого ума и влеченіямъ еще незакоснѣлаго русскаго сердца. И потому-то сразу и съ благоговѣйнымъ уваженіемъ воспріяли святыню вѣры Православной и съ смиренной покорностью подчинились ея игу благому на Руси всѣ, начиная съ великаго князя и кончая послѣднимъ его подданнымъ. Народъ полюбилъ новую вѣру, такъ какъ она не подавляла его основныхъ силъ, а давала освященіе и направленіе богатымъ задаткамъ начинающейся жизни, облагороживала эту жизнь высотою и святостію своихъ

заповѣдей, истребляла въ обществѣ пороки и страсти, естественно возмущавшія даже и младенческую народную совѣсть. Народъ съ радостію принялъ новую вѣру, какъ святую и божественную, съ увлеченіемъ проникался ея духомъ, съ охотою спѣшилъ въ храмы Божіи. чтобы тамъ услышать слова небеснаго благовѣстія, усладить свой слухъ священными пѣснопѣніями, облагоухать себя вышнею благодатію. И скоро весь народъ русскій становится искреннѣйшимъ исповѣдникомъ и честнымъ носителемъ Православія, самоотверженнымъ его защитникомъ. Вѣра святая проникла въ сокровеннѣйшіе тайники сердца русскаго, въ глубь народной жизни, такъ что уже за первый періодъ исторической жизни Россіи церковь стала главнѣйшимъ основаніемъ силы и единства народнаго, крѣпости и могущества государственнаго; Православіе явилось драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ народа, его кореннымъ убѣжденіемъ и исключительнымъ началомъ его мышленія, глубочайшею стихіею русской жизни и зиждителемъ русской исторіи.

Божественная благодать, вседѣйствующая въ церкви Православной и покоряющая души людей не ожесточенныхъ злобою и противленіемъ, тѣмъ полнѣе и неотразимѣе могла дѣйствовать на новопросвѣщенный народъ русскій, что Православіе располагало и внѣшними, самыми счастливыми, благопріятствовавшими успѣху дѣла, средствами. Въ ряду такихъ средствъ нужно назвать прежде всего языкъ, родной народу, ставшій языкомъ Православія; затѣмъ — особенно богослуженіе Православ-

ное, со всѣми его знаменательными священнодѣйствіями, обрядами и всею величественною обстановкою; наконецъ—школу и книги, изначала явившіяся на Руси такъ сказать вѣщимъ голосомъ православнаго просвѣщенія и дѣятельными проводниками его въ народѣ.

Языкъ есть единственное и незамѣнимое средство къ сообщенію истинъ и къ укоренѣнію ихъ въ душѣ человѣка. Никакіе внѣшніе знаки, какъ бы они ни были ясны и вразумительны, не въ состояніи достигнуть дѣйствія, производимаго словомъ человѣческимъ. Тѣмъ необходимѣе слово для полнаго и вѣрнаго выраженія всей глубины и высоты богооткровенныхъ истинъ слова Божія. „Какъ призовутъ, если не увѣруютъ, говоритъ апостолъ: но какъ увѣруютъ, если не услышатъ? Вѣра—отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ“ (Рим. 10, 17). Благодаря вѣчно незабвеннымъ, величайшимъ благодѣтелямъ міра славянскаго, нашимъ равноапостольнымъ просвѣтителямъ, святымъ Кириллу и Меѳодію, русскіе люди услышали глаголъ Призывающаго ихъ Бога въ формѣ языка родного, понятнаго уму и доступнаго сердцу. Хотя бы даже и не сразу и не все понимая въ высокихъ отвлеченныхъ истинахъ христіанства, народъ русскій однако съ благоговѣніемъ внималъ роднымъ звукамъ языка, возвѣщающаго эти истины, и, благодаря своей для всѣхъ и близкой всѣмъ внѣшней, словесной оболочкѣ этихъ истинъ, усвоялъ и напечатлѣвалъ ихъ въ своей памяти, непредубѣжденною душою воспринималъ ихъ, какъ нѣчто свое, родимое, ими проникался и, постепенно входя въ смыслъ ихъ, навыкалъ ими жить и руководствоваться.

Не безъ участія, безъ сомнѣнія, Промысла Божія, правящаго словомъ человѣческимъ, языкъ предковъ нашихъ и по самымъ внутреннимъ, природнымъ своимъ свойствамъ, оказался наиболѣе способнымъ къ выраженію величественной простоты и въ тоже время таинственнѣйшей глубины евангельскаго ученія. Даже и доселѣ, какъ извѣстно, языкъ церковнославянскій, изъ всѣхъ языковъ міра, считается самымъ счастливымъ и самымъ подходящимъ для выраженія отвлеченныхъ, духовныхъ понятій и священныхъ религіозныхъ истинъ. Такимъ образомъ, православное просвѣщеніе, въ оболочкѣ славянскаго слова, стало съ самаго начала на Руси открытымъ и понятнымъ не для ученыхъ только или духовенства, какъ это, напримѣръ, было на Западѣ съ латинскимъ языкомъ, а доступнымъ для всѣхъ и каждаго. Неизсякаемый источникъ всякаго спасительнаго вѣдѣнія и просвѣщенія, слово Божіе, котораго, напримѣръ, западные христіане временами даже насильственно бывали лишаемы [1]), сразу стало общимъ достояніемъ, собственностію всего народа русскаго. Въ несмѣтномъ количествѣ списковъ оно потомъ пошло по рукамъ, занимая и увлекая благочестивое вниманіе старинныхъ русскихъ читателей и заполняя душу ихъ единственно спасительнымъ и истиннымъ религіознымъ просвѣщеніемъ. При этомъ, языкъ славянскій, облекая собою священныя понятія и истины, по связи вообще слова съ мыслію, и самъ неизбѣжно получилъ

---

[1]) Было время, когда на Западѣ издавались распоряженія, подъ страхомъ тяжелаго наказанія запрещавшія свѣтскимъ людямъ читать Библію.

печать святости, сталъ мыслиться въ мнѣніи народномъ какъ языкъ именно священный, отданный на служеніе Богу и Его святой церкви. Переходя же изъ устъ въ уста, языкъ этотъ какъ бы полагалъ освященіе и вообще на мысли и чувства говорившихъ имъ русскихъ людей, сдѣлался стражемъ ихъ цѣломудрія и смиренномудрія, остерегалъ ихъ отъ пороковъ праздномыслія и празднословія.

Православное христіанство принесло съ собою русскимъ славянамъ, еще никѣмъ и ничему дотолѣ не обученнымъ, цѣлое море духовнаго свѣта, открыло неисчерпаемый источникъ знанія и просвѣщенія. Православіе поучало юныхъ христіанъ прежде всего во храмѣ. Православный храмъ есть всеобъемлющее и глубоко-народное училище, въ которомъ всѣмъ и все назидательно и поучительно. Здѣсь, за православнымъ богослуженіемъ, проходитъ живое изображеніе и, такъ сказать, наглядное олицетвореніе всей откровенной религіи. Въ святыхъ таинствахъ и обрядахъ, въ священныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, въ символахъ и образахъ, здѣсь раскрыто все домостроительство Божественное о человѣкѣ: твореніе міра и человѣка, грѣхопаденіе, подготовленіе міра чрезъ законъ и пророковъ къ принятію Искупителя, пришествіе на землю Спасителя, вся жизнь Его и Его Божественное ученіе, — словомъ, въ богослуженіи православномъ предлагаются вниманію вѣрующихъ всѣ истины историческія и догматическія, полный кругъ потребнаго христіанину вѣдѣнія. Во храмѣ церковь земная соединяется съ небесною; тутъ обитель самого Спасителя,

выну пребывающаго въ Церкви своей; здѣсь очевидное присутствіе Бога на землѣ, здѣсь святѣйшее мѣсто сближенія всегда болѣе или менѣе скорбящей и озлобленной души человѣческой съ милосерднѣйшимъ ея Создателемъ. Полное глубокаго содержанія и трогательнаго священнаго величія богослуженіе православное и обряды церкви нашей и теперь нерѣдко изумляютъ мысль и плѣняютъ сердца просвѣщенныхъ иновѣрцевъ [1]); что же и говорить объ отдаленнѣйшихъ нашихъ предкахъ?! Не даромъ послы Владиміра такъ просто, но и такъ правдиво, искренно выразили свой изумленный восторгъ подъ впечатлѣніемъ православнаго богослуженія: „не свѣмы, на небѣ-ли есмы были, или на земли; токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человѣки пребываетъ“! [2])

Уже одинъ внѣшній видъ и обстановка православныхъ храмовъ и богослуженія: иконы, облаченія, пѣснопѣнія, всѣ богослужебныя дѣйствія и церковная дисциплина,—безъ сомнѣнія, способны были произвести неотразимое впечатлѣніе на русскій народъ, такъ какъ практическая, внѣшняя сторона богопочтенія по преимуществу вліяетъ на сердца людей простыхъ, лишенныхъ умственнаго образованія. Особенно сильно дѣйствуютъ и занимаютъ сознаніе религіозное иконы и храмовое пѣснопѣніе.

---

[1]) Въ этомъ признавались напр. Боннекемпферъ (протестантъ. (См. Странн. 1860 г. № 8), Овербекъ („Съ востока свѣтъ“), Гетте, Делингеръ, Пальмеръ и мн. др.

[2]) Лѣтоп. Нестора по Лаврент. сп., 74 стр.

По убѣжденію нашихъ предковъ—„подобіе неба“ [1]), храмъ православный весь и наполненъ изображеніями Господа Бога, Пресвятой Богородицы, ангеловъ и святыхъ небожителей. Взорамъ вѣрующихъ здѣсь, какъ въ какой всеобъемлющей книгѣ, открыта вся исторія царства Божія на небѣ и на землѣ. Обиліе священныхъ изображеній невольно погружаетъ душу богомольца въ созерцаніе святыни, возноситъ мысль къ изображеннымъ лицамъ и событіямъ. Съ самаго начала христіанства иконописаніе всюду было однимъ изъ могущественныхъ проводниковъ вѣры и благочестія въ сознаніе вѣрующихъ. Олицетворяя догматы, живописуя священные символы, изображая завѣтныя преданія, сохраняя живое воспоминаніе о святыхъ и святѣйшихъ лицахъ и великихъ событіяхъ церкви, иконы воплощаютъ въ себѣ многоразличныя мысли, образно и наглядно передаютъ смыслъ православно-христіанскихъ заповѣдей,—словомъ, сообщаютъ обильнѣйшую пищу для благочестиваго размышленія, даютъ присутствующимъ во храмѣ великое назиданіе и поученіе. Присутствуя во храмѣ, предъ лицемъ Бога и святыхъ Его, христіанинъ естественно испытываетъ возвышенныя чувства; хотя временно освобождаясь отъ суеты житейской, онъ здѣсь обитаетъ въ жилищи Господнемъ, такъ сказать осязательно ощущаетъ свою небесную, предвѣчную отчизну, въ нее погружается своими благоговѣйными помыслами, въ ней отдыхаетъ своею душою.

[1]) См., напр.: Патерикъ Печерскій. 1872 г. л. 115. Также: Грам. Филиппа, митр. моск.—Акт. Арх. Ком. т. I, стр. 131.

Православныя пѣснопѣнія церковныя, какъ созданія вдохновенныхъ христіанскихъ поэтовъ, заключаютъ въ себѣ удачнѣйшія выраженія чистыхъ и святыхъ христіанскихъ чувствованій. Доставляя вѣрующимъ высокое эстетическое наслажденіе, пѣснопѣніе церковное могущественно возбуждаетъ въ нихъ также и молитвенное благоговѣніе, подъемлетъ душу ихъ на болѣе высокій и священный строй. Русскій народъ, вмѣстѣ съ Православіемъ, въ ряду прочихъ духовныхъ сокровищъ христіанскихъ, воспринялъ отъ Византіи и даръ христіанскихъ пѣснопѣній, усвоилъ себѣ это искусство и развилъ потомъ его самостоятельно во множествѣ особыхъ ладовъ, напѣвовъ. Значительно впослѣдствіи искаженная и обезсмысленная въ новыхъ композиціяхъ, неподражаемая музыка нашихъ старѣйшихъ церковныхъ напѣвовъ, уберегшаяся доселѣ только въ нѣкоторыхъ нашихъ обителяхъ, при всей своей простотѣ и музыкальной безъискусственности, дышетъ удивительною силою и за душу хватающею поэзіею. И старые русскіе люди, очевидно, скоро вошли во вкусъ этой величавой музыки, съ восторгомъ упивались ею и ревниво оберегали ея высокое достоинство и истый священный ея характеръ. Въ старинной богослужебной книгѣ „Всенощникъ“ читаемъ, напримѣръ, слѣдующее мудрое наставленіе, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ нарушаемое въ нашихъ современныхъ храмахъ: „вся мірская попеченія оставльше и умъ на небо вперивше, возжегше свѣтильники своихъ душъ, сокрушенною душею приступимъ ко Всемогущему Богу, моляще Его благочинно, не сильнѣ

ревый, не вереская, но со умиленнымъ гласомъ воспѣвая“ [1]). Народъ русскій, на первыхъ порахъ и не постигавшій всей глубины содержанія христіанской вдохновенной поэзіи, тѣмъ не менѣе, чрезъ эти „умиленные“ напѣвы, душою своею свыкался съ нею и упрочивалъ ее въ памяти своей, незамѣтно въ ней воспринималъ себѣ уроки вѣры, христіанскія понятія, — такъ что пѣснопѣнія церковныя, несомнѣнно, много содѣйствовали русскому человѣку слагать въ душѣ своей прочный фундаментъ религіозно-нравственнаго христіанскаго настроенія.

Словомъ, все, находящееся и происходящее въ храмѣ православномъ, производило на юную и открытую душу русскаго человѣка, такъ сказать, сплошное впечатлѣніе святыни; все умиляло сердце и устремляло мысль къ Богу, очищало и освящало душу. Какъ— по удачному сравненію св. Іоанна Златоуста въ Словѣ его о пользѣ посѣщенія храма, — какъ человѣкъ, присутствовавшій въ мѵроварницѣ, безъ всякаго сознательнаго намѣренія обязательно уноситъ съ собою, на одеждѣ своей, благовоніе мѵра, такъ новопросвѣщенный народъ русскій въ храмѣ православномъ напитывался духомъ христіанскаго благочестія уже въ то время, когда еще умъ его не вполнѣ понималъ значеніе всѣхъ церковныхъ дѣйствій и обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, то несомнѣнный фактъ, что народъ русскій, съ самаго начала своего христіанства, полюбилъ святые храмы,

---

[1]) Изслѣд. о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи. И. Сахарова. Стр. 61.

съ самой заботливой любовію украшалъ ихъ и съ радостною охотою стремился въ нихъ. Выражая, безъ сомнѣнія, общее впечатлѣніе и убѣжденіе лучшихъ русскихъ людей, одинъ изъ древнихъ первосвятителей церкви русской сказалъ, что „ничто такъ не радуетъ душу и жизнь христіанина—якоже въ церкви красованіе! Въ церкви печальнымъ веселіе, труждающимся успокоеніе, насилуемымъ отдохновеніе; церковь и брани разрушаетъ, и рати утоляетъ, и бури утишаетъ, и бѣсы отгоняетъ, и болѣзни врачуетъ, и напасти отражаетъ, и небесныя двери отверзаетъ, и всѣмъ покой даруетъ“ [1]). Посредствомъ богослуженія вѣра Православная проникала въ душу народную; въ храмѣ попреимуществу воспитывался тотъ библейскій, примирительный взглядъ русскаго человѣка на жизнь, который такъ дорогъ для человѣка всегда, а тѣмъ болѣе необходимъ былъ въ ту отдаленную пору, когда темная сторона жизни особенно выступала со всѣми своими невзгодами. Уясняя все непонятное, разрѣшая жизненныя недоумѣнія, храмъ православный главнымъ образомъ дѣйствовалъ на сердца вѣрующихъ, очищалъ и возвышалъ ихъ, уготовлялъ ихъ къ принятію таинственной благодати Божіей, — словомъ, храмъ православный дѣятельно воспитывалъ на Руси идеалъ христіанства и жизни православной.

Православное христіанство, куда бы ни проникало, вездѣ оно порождало грамотность, возбуждало и под-

---

[1]) Посланіе патр. Іосифа. Акт. Арх. Эксп. III т., стр. 403.

нимало просвѣщеніе. И у насъ на Руси, одновременно съ Православіемъ, является школа. Искони, съ первыхъ самыхъ дней своего существованія, школа русская является родною дочерью церкви Православной. Церковь основала и взлелѣяла, а на первыхъ порахъ и пріютила школу подъ своими священными сводами. При храмахъ, а особенно при монастыряхъ, возникаютъ училища—первый и на очень долгое время единственный, исключительный разсадникъ книжнаго просвѣщенія на Руси. Правда, эти училища въ теченіе долгаго времени были очень не блестящи въ своей внѣшней постановкѣ и съ мірской точки зрѣнія; но они были мощны своею внутреннею силою, были жизненны, потому что вполнѣ удовлетворяли запросамъ раскрывавшейся русской мысли; они были велики по тому достойнѣйшему и серьезному направленію, которое въ нихъ царило, по тому дѣльному и насущному знанію, которое въ нихъ преподавалось. Сосредоточенное въ рукахъ духовенства и монашества, все образованіе школьное естественно и неизбѣжно получило религіозную печать и „побожный“ характеръ. Вѣра Православная стала путеводнымъ началомъ ученія и — главнымъ, существеннымъ предметомъ, цѣлію его. Все грамотное занятіе построено тутъ было исключительно на религіозныхъ началахъ; и по направленію, и по программѣ своей образовательной, древне-русская школа исключительно способствовала болѣе разумному усвоенію того, что преподавалось въ храмѣ, за богослуженіемъ. Школа служила къ знанію истинъ вѣры, къ насажденію правилъ христіанской нравственности,

къ охраненію православныхъ обычаевъ. Даже и тѣ немногосложныя свѣтскія знанія, которыя попадали въ школу, носили всепроникающую здѣсь религіозную христіанскую окраску, такъ какъ составился даже взглядъ на все, не относящееся къ вѣрѣ, какъ на что-то постороннее, излишнее и во всякомъ случаѣ не необходимое. Такимъ образомъ, школы на Руси явились, такъ сказать, очагами религіознаго сознанія и вѣдѣнія; въ нихъ воспитывались и образовывались знаменитые пастыри и учители народа, изъ нихъ выходили не только великіе проповѣдники и столпы церкви русской, но и общественные, даже политическіе дѣятели, — въ школахъ духовно созрѣвали вообще всѣ люди, которые были свѣтомъ древне-русскаго міра, солью русской земли.

Вліяніе школъ неизбѣжно отражалось и на массѣ темнаго, неграмотнаго русскаго люда. Чрезъ посредство лицъ, прикосновенныхъ книжной мудрости, школа руководила понятіями и убѣжденіями народными, школа управляла народъ на путь того поведенія и настроенія нравственнаго, на который призывала всѣхъ церковь Православная. Вѣра святая, усвояемая въ школахъ людьми просвѣщенными, чрезъ духъ, мысли и чувства послѣднихъ, чрезъ ихъ слова и дѣла, переходила въ мысли, чувства и жизнь всего народа, хотя и незамѣтно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно образовывала и этотъ темный народъ по духу и свойствамъ своимъ. Какъ и церковь, школа воспитывала на Руси ту религіозно-нравственную духовную силу, которая сдерживала юный народъ, успѣшно противодѣйствовала

силѣ естественныхъ страстей его; какъ и церковь, школа русская имѣла цѣлью точное и полное усвоеніе Православнаго христіанства и, безъ сомнѣнія, очень много способствовала уясненію на Руси христіанскаго идеала и воплощенію его въ русской жизни.

Наконецъ, одновременно съ Православіемъ являются у насъ на Руси и книги, литература. Это—третій, послѣ богослуженія и школъ, рычагъ, которымъ такъ неотразимо и такъ благотворно Православіе дѣйствовало на юный народъ русскій. Очень рано появляется у насъ, въ переводахъ на славянскій языкъ, цѣлая богатѣйшая и по своей внутренней цѣнности единственная въ свѣтѣ литература. Кромѣ книгъ священныхъ и богослужебныхъ, на Руси являются сочиненія святыхъ отцевъ и учителей вселенской и Православной церкви,—является, такимъ образомъ, все безцѣнное богатство христіанскаго ума, таланта. Книги эти были чужія по своему происхожденію, но, кажется, нигдѣ въ мірѣ не получили онѣ такого распространенія и не встрѣтили такого вниманія въ народѣ, какъ у насъ на Руси. Новопросвѣщенный народъ славяно-русскій возлюбилъ эти книги всею душой и беззавѣтно предался ихъ просвѣтительному вліянію и нравственному водительству. Библія стала родною, домашнею книгою русскаго человѣка. Ее и прочія „божественныя“ книги, народъ списывалъ во множествѣ экземпляровъ, съ благоговѣйнымъ прилежаніемъ упивался чтеніемъ ихъ, приспособлялъ содержаніе ихъ къ своему пониманію, пользовался ими какъ достовѣрнѣйшимъ, непререкаемымъ источникомъ всякихъ благопотребныхъ знаній

и какъ незамѣнимымъ педагогическимъ пособіемъ. А книги эти заключали въ себѣ вѣдь всю сумму православнаго христіанскаго просвѣщенія; онѣ сразу и такъ неизмѣримо много давали еще ничего не имѣвшему народу русскому, въ такую высокую, именно небесную мудрость посвящали онѣ этотъ, еще ничѣмъ не тронутый, сильный и молодой народъ. Это православное христіанское просвѣщеніе принесло въ себѣ для міра славянскаго первое условіе правильнаго развитія и всесторонняго образованія; оно созидало у насъ на Руси начало всякаго знанія, даровало намъ ту философію Православнаго христіанства, которая одна только и можетъ составить правильный, прочный фундаментъ вообще человѣческаго просвѣщенія и всякаго земного прогресса.

Православное христіанство явилось къ русскому народу не какъ только извѣстная сумма догматовъ, а какъ всеобъемлющее начало жизни и дѣятельности. Оно не есть только ученіе, но и самая, такъ сказать, жизнь, жизнетворная сила, дарующая человѣку просвѣтлѣніе ума и энергію воли. Какъ истая закваска новой жизни, Православное христіанство таинственно совершаетъ процессъ внутренняго броженія въ душѣ человѣческой. Охваченный новою благодатною атмосферой, вѣрующій христіанинъ, непостижимо для себя самого, дѣлается инымъ, перерождается изъ ветхаго человѣка въ новаго, оказывается сильнымъ и способнымъ оставить позади себя свою прежнюю жизнь, какъ ему уже не свойственную, и свои прежнія убѣжденія,

какъ для него уже чужія. Чрезъ благодатное прикосновеніе къ душѣ человѣка Духа Божественнаго, человѣкъ можетъ возродиться въ самой сущности своего бытія, во внутреннѣйшей глубинѣ своего сознанія. Конечно, не всегда и не вездѣ съ принятіемъ христіанства совершается эта видимая. осязательная перемѣна въ человѣкѣ; но вѣдь это единственно потому, что христіанство, какъ сила нравственная, какъ религія духа, не тянетъ человѣка насильственно къ своимъ высокимъ цѣлямъ, не вгоняетъ его въ потерянную имъ первозданную его чистоту, а, просвѣщая внутренно, дѣлаетъ его только способнымъ къ святой дѣятельности, воспріимчивымъ къ чистымъ убѣжденіямъ, возвращаетъ свободному человѣку только полнѣйшую возможность и даетъ благодатную помощь—возвратиться къ своему нормальному состоянію и уже стремиться къ прямому и истинному своему назначенію.

По волѣ таинственнаго промышленія Божественнаго о Россіи, благодаря и видимому содѣйствію самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ пришествіе Православнаго христіанства на русскую землю, благодатныя сѣмена Православія пали въ Россіи на почву благую и воспріимчивую, и скоро принесли должные, святые плоды.

Привившись къ Православію, живя Христовымъ духомъ и дыша Его святымъ ученіемъ, быстро и рѣшительно перерождается русскій человѣкъ. Удивительная, непостижимо быстрая перемѣна произошла, подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ Православнаго христіанства, въ личности русскаго человѣка, въ его жизни,

поведеніи и убѣжденіяхъ — уже сразу, съ самаго начала, послѣ крещенія. Какъ-бы чудодѣйственно, русскій человѣкъ измѣняется въ христіанствѣ до неузнаваемости. До принятія христіанства молодой и жившій почти исключительно только физическою жизнію „Россъ“ въ Европѣ слылъ дикимъ и воинственнымъ хищникомъ. считался грозою и наказаніемъ Божіимъ. Извѣстно, какъ, напримѣръ, православные греки боялись русскихъ славянъ. Еще не задолго до принятія русскимъ народомъ христіанства патріархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ (867 г.), говорилъ, что русскіе жестокостію и кровожадностію превосходятъ всѣ другіе народы. Объ избавленіи отъ русскихъ греки тогда обращались съ горячею молитвою къ Богу и слагали особые молитвенные гимны Защитницѣ Константинополя—Божіей Матери.

И такое отношеніе къ руссамъ едвали было несправедливымъ и напраснымъ. По крайней мѣрѣ нашъ собственный бытописатель, преподобный Несторъ, вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе о русскихъ-язычникахъ, какъ о дикаряхъ. Несторъ кратко, но и не менѣе того ясно сообщаетъ. что руссы „живяху, яко же всякій звѣрь“. Такая звѣроподобная жизнь еще совсѣмъ дикаго народа, очевидно, опредѣлялась и направлялась подъ исключительнымъ вліяніемъ инстинктовъ плоти и борьбы за существованіе,—вся она исчерпывалась непрестанною борьбою съ природой и нуждою, звѣрями и врагами, борьбою, наконецъ, взаимною. Недаромъ у древнихъ руссовъ, какъ свидѣтельствуетъ древне-арабскій писатель Ибнъ-Дастъ (X вѣка), суще-

ствовалъ обычай — класть предъ новорожденнымъ ребенкомъ обнаженный мечъ [1]): руссъ, дѣйствительно, всю жизнь не разставался съ мечомъ. Другой древнеарабскій писатель (тоже X в.) Ибнъ-Фодланъ еще опредѣленнѣе подтверждаетъ эти свѣдѣнія, сообщая свои собственныя, личныя наблюденія: „я видѣлъ русскихъ; они высокаго роста, стройны, какъ пальма; у каждаго топоръ, большой ножъ и мечъ: они никогда не ходятъ безъ оружія“ [2]). Племенные старѣйшины и князья русскіе, отдаваясь склонности рубить и грабить, въ дикой отвагѣ не щадили никого и ничто, часто, по дѣлу и безъ дѣла, губили и себя и свою удалую дружину. Очень характерно авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ говоритъ, напримѣръ, про князя Всеслава, что онъ „кидался звѣремъ, бросался волкомъ, головы стлалъ снопами, стальными цѣпами вымолачивалъ души изъ тѣлъ, рѣки кровью затоплялъ, берега костями засѣвалъ“ и т. д. Нашъ отечественный исторіографъ, Карамзинъ, описывая хищность и жестокость славянъ-язычниковъ, справедливо заключаетъ, что „храбрость ихъ была злодѣйствомъ“. Извѣстны также и прозвища народныя старыхъ языческихъ князей: князь-богатырь, князь-буй-туръ, князь-леопардъ, князь-волкъ и т. п.,—служившія очевидно характеристикою этихъ дикихъ воителей. Въ отчаянной отвагѣ, увлекаясь дѣломъ „вымолачиванія“ душъ изъ человѣческихъ тѣлъ, князья языческіе не останавливались, какъ из-

---

[1]) Объ этомъ см. Истор. каталогъ Спб. Артиллерійскаго Музея I ч., 171 стр.

[2]) Тамъ же.

вѣстно, ни предъ какимъ насиліемъ, не смущались никакимъ злодѣйствомъ.

Но вотъ русскіе принимаютъ христіанство. Именно сверхъестественною силою своею, оно укротило неукротимую натуру русскаго человѣка; наложило самую надежную и твердую узду на чувственные инстинкты его, и — дикаря превратило въ гуманное существо. Христіанство обуздало грубый эгоизмъ, честолюбивыя и властолюбивыя стремленія и подвиги старорусскихъ богатырей; оно внушило народу, что есть иные и гораздо болѣе высокіе подвиги—въ побѣдѣ надъ своими нечистыми похотями и вожделѣніями, и что эти подвиги неизмѣримо выше прежнихъ, языческихъ, и достойнѣе человѣка, такъ какъ они часто не удаются и могущественнѣйшимъ богатырямъ, величайшимъ воителямъ народнымъ. Христіанство внесло собою въ общество русское величайшую силу, недоступную никакимъ правиламъ земнымъ и предписаніямъ человѣческимъ — усовершать человѣка не во внѣшней только его дѣятельности, но по духу и сердцу, исторгать зло жизни въ самомъ его корнѣ, поднимать и очищать нравственный законъ, изначала запечатлѣнный Творцемъ въ сердцѣ человѣческомъ.

И вотъ, чтобы далеко не ходить за примѣромъ, самый типъ князя русскаго тотчасъ, съ принятіемъ православнаго христіанства, измѣнился до неузнаваемости. Дивная перемѣна происходитъ въ самомъ Владимірѣ, первомъ православномъ князѣ русскомъ. Изъ грубаго и чувственнаго язычника онъ превращается въ цѣломудреннаго ревнителя воздержанія и чистоты

христіанской; изъ жестокосердаго правителя преобразуется въ благодушнаго и милосердаго христіанина. Воинственный властитель, не щадившій крови русской въ своихъ воинственныхъ предпріятіяхъ и потѣхахъ, онъ становится „княземъ ласковымъ, краснымъ солнышкомъ“ для своего народа, который не рѣшается теперь казнить даже и злодѣевъ. „Для чего ты не караешь злодѣйства?“ спрашивали его современные пастыри церкви.—„Боюсь гнѣва небеснаго!“ было отвѣтомъ Владиміра.

Какъ мирно и кротко утвердилась вѣра Православная на Руси, въ качествѣ господствующаго вѣроисповѣданія, такъ точно тихимъ словомъ мира и любви, покоряла она себѣ и сердца народа. Этими средствами старалась она скрѣпить не только религіозную, но и общественную, гражданскую жизнь народа русскаго. Святую любовь и взаимный миръ, примѣромъ своей жизни и дѣятельности, завѣщалъ всѣмъ и каждому самъ равноапостольный просвѣтитель Россіи. Тѣ же святыя чувства завѣщалъ своимъ сынамъ и достойный преемникъ его благочестія и мудрости—Ярославъ: „Се азъ отхожу свѣта сего“, говорилъ онъ дѣтямъ на смертномъ одрѣ своемъ: имѣйте въ себѣ любовь, понеже вы есте братья единаго отца и матери. Аще будете въ любви между собою, и Богъ будетъ въ васъ, и будете мирно живуще. Аще будете ненавистно живуще, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ... Пребывайте мирно, братъ брата послушающе“ и т. д. Тотъ же простой и глубокотрогательный голосъ вѣры Православной, внушающій взаимную любовь

и милосердіе, какъ основу общественной жизни и источникъ благоденствія людского, слышимъ мы, потомъ, въ „Поученіи“ благочестивѣйшаго нашего князя древнерусскаго Владиміра Мономаха: „О, дѣти мои, любите человѣчество! Не постъ, не уединеніе спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ, будьте отцами сиротъ, не давайте сильнымъ губить слабыхъ; не убивайте ни праваго, ни виноватаго, поелику жизнь и душа христіанина священны“. Дотолѣ ничѣмъ и никѣмъ, кромѣ физической силы, неукротимые, самоуправные, князья русскіе въ христіанствѣ благоговѣйно подчиняются уставамъ и власти церковной; они покорно выслушиваютъ наставленія отъ духовныхъ лицъ, не предпринимая безъ совѣта съ ними никакого важнаго дѣла. „Совѣщалъ благій совѣтъ съ митрополитомъ“, повторяетъ, напримѣръ, неоднократно лѣтопись, повѣствуя о государственныхъ дѣлахъ святого Владиміра. Ярославъ также постоянно совѣтовался съ духовными лицами, такъ какъ, по словамъ лѣтописи, онъ „по велику любяше попы, преизлиха-же черноризцы“. Сыновья Ярослава, Изяславъ и Святополкъ, тоже, извѣстно, имѣли ближайшимъ своимъ совѣтникомъ и руководителемъ великаго угодника Божія, преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. И такъ далѣе, болѣе или менѣе о всѣхъ князьяхъ и царяхъ, а впослѣдствіи и императорахъ русскихъ извѣстно, что это были—боголюбцы, христолюбцы, строители церквей, любители чина духовнаго, почитатели монаховъ, — во всѣхъ важныхъ государственныхъ предпріятіяхъ они, обыкновенно, считали за правило прежде всего испрашивать благо-

словесніе Божіе и „совѣтовати со епископы“. Князья старались расширить предѣлы власти духовной (напр. въ Уставѣ Владиміра), ущедряли духовенство и церкви богатыми пособіями (напр. Десятинный храмъ въ Кіевѣ); часто сами князья старались примкнуть къ духовенству, принимая непосредственное и живѣйшее участіе въ богослуженіи, въ украшеніи церквей, въ построеніи монастырей, а въ старости многіе изъ нихъ сами умиротворяли душу свою пріятіемъ иноческаго сана, въ каковомъ и отходили въ вѣчность, какъ напримѣръ: св. Александръ Невскій, Андрей и Даніилъ Александровичи, Іоаннъ Даниловичъ Калита, Симеонъ Гордый, Михаилъ Тверской, Александръ Ростовскій и др., а также княгини: Евфросинія, мать Александра Невскаго, Анастасія, жена Симеона Гордаго, Евдокія, жена Димитрія Донского и др.

Если не столь рѣзкая и замѣтная, какъ въ первыхъ князьяхъ христіанскихъ, то не менѣе существенная перемѣна наблюдается въ настроеніи и дружинниковъ княжескихъ и всего народа русскаго. Напримѣръ, былины и пѣсни временъ Владиміра Святого, подробно повѣствуя о битвахъ, подвигахъ, пирахъ и т. п., воспроизводятъ предъ нами еще богатырскій духъ древней Руси, носящій на себѣ печать язычества; но весь этотъ старый внѣшній строй русской жизни видимо проникается уже и новыми началами, внутренно начинаетъ видоизмѣняться. Хотя языческіе обычаи и повѣрья долго еще сохраняютъ свою живучесть въ народѣ, тѣмъ не менѣе русскій человѣкъ несомнѣнно началъ уже стремиться къ нравственному,

христіанскому идеалу. Какъ олицетвореніе идеаловъ народа, богатыри его, оставаясь еще носителями силы физической, въ то же время отражаютъ въ себѣ нѣкоторыя черты и силы духовной: они величаются уже „святорусскими“, въ представленіи народа они мыслятся уже православными и даже „богомольными“ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ особенно излюбленный народомъ и близкій, симпатичный душѣ его, крестьянскій богатырь Илья Муромецъ, являются даже поборниками возвышенныхъ христіанскихъ чувствъ. Илья Муромецъ—покорный сынъ родителей; онъ не только не проливаетъ напрасно крови христіанской, но щадитъ даже разбойниковъ; онъ сражается за народъ и за вѣру, онъ, напримѣръ, защищаетъ землю русскую отъ Батыя—ради „бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей“ и т. д. Точно также и другой богатырь народный, „*крестовый* братецъ“ Ильи Муромца, Добрыня Никитичъ, великъ въ глазахъ народа тоже не физическою только силою, а—„тишиною, уговоромъ и смиреньицемъ“, т. е., очевидное дѣло, христіанскою кротостію; во имя этой кротости Добрыня въ былинѣ сѣтуетъ даже на свое богатырство, которое вынуждаетъ его ѣздить по полю и убивать невинныя души. Зато, съ другой стороны, представители старыхъ эгоистическихъ качествъ теперь уже совсѣмъ теряютъ цѣну и понижаются во мнѣніи народа русскаго. Таковъ, напримѣръ, богатырь Алеша Поповичъ, по нелестному очень представленію о немъ народа—„глаза завидущія,

---

[1]) См. напр. Кирѣевскаго. III, 73. 105 и пр.

руки загребущія", буйный, дерзкій гуляка и безсовѣстный самохвалъ. Народъ русскій, уже разборчиво оцѣнивающій излюбленныхъ героевъ своихъ съ христіанской точки зрѣнія и со стороны ихъ нравственныхъ качествъ, очевидно, не любитъ его и явно издѣвается надъ нимъ. Не даромъ и солидный богатырь Добрыня, по словамъ былины, позволилъ женѣ своей, когда она овдовѣетъ, выйти замужъ за кого ей будетъ угодно, только не за Алешу Поповича.

Мало по малу, богатыри народные прямо превращаются въ представленіи народномъ въ христіанскихъ воителей, поборниковъ и защитниковъ исключительно только правды Божіей на землѣ и вѣры Православной въ людяхъ. Таковымъ, напримѣръ, рисуется мысленному взору народному Егорій храбрый, который, послѣ мученій, ѣздитъ по русской землѣ, всюду проповѣдуетъ вѣру христіанскую и защищаетъ Русь святую отъ „царища басурманскаго". Таковъ, далѣе, Ѳеодоръ Тиронъ, защищающій православныхъ христіанъ отъ царя іудейскаго и силы жидовской. — Еще опредѣленнѣе народъ русскій выразилъ свои христіанскія религіозно-нравственныя воззрѣнія въ своихъ сказкахъ, легендахъ, духовныхъ стихахъ, пословицахъ,—приспособивъ, такимъ образомъ, всю свою поэзію народную къ проведенію въ сознаніе общественное высокихъ христіанскихъ понятій и идеаловъ. Эта словесность народная и служитъ прежде всего яснымъ показателемъ и свидѣтельствомъ того, что русскій народъ дѣятельно перевоспитывался Православіемъ и діаметрально измѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ:

вмѣсто господствовавшихъ въ языческомъ обществѣ эгоистическихъ принциповъ, вмѣсто физическаго богатырства и дикой, воинственной удали, онъ начинаетъ воспитывать въ себѣ духъ любви и смиренія, духъ безкорыстія и самоотверженія, т. е., очевидно, начинаетъ сознательно и убѣжденно становиться подъ знамя креста Христова.

Скоро потомъ идеалъ жизни христіанской былъ такъ глубоко понятъ и усвоенъ русскимъ человѣкомъ, такъ живо имъ прочувствованъ, что поэтическое воссозданіе его въ поэзіи народной далеко уже опередило дѣйствительность, и образъ „житія праваго“ сталъ предноситься въ сознаніи народномъ, какъ высокій, руководственный свѣточъ и спасительный маякъ въ жизни. какъ желанный и увлекательный именно идеалъ, завѣтная цѣль стремленій и усилій грѣшнаго человѣка.

И какія бы нарушенія христіанскаго идеала ни допускалъ народъ русскій въ жизни своей, какъ бы далеко ни уходилъ отъ него, во всякомъ случаѣ вѣяніе этого идеала надъ Россіею несомнѣнно сказалось во всей исторической судьбѣ ея. Свѣтъ Православно-христіанскаго идеала отразился уже очевиднѣйшимъ образомъ въ томъ, что русскій народъ сдѣлался, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, самымъ миролюбивымъ и добродѣтельнымъ народомъ, — народомъ великимъ въ своемъ благородномъ смиреніи и кротости, въ неистощимомъ терпѣніи и готовности къ христіанскому самопожертвованію. Изъ насильника, хищника и угнетателя въ язычествѣ, онъ становится въ христіанствѣ навсегда заступникомъ за всѣхъ сла-

бых и угнетенных, становится народомъ-миротворцемъ, народомъ-освободителемъ, который во всю свою, теперь уже многовѣковую, жизнь пролилъ много крови своей на ратномъ полѣ, но при этомъ однако никогда не начиналъ войны по своему собственному почину, никогда не предпринималъ кровопролитія ради себя, ради своей выгоды, прибыли, а всегда только или для защиты оскорбляемой своей вѣры и отчизны православной, или—еще чаще—изъ-за другихъ, ради меньшихъ во языкахъ людскихъ. И въ семьѣ державъ европейскихъ, нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одной, которая бы въ общую сумму добрыхъ дѣяній принесла столько безкорыстныхъ и самоотверженныхъ жертвъ, какъ православная Россія. Добровольно взявши на себя какъ бы миссію защитницы правъ Божескихъ на землѣ и правъ свободы и богоподобнаго достоинства человѣческаго въ обществѣ людскомъ, Россія, еще такъ сравнительно недавно, освободила, напримѣръ, Бѣлоруссію отъ польско-литовскаго гнета, освободила Молдавію, Валахію, Сербію, Грецію, Болгарію отъ турецкаго ига, освободила, наконецъ, болѣе тридцати милліоновъ рабовъ своихъ собственныхъ. На знамени русскомъ еще не было и нѣтъ другихъ словъ, кромѣ христіанскихъ словъ: любовь, миръ и свобода. Изъ всѣхъ сущихъ народовъ міра ни одинъ не смѣетъ съ такимъ истиннымъ достоинствомъ и съ такою заслуженною и основательною правдою сослаться на свое великодушіе и миролюбіе, безкорыстіе и самоотверженіе, какъ православный народъ русскій. Даже въ моменты наиболѣе обостренныхъ отношеній къ дру-

гимъ народамъ, въ самомъ разгарѣ вынужденныхъ воинскихъ столкновеній съ ними, русскій народъ еще никогда не унизилъ себя жестокостію, безчеловѣчіемъ и мстительностію, что въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ явленіемъ самымъ обычнымъ въ поведеніи даже и гораздо болѣе культурныхъ, но неправославныхъ народовъ. Русскіе, напримѣръ, не сожгли и не разграбили Парижа за только что предъ тѣмъ варварски раззоренную и опозоренную въ самыхъ завѣтныхъ ея святыняхъ Москву. Позднѣе того, за рѣки русской крови, пролитой при защитѣ многострадальнаго Севастополя, Россія не воспользовалась удобнымъ случаемъ отмстить французамъ и въ конецъ разгромить ихъ, примкнувши къ Германіи, побѣдительницѣ Франціи. Наконецъ, въ турецкую войну, сражаясь между прочимъ съ звѣроподобными башибузуками, которые своими жестокостями возбудили къ себѣ самую крайнюю человѣческую ненависть, русскіе солдаты однако не опозорили себя ни однимъ варварскимъ дѣломъ: они не оскверняли религіозныхъ, хотя бы и нехристіанскихъ алтарей, не безчестили женщинъ, не избивали невинныхъ младенцевъ и т. д. Общій голосъ всего свѣта засвидѣтельствовалъ, что русскіе въ турецкую войну были гораздо болѣе гуманны и великодушны къ своимъ и дикимъ, нехристіанскимъ врагамъ, нежели напримѣръ незадолго предъ тѣмъ воевавшія христіанскія націи въ прусско-французскую войну. Во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя русская война вписала на скрижали всемірной исторіи знаменательный фактъ, что въ концѣ XIX вѣка — вѣка эгоизма и своекорыстія—

одинъ только русскій народъ стоялъ на высотѣ христіанскихъ добродѣтелей — любви, самоотверженія и великодушія.

Но, повторяю, царство Христово — не отъ міра сего; поэтому и Православіе менѣе всего касается политической, внѣшней жизни своихъ исповѣдниковъ. Прямая и непосредственная сфера его вліянія—*жизнь внутренняя*, интимная, проявляющаяся какъ во взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ, такъ особенно въ духовной настроенности истиннаго христіанина и въ его частномъ, личномъ поведеніи.

Явившись въ Россіи единственнымъ цивилизующимъ началомъ, Православіе образовательно коснулось всѣхъ сторонъ внутренней жизни русской, общественной и частной, и всему на Руси придало строго религіозный колоритъ и православный отпечатокъ. Воспитывая христіанъ для будущей жизни, Православіе совершенно обновило, перестроило, измѣнило и настоящую, земную жизнь русскаго народа. Общій идеалъ христіанства, преобразуя душу, отразился и на всемъ внѣшнемъ поведеніи русскаго человѣка, овладѣлъ не только внутреннею, личною его жизнію, но также и жизнію общественною и семейною. Скоро по принятіи Православнаго христіанства обнаруживается вліяніе его гуманныхъ принциповъ на русскомъ законодательствѣ, на упорядоченіи семейныхъ отношеній, на положеніи русской женщины, на состояніи рабства,— вообще, на всѣхъ условіяхъ и правилахъ общежитія, на всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Что-же

существеннаго и новаго внесло Православіе въ общественную жизнь русскаго человѣка?

Въ сферѣ общественныхъ отношеній вліяніе Православія сказалось очевиднѣйшимъ образомъ на русскомъ законодательствѣ, которое собственно и регулируетъ общественную жизнь и взаимныя отношенія русскихъ людей. Если вообще и всегда религія является лучшею опорою гражданскихъ законовъ, придавая имъ силу и санкцію въ глазахъ народа, то тѣмъ болѣе такъ было у насъ на Руси. Православіе явилось основнымъ базисомъ, изъ котораго возникло и на которомъ выросло русское законодательство. Православіе застало народъ русскій въ дѣтскомъ возрастѣ, когда, за недостаткомъ какихъ либо нравственныхъ сдерживающихъ правилъ и ограниченій, царилъ произволъ, сила физическая и эгоизмъ. Еще не было на Руси никакихъ опредѣленныхъ правилъ и предписаній, предупреждавшихъ и каравшихъ преступленія, не было общепризнаннаго нравственнаго закона, не было и людей, которые бы внушали народу чувство правды, сознаніе долга, справедливости, — не было вообще правды, безъ которой невозможны ни законы, ни власть, невозможно, собственно говоря, и самое общество. Народъ руководствовался только еще формировавшимися привычками и обычаями, еще не успѣвшими окончательно сложиться и прочно окрѣпнуть преданіями. Задачею Православія было ввести порядокъ и законность въ народную русскую среду, и, очистивъ эту среду отъ языческихъ понятій и обычаевъ, под-

нять въ ней запросы на правду Божію въ жизни человѣческой, внушить ей христіанскіе взгляды на справедливость и на обязанности, на право и нравственный долгъ человѣка. Евангеліе явилось у насъ на Руси первымъ писаннымъ закономъ, и правила возвѣщенной имъ высокой нравственности, предъявленныя имъ къ людямъ основныя требованія — братства и любви, милосердія и самоотверженія, — золотою нитью начинаютъ свѣтиться во всѣхъ и гражданскихъ собственно уставахъ и узаконеніяхъ, какія только когда либо появлялись на Руси.

Вмѣстѣ съ догматическимъ ученіемъ Православія Русь унаслѣдовала отъ Византіи законченный циклъ и церковнаго законодательства. Почти одновременно съ Евангеліемъ, является на Руси и греческій Номоканонъ, на основѣ евангельскаго ученія подробнѣе опредѣлявшій порядокъ жизни членовъ церкви Христовой. Но такъ какъ жизнь юнаго русскаго общества, полная еще старыхъ несовершенствъ и нестроеній, постоянно предъявляла свои требованія, выставляла на каждомъ шагу свои недоумѣнныя и непредусмотрѣнныя обстоятельства, то потребовались новые законы, примѣнительные къ мѣстнымъ условіямъ русской жизни. И вотъ является „Уставъ Владиміра“, настолько зависимый отъ вышеназванныхъ первоисточниковъ православно-христіанскаго законодательства, что онъ даже и не различаетъ отчетливо жизнь церковную отъ нецерковной, а потому и большую часть чисто гражданскихъ дѣлъ всецѣло подчиняетъ власти и суду церковнымъ. Если слѣдующій законодатель русскій,

Ярославъ, точнѣе выдѣляя мірской элементъ изъ церковной подсудности, и счелъ себя вынужденнымъ узаконить въ своей „Русской правдѣ“ нѣкоторые старые, еще языческіе обычаи, какъ уже упроченные давностью, то во всякомъ случаѣ, онъ старается ихъ смягчить и ограничить. Признавая, напримѣръ, право личной и родовой мести, онъ узаконяетъ это право только за ближайшими родственниками и притомъ единственно только въ случаѣ смертоубійства,—всѣ же другіе виды правонарушеній ограждаетъ только денежною пенею. Съ развитіемъ русской гражданственности и съ болѣе полнымъ проникновеніемъ русской жизни православными началами, совершенствуется и русское законодательство, развиваясь все въ томъ же христіанскомъ духѣ и направленіи. Въ XII, напримѣръ, столѣтіи, внукъ Владиміра Мономаха, Всеволодъ Мстиславичъ, княжившій въ Новгородѣ, издаетъ новый „Уставъ“, при чемъ прямо заявляетъ въ припискѣ, что на всѣ дѣла онъ смотритъ съ точки зрѣнія христіанскихъ заповѣдей и все разбираетъ и рѣшаетъ „по преданію святыхъ отецъ“; и т. д. [1]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что и гражданская жизнь на Руси стала слагаться подъ опекою Православія и подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и вліяніемъ церкви. При этомъ стоитъ особенно отмѣтить и ту, такъ сказать, формальную услугу, которую оказало Православіе дѣлу русскаго законодательства, что гражданскимъ распоряженіямъ оно сообщило печать высокой, религіозной

[1]) „Содѣйствіе церкви успѣхамъ права и порядка“. Тр. Кіев. Ак. 1888 г.

важности: издавая свои распоряженія большею частію въ обычной формѣ—„во имя Отца и Сына и Святого Духа“, православная власть русская уже этимъ только придавала имъ въ глазахъ народа какъ бы Божескую санкцію и ограждала ненарушимость ихъ страхомъ небеснаго наказанія.

Вліяніе Православія въ русскомъ правосудіи и законодательствѣ тѣмъ полнѣе и удобнѣе проявилось, что ближайшею и непосредственною сотрудницею правительства въ соблюденіи общественнаго и государственнаго порядка въ Россіи съ самаго начала явилась іерархія церковная. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ церковь Православная, въ лицѣ своихъ представителей, являлась въ царскомъ совѣтѣ и на царскихъ судахъ на разбирательствѣ общественныхъ дѣлъ. Въ теченіе ряда столѣтій церковь Православная стояла на стражѣ русской правды и законности: пастыри церкви словомъ и дѣломъ исполняли эту высокую обязанность, когда, напримѣръ, умоляли князей и народъ воздерживаться отъ неблаговидныхъ поступковъ, когда смѣло укоряли и обличали ихъ за содѣянныя преступленія, когда разбирали лично тяжбы ссорящихся, когда шли къ князьямъ и судьямъ съ защитою за сиротъ и обидимыхъ, и т. д. Всѣми этими способами церковь воспитывала въ народѣ русскомъ чувство правды, учила законности, располагала къ добросовѣстности и справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ. Всюду живо ощущается и ясно усматривается смягчающее, гуманное вліяніе церкви: въ старыхъ порядкахъ жизни, въ строѣ даже матеріальныхъ отношеній чувствуется это вѣяніе православ-

наго духа, присутствіе нравственнаго начала; даже въ самыхъ сухихъ судныхъ дѣлахъ и старорусскихъ тяжбахъ часто блещетъ искра религіознаго чувства и видится это милосердое стремленіе—простить, отпустить, пощадить, освободить, снизойти, помиловать. Изъ исторіи русскаго законодательства мы узнаемъ, что напримѣръ Іоаннъ III, уступая энергичному настоянію церкви Православной, уничтожилъ поединки; Іоаннъ IV, благодаря тому же вліянію, лишилъ господъ права распоряжаться жизнію рабовъ; что, напримѣръ впослѣдствіи, императрица Елизавета уничтожила смертную казнь, Екатерина II уничтожила пытки, Александръ II отмѣнилъ крѣпостное право, тѣлесныя наказанія. Всѣ эти и подобныя имъ великія въ своей гуманности узаконенія не служатъ ли очевиднымъ проявленіемъ любвеобильнаго духа Православной церкви? Наконецъ, позднѣйшіе уставы и законоположенія, легшіе въ основу множества различныхъ „человѣколюбивыхъ учрежденій“ и „богоугодныхъ заведеній“, въ которыхъ призрѣваются старцы, воспитываются сироты, излѣчиваются больные, находятъ пріютъ увѣчные, незаконнорожденные и т. д. и т. д., словомъ, все, что слыветъ у насъ за „побѣду прогресса“, считается „дарами цивилизаціи“, въ сущности все это, въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ, не значитъ ли просто—постепенное развитіе закона Христова въ обществѣ человѣческомъ?!

Изъ всѣхъ богоучрежденныхъ отношеній человѣческихъ самое древнее и самое основное и великое есть с е м ь я. Христіанство, освятившее на землѣ союзъ

семейный, съ самаго начала и у насъ на Руси приняло семью подъ свое покровительство и существенно возвысило, облагородило и одухотворило ее. Величайшую услугу вѣра святая оказала въ этомъ отношеніи тѣмъ, что измѣнила самый взглядъ на семейство, указала другія и незмѣримо болѣе высшія начала и основы для него, и, что можетъ быть важнѣе всего, подняла въ общественномъ сознаніи центральную личность семейства—мать.

Въ язычествѣ семейная жизнь имѣла чувственную, грубую и естественную только основу; поэтому семья и представляла изъ себя тамъ болѣе или менѣе случайный и непрочный союзъ, въ которомъ безконтрольно царило право одной только физической силы [1]). Неограниченный никакими нравственными обязательствами и не зная средины въ положеніи человѣка между владычествомъ и рабствомъ, мужъ являлся владыкою, деспотомъ, который смотрѣлъ и на жену и на всѣхъ домочадцевъ, какъ на своихъ рабовъ, даже просто какъ на вещи домашняго своего обихода, безусловно подчиненныя его произволу. Понятія любви (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), свободы и нравственныхъ правъ личности если и были вѣдомы и доступны древнему русскому человѣку, то въ высшей степени смутно, и во всякомъ случаѣ не на этихъ началахъ построена была древнерусская, языческая семья.

---

[1]) О взглядахъ древнерусскаго языческаго общества на брачныя отношенія, какъ только чувственныя, внѣшнія, — см. „Обычное право“ Якушкина. Вып. I, V—XI.

Православная церковь не могла не обратить вниманія на семейный бытъ своихъ русскихъ исповѣдниковъ потому уже, что въ семействѣ, какъ въ маломъ храмѣ, прежде всего человѣкъ учится почитать и познавать Бога и затѣмъ здѣсь же въ бо́льшей долѣ жизни совершаетъ служеніе свое Богу. Церковь, съ первыхъ можно сказать дней своихъ на Руси, всѣ дѣла по семейной жизни взяла въ свое исключительное вѣдѣніе и распоряженіе. Она объявила семейную жизнь религіозно-нравственнымъ установленіемъ, налагающимъ на членовъ его нравственныя обязательства и отвѣтственность. Основѣ семейной жизни — браку, который въ язычествѣ имѣлъ существеннѣйшее основаніе въ чувственныхъ влеченіяхъ человѣка, церковь Христова даровала таинственное освященіе, вызвысила его по образу и значенію союза Христа съ церковью и придала ему силу нравственнаго союза, направленнаго къ духовному единенію и счастію человѣческому. Церковь одухотворила и облагодатствовала естественное влеченіе человѣка къ подобнымъ себѣ, освятила родственный духъ, который созидаетъ и скрѣпляетъ семью и управляетъ ею. Рѣшительно и строго возставши противъ практиковавшихся дотолѣ на Руси — многоженства, безнравственнаго „умыканія“ дѣвицъ, купли женъ путемъ ряды и договора денежнаго, противъ существованія такъ и называвшихся „невѣнчальныхъ“ женъ, а также противъ беззаконныхъ расторженій браковъ и различныхъ семейныхъ правонарушеній [1]), церковь Православная установила точныя пра-

[1]) Умыканіе дѣвицъ запрещается уже Уставомъ Владиміра. (Макарій, исторія рус. церкви, I, 282 и др.; П. С. Р. Лѣт.

вила, обусловливающія христіанскій семейный союзъ и охраняющія его святость, прочность и неприкосновенность. На всѣ условія и на всю обстановку семейной жизни русскаго народа церковь Православная давала свое благословеніе; всѣмъ отношеніямъ семейнымъ придала характеръ сердечности и задушевности; со всѣми событіями и обстоятельствами жизни семейной она соединила молитвы, славословія, прошенія и благодаренія,—словомъ, всему въ семейной жизни придала характеръ духовности и религіозное освященіе.

Труднѣе всего было поставить въ древнерусской семьѣ женщину, согласно съ духомъ христіанскаго взгляда на нее. Языческое пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ было существенной помѣхой для устроителей христіанской семьи на Руси, тѣмъ болѣе что такое отношеніе нашло себѣ подтвержденіе и обоснованіе въ крайнемъ ригоризмѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ христіанскихъ сочиненій. Во всякомъ случаѣ, христіанство подняло женщину, давъ ей права выше тѣхъ, которыя она дотолѣ имѣла въ законѣ римскомъ и даже въ моисеевомъ законѣ. Проповѣдуя въ рели-

---

VI, 82, 84). Противъ насильной выдачи дѣвицъ замужъ высказывается уже Церк. Уставъ Ярослава. (См Макарій 387 стр. П. С. Р. Л. VI, 85) Относительно произвольнаго расторженія браковъ еще русскій митрополитъ Георгій (XI в.) въ Уставѣ своемъ помѣстилъ правило, по которому даже въ случаѣ желанія принять монашество однимъ изъ членовъ брачнаго союза дозволялся разводъ только „по волѣ обою“, т. е. съ согласія обоихъ. (Рус. Истор. Библ. VI, 85 8). Въ словѣ Даніила Заточника (XII стол.) читаемъ, напр., уже столь гуманный, чисто христіанскій взглядъ на одно изъ обычныхъ условій заключенія семейнаго союза: „позоръ изъ позоровъ—женитьба на женѣ *придатка ради*“; и т. д.

гіозно-нравственномъ смыслѣ полное равенство женщины съ мужчиною, такъ какъ „вси едино о Христѣ Іисусѣ и нѣсть мужескій полъ и женскій“ (Гал. 3. 28), церковь Православная и въ житейскомъ быту, въ распредѣленіи семейныхъ правъ и обязанностей, усиливалась возвысить положеніе женщины и приблизить значеніе ея въ семействѣ къ значенію мужа. Согласно слову апостольскому (Еф. 5, 22–23; 1 Коринѳ. 11, 3). отдавая главенство въ семьѣ мужу, церковь Православная была рѣшительно противъ вѣкового склада убѣжденій и понятій языческаго древнерусскаго общества, низведшаго женщину до подневольнаго и рабскаго состоянія въ отношеніи къ мужу. Опираясь на библейское воззрѣніе на женщину и ставя на видъ ея нравственное совершенство и высоту семейнаго долга женщины, церковь мало по малу поднимала гражданскую правоспособность женщины и твердо установила нравственный, материнскій ея авторитетъ. Церковь скоро добилась того, что женщина-мать уже и въ старой русской семьѣ стала пользоваться полнотою власти и силою родительскихъ правъ своихъ, когда она оказывалась, за смертію мужа, во главѣ семейства. Кромѣ историческихъ и фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ это [1]), прекрасною иллюстраціею общенароднаго

[1]) Напр., разсказывая о Святославѣ, лѣтописецъ ссылается между прочимъ на ставшее, очевидно, уже общимъ христіанское убѣжденіе: „кто матере не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ“ (П. С. Р. Л. I. 27). Особенно поразительные примѣры великаго уваженія къ власти материнской мы видимъ, напр., въ разсказѣ лѣтописи о Владимірѣ Мономахѣ (П. С. Р. Л. I. 112), въ житіи Ѳеодосія Печерскаго (Чт. въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей, 1858 г. III. 2).

взгляда на положеніе матери въ православной древнерусской семьѣ служитъ извѣстная былина про Василія Буслаевича: при всей своей классической „новгородской вольности“, этотъ буйный богатырь подчиняется своей дряхлой, старой матери, такъ какъ, говоритъ онъ ей,— „не послухать тебя мнѣ *законъ не велитъ*“ [1]). Убѣжденіе народа русскаго въ силѣ и святости материнской власти рельефно сказалось также и въ томъ варіантѣ этой былины, по которому Василій Буслаевъ погибаетъ именно оттого, что не исполнилъ всѣхъ наставленій своей матери [2]).

Высоко, такимъ образомъ, поставивъ въ глазахъ народа русскаго материнскій авторитетъ женщины, церковь Православная, далѣе, приняла подъ свое уже непосредственное покровительство женщинъ безпомощныхъ и вдовицъ; по крайней мѣрѣ, еще въ Уставѣ Владиміра послѣднія такъ и причисляются къ разряду „церковныхъ людей“, т. е. состоящихъ въ вѣдѣніи и на попеченіи церкви [3]).

Полное человѣколюбія и гуманности отношеніе церкви къ женщинѣ не могло не оказать существеннаго вліянія и на гражданскія узаконенія, касавшіяся ея: и государственные законы постепенно принимаютъ женщину подъ свою защиту. Женщина, напримѣръ, освобождается отъ налоговъ, наказанія для преступницъ облегчаются, женщина и въ бракѣ получаетъ право

---

[1]) Пѣсни, собр. Рыбниковымъ I. 357.

[2]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ V 23—33.

[3]) Ист. Рус. Церкви. Макарія. I. 282, 285.

имѣть свою собственность, независимо отъ мужа; имущество жены ограждается отъ мотовства мужа, и т. д. Словомъ, какъ въ другихъ христіанскихъ странахъ, такъ и у насъ на Руси, личность женщины возвышается, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднимаются и гражданскія права ея, улучшается и обезпечивается ея семейное и общественное положеніе; при этомъ едвали преувеличимъ, сказавши, что какъ покровительствомъ закона, такъ и вообще всѣмъ, чѣмъ только живетъ женщина русская, какъ жена, какъ мать, какъ гражданка, она обязана церкви Православной,—ея ученію, ея проповѣди, ея законодательству.

Говоря о вліяніи Православія на благоустроеніе русской семьи, нельзя не упомянуть также и о томъ, что оно измѣнило и смягчило въ высшей степени мрачныя и жосткія отношенія родителей къ дѣтямъ, господъ къ рабамъ. Подобно всѣмъ дикимъ и языческимъ народамъ, и въ древнерусскомъ языческомъ обществѣ царило самое безсердечное и деспотическое отношеніе къ дѣтямъ. Власть отца, какъ—по языческимъ понятіямъ — жреца и посредника предъ божествомъ, какъ отвѣтчика за проступки всѣхъ членовъ семьи, была полная, безконтрольная. Основываясь исключительно на „страхѣ казненія“, она чужда была облагораживающаго элемента любви, сплошь и рядомъ дѣлала дѣтей беззащитною жертвою дикихъ капризовъ, безпощадныхъ издѣвательствъ, корыстныхъ разсчетовъ со стороны родителей и простиралась даже до права родителей, по усмотрѣнію своему, распоряжаться жизнію дѣтей. Столь сухое и черствое отношеніе къ дѣ-

тямъ, встрѣтя себѣ и теоретическую поддержку, въ строгомъ законѣ Ветхаго Завѣта, а также въ ригоризмѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ сочиненій византійской церковной литературы, долго держалось на Руси и по принятіи христіанства; оно очень замѣтно отразилось, напримѣръ, въ предписаніяхъ даже знаменитаго древнерусскаго „Домостроя“. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области, несомнѣнно, Православіе, хотя и крайне осторожно, постепенно и незамѣтно, но дѣлало свое великое и благое дѣло. Словомъ Евангелія и устами нашихъ пастырей проповѣдниковъ, Православіе напоминало русскому народу о самомъ Спасителѣ, Который съ великой божественной любовію защищалъ дѣтей и указалъ на нравственное величіе ихъ неиспорченной души—„такихъ бо есть царствіе Божіе“! (Мѳ. 10. 14). Возвышая, такимъ образомъ, нравственную личность дѣтей, какъ наслѣдниковъ царствія Божія, Православное христіанство тѣмъ самымъ налагало на родителей великую отвѣтственность за нихъ. Намѣсто жестокой неограниченной власти отца и рабскаго страха дѣтей, Православіе полагало въ основу ихъ отношеній нравственное начало взаимной любви, располагало къ преданности и благодарности дѣтей и къ безкорыстной заботливости родителей. Эти начала Православія, уже ранѣе проникшія въ свѣтское право, римское и греческое, мало по малу усвоены были и русскимъ законодательствомъ, и у насъ на Руси получили потомъ еще болѣе полное примѣненіе и подробное юридическое раскрытіе. Въ законахъ русскихъ, регулирующихъ взаимныя отношенія родителей

и дѣтей, вездѣ уже слышенъ теперь голосъ любви христіанской и видны усилія достигнуть гармоніи свободныхъ и гуманныхъ родственныхъ отношеній. Только плотскія и матеріальныя узы, связывавшія древнюю русскую семью, являются теперь въ христіанствѣ одухотворенными, а во многомъ даже вовсе замѣненными связію исключительно нравственной, духовной.

Съ очевидностію обнаружилось вліяніе Православія въ Россіи и на измѣненіи отношеній господъ къ рабамъ. До принятія христіанства, рабы на Руси не считались даже за людей, приравнивались къ прочему домашнему обиходу господъ, смѣшивались съ бездушными вещами,—такой именно взглядъ на рабовъ проникъ даже и въ „Русскую правду". Владѣльцы распоряжались и судьбой и жизнію своихъ „холоповъ": ихъ мѣняли, продавали, убивали; по сообщенію арабскихъ писателей, у язычниковъ руссовъ существовалъ даже варварскій обычай закапывать рабовъ живыми въ землю, вмѣстѣ съ умершимъ ихъ господиномъ. Но церковь Православная съ самаго начала возстала противъ такого порядка; она приняла подъ свою защиту рабовъ, какъ людей до послѣдней степени угнетенныхъ, и всячески старалась оградить ихъ отъ тираніи и дикаго деспотизма господъ, избалованныхъ своею властію и рабскою покорностью предъ ними слугъ. Трудно найти древне-русское поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія рабовладѣльчества вообще и безчеловѣчнаго обращенія съ людьми въ особенности. На первыхъ порахъ даже вопреки гражданскимъ законамъ, церковь строго карала духовными на-

казаніями за жестокое обращеніе съ челядью (чаще всего недопущеніемъ къ святому причащенію). Въ концѣ концовъ святая дѣятельность Православія принесла и въ этомъ отношеніи благодатные результаты: понятіе о рабахъ и отношеніе къ нимъ замѣтно начинаютъ измѣняться на Руси къ лучшему, и уже при Іоаннѣ IV у господъ закономъ совершенно отнято было право надъ жизнію рабовъ.

Такимъ образомъ, идеалъ православной христіанской жизни, хотя медленно, но тѣмъ не менѣе неуклонно воплощался на Руси святой. Умиротворяя царство русское со внѣ и внутри, Православіе въ то же время постепенно вносило существенный, коренной переворотъ въ сферу внутренней, общественной и семейной жизни русскаго человѣка. На всѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ этой жизни скоро и дѣятельно стало обнаруживаться совершенствующее и въ высокой степени благодѣтельное вліяніе Православія. Объединивши всѣхъ русскихъ людей подъ сѣнію святаго креста въ одномъ общемъ и нераздѣльномъ братствѣ, Православіе положило прочную основу всѣхъ общественныхъ и семейныхъ христіанскихъ добродѣтелей русскаго человѣка. Искореняя языческій мракъ и нечистоту, Православіе открыло превысшую надъ всѣмъ земнымъ красоту добродѣтели и величіе нравственной чистоты. Эгоизмъ, безсердечіе и жестокость, считавшіеся въ язычествѣ правомъ, даже доблестію и похвалою человѣка, Православіе заклеймило позорнымъ именемъ грѣха, преступленія, злодѣйства. Наоборотъ, милосердіе и

состраданіе, смиреніе и самоотверженіе, почитавшіяся дотолѣ признакомъ малодушія и слабости, почти порокомъ въ человѣкѣ, оно обратило въ высокія и благородныя доблести человѣческія. Бѣдность изъ проклятія оно возвело въ блаженство; трудъ и работу, считавшіеся дотолѣ униженіемъ для человѣка, оно провозгласило обязанностію и достоинствомъ человѣка; бракъ, имѣвшій въ язычествѣ только чувственную основу, оно содѣлало священнымъ таинствомъ; любовь, дотолѣ низменное и только плотское чувство, оно подняло на степень высшей и духовнѣйшей добродѣтели; и т. д. и т. д. Правъ былъ лѣтописецъ, восторженно привѣтствовавшій распространеніе Православія, какъ—„свѣтлую зарю счастія Россіи“: Православіе дѣйствительно принесло съ собою русской землѣ миръ, оно внесло въ жизнь русскихъ людей благоволеніе.

III.

Внѣшнее обоснованіе и укрѣпленіе русскаго царства, съ одной стороны, и измѣненіе внутренняго строя общественныхъ и семейныхъ отношеній въ народѣ русскомъ, съ другой, явились только результатомъ и естественнымъ слѣдствіемъ того благотворнаго воздѣйствія, которое произвело Православіе на личность русскаго человѣка. Православіе облагородило и образовало всѣ лучшіе инстинкты русской души, улучшило и вызвысило ея духовныя качества, существенно измѣнило весь нравственный обликъ русскаго человѣка. На всемъ поведеніи и дѣятельности послѣдняго легла неизгладимая печать Православнаго христіанства: рус-

скій человѣкъ сталъ мыслить о всемъ на свѣтѣ съ точки зрѣнія своей святой вѣры, и дѣлать всякое дѣло „по писанному“, по церковному; интересы вѣры стали на первомъ планѣ въ его сознаніи, а ученіе, взгляды, предписанія и совѣты церкви Православной сдѣлались единственно руководственными въ его жизни. Религіозность явилась типическимъ свойствомъ, спеціальною особенностью русскаго человѣка, и качества православнаго христіанина—главными національными чертами русскаго характера. Вышеупомянутый иностранный обозрѣватель Россіи Леруа Болье, на основаніи наблюденій даже и надъ современною русской жизнью, пришолъ къ заключенію, что русскій человѣкъ „носитъ крестъ не на груди только, а и въ сердцѣ своемъ“, что у него—„душа христіанская“, что между Евангеліемъ и русскою душою есть какое-то внутреннее родство, въ силу котораго трудно бываетъ рѣшить, что добраго идетъ у русскаго человѣка отъ знакомства его съ Православною вѣрою и что прямо отъ его души [1]).

Преобразуя душу русскаго человѣка, Православіе прежде всего овладѣло его умомъ, легло въ основу русскаго мышленія и надолго опредѣлило собою все русское міросозерцаніе. Не тронутый еще никакою человѣческою культурою, русскій человѣкъ смиренно и всецѣло покорилъ умъ свой свѣту истины Христовой и безпрекословно предался церкви святой. Не человѣческая мудрость, а благодать таинствъ, съ

[1]) „Государство царя и русскіе“. Объ этой книгѣ см. въ „Чт. въ Общ. люб. дух. просв.“ 1893 г. № 6.

крѣпкою вѣрою принимаемыхъ, воспитала душу его; не разумъ земной, а Слово Божіе вразумляло его и молитвенное общеніе съ Первоисточникомъ всякого свѣта и знанія настраивало мысль его. Не поднимая разума своего на разумъ Божій, русскій человѣкъ довѣрился Православію съ простотою сердца и теплотою чувства, и всецѣло заполнилъ мысль свою вопросами душевнаго спасенія. Вмѣсто наукъ онъ усвоялъ смиренномудріе и углублялся въ книги благодатнаго закона. „Братіе, не высокоумствуйте! внушали учители народу: но въ смиреніи пребывайте. Аще кто ти речетъ: вѣси-ли всю философію?—и ты рцы ему: эллинскихъ борзостей не токохъ, ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ, а учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мою грѣшную душу очистити отъ грѣховъ“ [1]). Сознавая пользу просвѣщенія, благоразумные отцы древне-русскіе убѣждали дѣтей своихъ: „учися грамотѣ!“ но вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительно добавляли: „учися и держати умъ: высочайшаго не ищи, глубочайшаго не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи“ [2]).

Конечно, отчетливое религіозное знаніе и опредѣленное пониманіе всѣхъ догматовъ Православнаго христіанства не могло сдѣлаться сразу духовнымъ достояніемъ русскаго человѣка, но основы Православія, важнѣйшія истины его и существеннѣйшія понятія,

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ В., I, 3 стр.

[2]) Сборникъ Солов. библ. № 925, л. 66—68.

каковы: о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, о Божіей Матери, Заступницѣ рода христіанскаго, о святыхъ угодникахъ Божіихъ, ходатаяхъ предъ престоломъ Всевышняго за грѣшнаго человѣка, о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ и мученіи грѣшниковъ, и нѣкоторыя другія, — несомнѣнно были восприняты и усвоены всѣмъ народомъ русскимъ. А въ этихъ истинахъ—сущность христіанства; онѣ то и окрылили разумъ русскаго человѣка, воспламенили его чувства и родили въ немъ искреннюю, неподдѣльную и увлекательную набожность русскую, которая нерѣдко даже и доселѣ служитъ предметомъ удивленія для цѣлаго міра. До какой степени мысль русская прикована была къ вѣрѣ святой и, съ другой стороны, насколько ревниво русскій человѣкъ старался соблюсти себя даже отъ самомалѣйшихъ нарушеній того, что указано церковію Православною, это показываютъ, напримѣръ, извѣстные „Вопросы черноризца Кирика“ къ епископу Новгородскому, св. Нифонту (XII стол.). Да впрочемъ это удостовѣряетъ и вся наша исторія: на Руси меньше всего было примѣровъ религіознаго вольномыслія и своеволія въ отношеніи къ ученію и уставамъ Церкви. Что касается появлявшихся у насъ, съ конца XV столѣтія, раціоналистическихъ сектъ, то возникали онѣ, несомнѣнно, не на русской почвѣ и, какъ явленія заносныя, чужія, были совсѣмъ случайны и мимолетны для Россіи. Зато только въ Россіи съ такою безпримѣрною силою явился расколъ, какъ самое крайнее проявленіе принципіальной и переступившей даже границы благоразумія стойкости за все, что касается

вѣры и церковности. Въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, вплоть до XVIII, Православіе было единственнымъ источникомъ просвѣщенія для русскаго человѣка, единственною пищею для его ума и матеріаломъ для его мышленія. Съ XVIII стол., хотя умственный горизонтъ русскаго человѣка значительно расширился и въ сферу русскаго просвѣщенія вошли интересы иные, кромѣ религіозныхъ, все же Православіе осталось, какъ безъ сомнѣнія и должно впредь всегда оставаться, незамѣнимымъ и высшимъ культурнымъ идеаломъ для русскаго человѣка.

Проникши въ мысли и чувства русскаго человѣка, осѣнивши собою всю душу его, вѣра святая со всею очевидностью отразилась и на творчествѣ русскаго человѣка, умственномъ и художественномъ, на всѣхъ созданіяхъ русскаго мышленія и таланта. Все, что являлось лучшаго, высокаго и прекраснаго въ умственной, а также и въ художественной работѣ русскаго человѣка, все это произошло отъ отъ души, согрѣтой религіею, вызвано христіанскою ревностію, возникло изъ глубины православнаго убѣжденія или вдохновенія, — все это Православіемъ было навѣяно и Православію все посвящалось. Просвѣщенная Христовымъ свѣтомъ русская душа устремилась только къ предметамъ, открытымъ и указаннымъ религіею. При этомъ самыя способности умственныя русскаго человѣка, находя себѣ полное удовлетвореніе и наиболѣе сродное поле дѣятельности въ кругу предметовъ, открытыхъ религіею христіанскою и столь близкихъ душѣ человѣческой, стали быстро созрѣвать

и крѣпнуть здоровыми силами, какъ зрѣетъ и крѣпнетъ растеніе подъ благодатными лучами родного солнца.

Уже народная словесность, какъ непосредственный голосъ народного сознанія, получила яркое отраженіе библейскаго ученія, и въ массѣ легендъ, духовныхъ стиховъ и прочихъ видовъ народнаго творчества поэтически воплотила высокія христіанскія идеи [1]). Но еще неизмѣримо полнѣе вліяніе Православія сказалось на умственномъ творчествѣ грамотныхъ русскихъ людей, на нашей древнерусской письменности. При всей еще умственной молодости русскаго человѣка, при всей недостаточности обыкновенныхъ цивилизующихъ средствъ и пособій въ первые вѣка Православія на Руси, быстро, всего чрезъ одно-два поколѣнія, созрѣваютъ на Руси уже духовные таланты, начинаютъ появляться выдающіеся ораторы, писатели, и богословы. Не смотря на крайнюю скудость нашихъ свѣдѣній о той отдаленной порѣ русской жизни, мы однако можемъ сослаться на существованіе тогда уже мощныхъ силъ Православно-русскаго духа. Таковъ, напримѣръ, былъ св. Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, отъ котораго сохранилось намъ подлинное одно только большое слово; но это слово, по возвышенности богословствованія и по силѣ христіанскаго одушевленія, можетъ быть сопоставлено съ словами всемірнаго христіанскаго оратора, св. Іоанна Златоуста, и всегда можетъ

---

[1]) См. „О библейскомъ міросозерцаніи древне-русскаго народа“, Сольскаго. Актовая рѣчь въ Кіевской дух. Академіи за 1878 г.

стоять на ряду съ самыми лучшими созданіями христіанскаго краснорѣчія. Глубокій и проницательный умъ св. Иларіона, располагая еще совсѣмъ не обработаннымъ матеріаломъ русскаго языка, сумѣлъ здѣсь чудно изобразить всю судьбу Божественной религіи въ человѣчествѣ, высокое ученіе о Богочеловѣкѣ, отмѣтить промыслительное призваніе русскаго народа къ участію въ церкви Христовой на землѣ и, наконецъ, начертать величественный, дивный образъ нашего просвѣтителя, св. Владиміра, и его доблестнаго преемника, Ярослава. Таковъ, далѣе, преподобный Ѳеодосій Печерскій, своими простыми и кроткими, но въ то же время полными силы и убѣдительности поученіями вооружавшійся противъ всякихъ остатковъ язычества въ жизни русскихъ людей. Таковъ преподобный Несторъ, великій родоначальникъ исторіи русской, авторъ столь правдиваго, безпристрастнаго и для той поры высоко совершеннаго творенія, предъ величіемъ котораго преклоняются великіе ученые позднѣйшей науки. Таковъ святый Кириллъ Туровскій, этотъ поистинѣ златословесный витія древнерусскій, авторъ вдохновенныхъ и, можно сказать, поэтическихъ словъ и библейскихъ пересказовъ, которые составили бы честь всякому и современному оратору-проповѣднику, и т. д. Въ старинныхъ лѣтописяхъ нерѣдко читаемъ мы свидѣтельства о лицахъ, которыя славились своимъ ораторскимъ даромъ и были извѣстны своими сочиненіями. Эпитеты —„зѣло учителенъ, вельми книженъ, силенъ въ Божественномъ ученіи, философъ велій, слово его бяше солію растворено, народъ въ сладость его послу-

шаше“, и т. п. — указываютъ на великое достоинство и талантливость нашихъ древнерусскихъ пастырей, учителей церковныхъ и проповѣдниковъ [1]). Такъ скоро и такъ успѣшно началась на Руси, на почвѣ священно-богослужебной и свято-отеческой литературы, своя русская словесность, русская цивилизація.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ умственная и литературная дѣятельность русскихъ людей усвоила одно неуклонное строжайше-православное содержаніе и направленіе, исключительно религіозный стиль и характеръ. Лѣтописецъ-ли записывалъ прошедшій фактъ, сказатель-ли выступалъ съ нравоучительною повѣстью, благочестивый-ли паломникъ описывалъ чуждыя страны, —всѣ они, различаясь по искренности чувства и силѣ возбужденія, по талантливости и художественности своего творенія, одинаково всегда имѣли одну общую для всѣхъ цѣль—религіозно-нравственную. Нашъ, напримѣръ, Несторъ на все въ мірѣ смотритъ и все оцѣниваетъ исключительно съ библейской точки зрѣнія: историческую жизнь своею народъ онъ ставитъ въ параллель съ исторіею священною, въ каждомъ фактѣ историческомъ онъ отмѣчаетъ участіе Промысла Божія

---

[1]) Такъ напр. о Симеонѣ, епископѣ тверскомъ († 1289 г.), въ лѣтописи говорится: „бяше добродѣтеленъ и учителенъ и силенъ въ книгахъ Божественнаго Писанія, слово Христово право и истинно проповѣдуя, смысленъ зѣло“ (Росс. Исторія Татищева. IV, 70). Объ инокѣ Павлѣ, изъ Нижняго-Новгорода, лѣтопись говоритъ: „былъ книженъ...., многоразсуденъ, писаше книги учительныя многи“. (Словарь истор. о писателяхъ духовнаго чина. II т. 143 стр.). Вообще въ лѣтописяхъ встрѣчается много подобныхъ отзывовъ о лицахъ, сочиненія которыхъ не сохранились намъ.

или усматриваетъ исполненіе непреложныхъ истинъ Евангелія. Нашъ, напримѣръ, Домострой древнерускій, поражая скрупулезностію всевозможныхъ житейскихъ совѣтовъ своихъ и наставленій, все направляетъ къ одной цѣли — преподать правила вѣры и благочинія, научить русскаго человѣка богоугодному житію, обратить, по возможности, всю жизнь его въ непрестанное богослуженіе, и т. д. Что же касается такъ называемаго свѣтскаго образованія и литературы, то, какъ извѣстно, они долго совсѣмъ отсутствовали и не существовали для древнерусскихъ людей. Только немногія и отрывочныя свѣдѣнія изъ естественныхъ и философскихъ наукъ проникали въ Россію, и то въ оболочкѣ религіозной мысли (напр. въ Шестодневѣ Василія Великаго, въ твореніяхъ Іоанна Домаскина и т. п.). И все пользованіе этими знаніями на Руси ограничивалось только развѣ приведеніемъ мудраго изрѣченія въ подтвержденіе какой нибудь религіозной-же или нравственной мысли.

Въ такомъ-то исключительно-религіозномъ направленіи стала работать православная русская мысль, и результаты ея дѣятельности, повторяю, были весьма успѣшны. Принимая во вниманіе условія того времени, можетъ представляться даже неожиданнымъ обиліе произведеній умственнаго и литературнаго творчества нашихъ древнерусскихъ отцовъ. За древній періодъ русской писменности (XI — XVII вв.) мы знаемъ до 130 извѣстныхъ по имени русскихъ писателей, епископовъ, священниковъ, иноковъ и мірянъ, князей и простыхъ набожныхъ начетчиковъ. Отъ нихъ осталось

великое множество и доселѣ все открываемыхъ экзегетическихъ, полемическихъ, историческихъ, догматическихъ, а особенно церковно-дидактическихъ и назидательныхъ произведеній. А вѣдь количество извѣстныхъ намъ древнерусскихъ авторовъ, во всякомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному числу ихъ, такъ какъ можетъ быть столько же именъ для насъ упущено изъ вида, потеряно; быть можетъ еще большая масса сочиненій, сравнительно съ тѣмъ, что намъ сохранилось, погибли въ пожарахъ, въ междоусобицахъ, при нашествіи иноплеменниковъ. Стоитъ также отмѣтить при этомъ, что началась литературная дѣятельность на Руси въ ту пору, когда нигдѣ даже и въ просвѣщеннѣйшихъ теперь странахъ—Англіи, Франціи, Германіи—еще и зародыша не было своей національной литературы: то были X—XI столѣтія, такъ и прозванныя въ исторіи темными; такъ что славяно-русское племя, бывшее дотолѣ дикимъ, „жестокимъ и кровожаднымъ“, какъ только было просвѣщено Православіемъ, сразу составило тогда знаменательное и отрадное исключеніе: въ умственномъ мракѣ Европы оно явилось самою свѣтлою точкою.

Говоря о вліяніи Православія на умственную и литературную дѣятельность въ древней Руси, нельзя не упомянуть о столь же важномъ значеніи его и въ исторіи изящныхъ искусствъ на Руси. Творчество народнаго русскаго генія, еще совершенно некультивированнаго до христіанства, въ послѣднемъ нашло себѣ первое и самое широкое примѣненіе. Въ высокихъ предметахъ истинной религіи эстетическое

чувство русскаго человѣка обрѣло себѣ одушевленіе, а простой, величественный характеръ истинъ Евангельскихъ опредѣлилъ направленіе и характеръ русскаго искусства. Зодчество, живопись и музыка, пѣніе, вмѣстѣ съ вѣрою воспринятыя отъ грековъ, сразу явились на Руси христіанскими, церковными; въ храмѣ Православномъ они нашли себѣ первый на Руси пріютъ и въ храмѣ именно стали слагаться потомъ въ своеобразныя русскія формы, постепенно развиваться, совершенствоваться. По принятіи крещенія, св. Владиміръ повелѣлъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, строить церкви какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ [1]). И вотъ между прочимъ сооружонъ былъ византійскими мастерами великолѣпный Десятинный храмъ, первый образецъ изящнаго церковнаго зодчества на Руси [2]). Скоро послѣ того, по мысли ближайшихъ преемниковъ св. Владиміра, создается византійскими же зодчими Кіево-Софійскій соборъ, своимъ крестообразнымъ расположеніемъ, мозаическою стѣнописью, верхними галлереями, хорами и другими украшеніями, представлявшій точную копію Константинопольской св. Софіи [3]). Эти первые русскіе храмы, воздвигнутые и украшенные греками, и послужили образцами и прототипами уже собственно русскаго церковнаго искусства—зодчества и живописи.

При этомъ достойно вниманія, что какъ въ умственной дѣятельности, такъ и въ области искусствъ,

---

[1]) Соф. Временникъ; I ч., 85 стр.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. XLIII ч. (1844 г.), 2 отд., 133 стр.

[3]) Тамъ же, стр. 138—142.

благотворное вліяніе Православія на Руси обнаружилось очень скоро и неожиданно успѣшно. По отзыву, напримѣръ, изслѣдователя спеціалиста, „XI вѣкъ былъ для насъ вѣкомъ ученія, а XII вѣкъ — уже началомъ самостоятельной художественной дѣятельности: въ XII вѣкѣ мы уже имѣли нашу собственную художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы“ [1]). Сравнивая, далѣе, въ частности русскую иконографію XII вѣка съ принесенною впервые на Русь греческою XI вѣка, ученый изслѣдователь пришолъ даже къ заключенію, что „стиль русскій имѣлъ больше естественности, свободы, граціозности и выразительности сравнительно съ греческимъ“. Сохранившіеся намъ памятники старой русской иконографіи, дѣйствительно, удостовѣряютъ, что искусство это очень рано пришло у насъ въ цвѣтущее состояніе. Такъ напр. извѣстныя Каппоніевы доски (святцы), писанныя русскими художниками въ первое время Православія на Руси [2]), доселѣ поражаютъ знатоковъ своимъ необыкновеннымъ блескомъ, нѣжностію красокъ, правильностію рисунка и изяществомъ отдѣлки. Многіе архипастыри русской Церкви сами любили заниматься иконописнымъ искусствомъ (напр.: св. Петръ, Симонъ, Варлаамъ, Макарій и Аѳанасій, митрополиты всероссійскіе, и др.), и, какъ знатоки, они строго слѣдили за успѣшнымъ и пра-

---

[1]) Праховъ. Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Труды Импер. Моск. археол. общества, т. XI, вып. 3, стр. 24 и слѣд.

[2]) Памят. Моск. Древности, Снегирева, стр. LXVI.

вильнымъ развитіемъ иконописнаго художества на Руси. Извѣстно, напр., мудрое правило, настойчиво ими внушавшееся русскимъ мастерамъ: „святыя и честныя иконы писать не на соблазнъ міру, но во утвержденіе Православію и въ просвѣщеніе и умиленіе, по преданію святыхъ отецъ, по обычаю святыя восточныя церкви, по приличности дѣлъ и лицъ“ [1]).

Храмъ же православный явился на Руси первымъ средоточіемъ и прочихъ проявленій художественнаго творчества. Такъ напр., всѣ своды и стѣны Кіево-софійскаго собора украшены были мозаическими изображеніями священныхъ лицъ и библейскихъ событій; Десятинная церковь украшена была разноцвѣтною и золотистою мозаикою; Владимірскій Успенскій соборъ снаружи обложенъ былъ мраморомъ, капители колоннъ убраны были золотомъ, а мѣдная крыша серебромъ, и внутреннія украшенія этого храма были весьма богаты и разнообразны: вездѣ блистали самоцвѣтные камни, роскошныя паникадилы висѣли предъ иконостасомъ и посреди храма, и т. д. [2]). Довольно широкое примѣненіе въ храмахъ русскихъ нашло себѣ также искусство глиптики (рѣзьба на камняхъ). Памятниковъ этого искусства сохранилось намъ не мало на древней церковной утвари — на облаченіяхъ, панагіяхъ, крестахъ, иконахъ. Такими рѣзными камнями между прочимъ, напримѣръ, покрыто драгоцѣнное Еван-

---

[1]) Тамъ же, стр. XXXVI; Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 776.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XLIII, отд. 2, стр. 139—148.

геліе царицы Наталіи Кирилловны, хранящееся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ; прекрасно вырѣзанная на синемъ яхонтѣ гербовая печать царя Ѳеодора Алексіевича украшаетъ золотую звѣзду надъ дискосомъ въ Чудовѣ монастырѣ [1]), и т. д.

Искусство пѣнія церковнаго принесено было въ Россію также вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ грековъ и отъ ранѣе крестившихся нашихъ братьевъ славянъ. Еще при св. Владимірѣ царь и патріархъ греческіе прислали къ намъ „демественниковъ отъ славянъ“. Послѣ того, при великомъ князѣ Ярославѣ въ Россію „пріидоша богоподвизаеми тріе пѣвцы гречестіи съ роды своими; отъ нихъ начатъ быти въ рустѣй землѣ ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное сладкогласованіе, и самое красное демественное пѣніе въ похвалу и славу Богу“ [2]). Выше было уже замѣчено. какъ русскій народъ заинтересованъ былъ церковнымъ пѣніемъ и какъ онъ ревниво охранялъ его священный, величавый характеръ. Но самостоятельность русскаго генія и въ этой области скоро сказалась разработкою основныхъ мотивовъ церковнаго пѣнія въ разнородные и разнохарактерные типы напѣвовъ, каковы напримѣръ извѣстны были: знаменной, столбовой, демественный, кіевскій, новгородскій, московскій и нѣкоторые другіе. Эти древнерусскіе церковные напѣвы, къ сожалѣнію, впослѣдствіи

---

[1]) Памятн. Моск. Древн. т. I, стр. XXXIX, XXIII, LXXIII.

[2]) Росс. Исторія, Татищева, I ч., 38 стр.; Степ. кн., I т., 2 степ., 2 гл.

искаженныя вліяніемъ итальянской музыки и хранящіеся только въ немногихъ древнихъ обителяхъ, доселѣ увлекаютъ знатоковъ и цѣнителей религіозной музыки своею величавой простотой и особеннымъ благородствомъ отражающагося въ нихъ религіознаго одушевленія [1]).

Такимъ образомъ Православіе призвало къ жизни умственныя и художественныя силы русскаго человѣка, дало содержаніе для ихъ дѣятельности и опредѣлило характеръ ихъ творчества. Но прежде всего и главнымъ образомъ Православное христіанство изъ всего необъятнаго своего содержанія вошло въ сознаніе русскаго человѣка своею практическою стороною.

Получивши просвѣщеніе свое съ востока въ то время, когда тамъ окончилась догматическая разработка вѣроученія и упрочилось уже практическое направленіе, когда вслѣдствіе потери политической самостоятельности и другихъ причинъ въ Византіи сталъ ослабѣвать духъ свободнаго умственнаго творчества, Русь, уже по этому одному, естественно стала развиваться въ направленіи практически-религіозномъ. Конечно, было бы крайностію и большою неточностію полагать, что русскій человѣкъ такъ и остановился исключительно на однѣхъ формахъ религіозности, на обрядовой только сторонѣ Православія: и въ литературѣ и въ жизни очевидно обнаруживается стремленіе русскаго

---

[1]) Сахаровъ. Изслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи, 11—12 стр. (изъ Журн. Мин. Народ. Просв. 1849 г. № 7—8.

человѣка проникнуть въ смыслъ внѣшнихъ формъ богопочтенія, понять и усвоить тотъ духъ, выразителемъ и проводникомъ котораго формы эти служили; въ лучшихъ своихъ образцахъ, литературныхъ и жизненныхъ, типъ русскій, живя религіознымъ началомъ, выражаетъ и проявляетъ его не въ соблюденіи только обрядности, какъ, съ другой стороны, и не въ аскитически-удаленномъ отъ жизни религіозномъ міросозерцаніи только, а—и въ разумномъ стремленіи осмыслить свою жизнь христіанскими началами, одухотворить ее христіанскою нравственностію. Тѣмъ не менѣе, преобладаніе практическаго начала въ религіозно-нравственномъ міросозерцаніи русскаго народа несомнѣнно. Церковно-византійское ученіе, воспитавшее христіанскую Русь, не поставило себѣ задачею развивать интеллектуальныя, мыслительныя способности русскаго человѣка: оно стремилось внушить вѣру, укоренить нравственность, возбудить и поднять нравственно-религіозное чувство. Эта система воспитанія и программа образовательная такъ и упрочилась на Руси—весьма на долго. Всѣ училища древнерусскія, по крайней мѣрѣ вплоть до XVII стол., имѣли не умственно-образовательный, а нравственно-воспитательный характеръ. По свидѣтельству Степенной книги, русскаго человѣка учили не столько „словесемъ книжнаго ученія“, сколько „благонравію, правдѣ и любви и зачалу премудрости—страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію“ [1]). Вся и литература древнерусская, эта высоковліятельная руководительница ста-

[1]) Степ. кн. I, 143 стр.

раго русскаго человѣка, проникнута была преобладающимъ нравственно-назидательнымъ и церковно-обрядовымъ направленіемъ. Послѣднее выступаетъ во всѣхъ видахъ и формахъ словесныхъ произведеній: въ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ на вопросы частныхъ лицъ, особенно же въ церковныхъ словахъ и поученіяхъ, въ массѣ обличительныхъ и поучительныхъ словъ подъ общими заглавіями: „Слово, еже како жити христіаномъ“, „Слово о спасеніи души“, „Слово душеполезно“, и т. п. Такимъ образомъ, русскій человѣкъ съ самаго начала своей исторической жизни сталъ жить болѣе сердцемъ, нежели умомъ, свою мысль подчинилъ вѣрѣ, разумъ—нравственному началу. Развитіе „изящнѣйшаго сердца“, „умонаклоненіе къ добру, нравоученію и добронравію“, какъ извѣстно, было цѣлію стремленій на Руси и впослѣдствіи, въ XVIII стол., при великой воспитательницѣ русскаго общества, императрицѣ Екатеринѣ II.

Своею практическою стороною дѣйствуя на волю и на сердце русскаго человѣка, Православіе и воспитало въ немъ тѣ качества, которыя объединяются въ общемъ понятіи благочестія. Благочестіе стало кореннымъ, типическимъ свойствомъ русскаго человѣка, и вся нравственная жизнь его начала слагаться по христіанскому идеалу. Лучшіе люди старой Руси, проникаясь этимъ идеаломъ со всею горячностію и увлеченіемъ первыхъ прозелитовъ, стремились къ осуществленію въ поведеніи своемъ всѣхъ даже аскетическихъ предписаній христіанской морали; почитая идеаломъ христіанской жизни и вѣнцомъ добродѣтелей полное

отреченіе отъ міра и плоти, они старались приблизить свою и мірскую жизнь къ „спасенному пути“ монашескаго подвижничества. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что никоимъ образомъ не слѣдуетъ въ своемъ представленіи идеализировать древне русскаго человѣка, нельзя представлять себѣ его святымъ и безупречнымъ: съ точки зрѣнія всесовершеннаго идеала христіанской нравственности, жизнь русскаго человѣка, какъ и самая личность его нравственная, представляли очень много и темнаго и несовершеннаго. Вѣдь уродливыя явленія, нравственныя аномаліи всегда существовали и будутъ существовать въ человѣческомъ обществѣ; зло и добро, порокъ и добродѣтель, нечестіе и благочестіе, не смотря на необъятное различіе ихъ взаимное, всегда существовали вмѣстѣ. Это тѣмъ болѣе нужно сказать о нашей старинѣ, когда народъ русскій только что призванъ былъ въ Православіе изъ дикаго состоянія. Во всякомъ случаѣ величайшая заслуга Православія въ томъ была, что оно, указавши идеалъ жизни благочестивой, разъ навсегда привязало къ нему помыслы и стремленія русскаго человѣка, а своими благодатными средствами, несомнѣнно, сообщило послѣднему и энергію, силу воли въ достиженіи этого идеала. Благочестіе стало завѣтною цѣлію, въ стремленіи къ которой слились нераздѣльно всѣ русскіе люди. При этомъ представители и вожди народа, не только духовные, а и мірскіе, какъ напримѣръ князья, шли впереди, такъ сказать, на встрѣчу народному благочестію и возгрѣвали рвеніе къ нему въ массѣ народной своимъ авторитетнымъ примѣромъ, подавали достойные подражанія образцы

христіанской жизни, богобоязненныхъ обычаевъ, ревности о славѣ Божіей. Вѣра Православная и явилась на Руси великою зиждущею силою, воспитавшею всему міру извѣстное „русское благочестіе“,—силою, создавшею отличительныя особенности и нравственныя доблести русскаго человѣка. Правда, нѣкоторыя духовныя качества, какъ напр. храбрость, гостепріимство, прямота — считались особенностями вообще славянскаго типа, еще и во времена язычествія; но Православіе подняло и одухотворило эти качества, сообщило имъ высшее нравственное достоинство, указало для нихъ болѣе сознательныя и чистыя основы, святыя побужденія. Кромѣ того, подъ вліяніемъ Православія, въ русскомъ народѣ создались новыя, дотолѣ несвойственныя ему, нравственныя добродѣтели, ставшія теперь также существенными и типическими качествами русскаго человѣка, каковы напримѣръ: набожность, честность, смиреніе, терпѣніе, незлобіе, милосердіе и т. п. евангельскія именно добродѣтели.

Особенную извѣстность искони пріобрѣлъ русскій человѣкъ своею набожностію. Послѣдняя проявляется прежде всего напр. въ его беззавѣтной, дѣтски искренней вѣрѣ въ благость Творца и въ его безпредѣльной преданности Промыслу Божію. „Такъ Богу угодно!“ „На все воля Божія!“ — такъ безропотно и покорно вздыхаетъ вѣрующая душа русскаго человѣка во всѣхъ часто и невыносимо тяжкихъ треволненіяхъ и злоключеніяхъ жизненныхъ. Но и въ ровномъ, спокойномъ теченіи жизни своей русскій человѣкъ никогда

не забываетъ Бога и своего христіанскаго званія [1]). Каждый можно сказать шагъ въ его повседневной жизни запечатлѣнъ глубокою набожностію, болѣе или менѣе отмѣченъ искреннею и непоколебимою привязанностію къ вѣрѣ своей, вѣрѣ завѣтной, святой, Православной. Знаменемъ крестнымъ русскій человѣкъ начинаетъ и кончаетъ всѣ входы и исходы свои, всѣ дѣйствія и начинанія свои, встрѣчаетъ время сна и бодрствованія, начало труда и отдохновенія своего. Безъ осѣненія себя крестомъ русскій человѣкъ не пройдетъ мимо храма, часовни, иконы, покойника, не выслушаетъ ни одного сообщенія о какомъ либо событіи, радостномъ или горестномъ, не пропуститъ ни одного явленія въ природѣ, грознаго или величественнаго, опаснаго или благодѣтельнаго. Дождь, гроза, буря, снѣгъ, восходъ и заходъ солнца и т. п. вызываютъ въ немъ религіозныя чувства, обращаютъ взоры его къ небу, вызываютъ съ устъ его слова благодаренія или молитвы о помилованіи. Имя Божіе непрестанно пребываетъ въ мысли и на устахъ русскаго человѣка: входя въ чужой домъ, старый русскій человѣкъ крестясь громко произносилъ неоднократно: „Господи помилуй!“; потомъ, обращаясь къ хозяину, привѣтствовалъ его: „дай тебѣ, Боже, здравія“ [2])! Видя кого либо за дѣломъ, и теперь русскій человѣкъ говоритъ: „Богъ въ помощь!“ Изъявляя благодарность, говоритъ: „Спаси Богъ!“ При-

---

[1]) Разумѣю старыхъ, а также и новыхъ — простыхъ, не зараженныхъ ложною цивилизаціею, коренныхъ, истовыхъ русскихъ людей,

[2]) Карамзинъ. Ист. Государства Россійскаго, VII, 211 стр.

ступая къ дѣлу, благоговѣйно произноситъ: „Господи, благослови!“ Въ разговорѣ постоянно употребляетъ пословицы, въ которыхъ такъ часто слышится имя Божіе; и т. д.

Внѣшняя обстановка русскаго человѣка также свидѣтельствуетъ объ его набожности: всю жизнь свою онъ на груди носитъ крестъ, съ которымъ уходитъ и въ могилу; въ каждомъ жиломъ помѣщеніи русскаго человѣка имѣется святая икона, на дверяхъ и на косякахъ русскаго дома начертаны или „крещенскимъ“ (во время окропленія святою водою послѣ великаго водоосвященія), а также „святымъ, четверговскимъ огнемъ“ (съ какимъ слушаются 12 евангелій въ Великій четвертокъ) выжжены изображенія креста. Въ каждомъ домѣ есть „святой уголъ“, божница — самое чистое, почетное и благоукрашенное мѣсто, точно также какъ самымъ дорогимъ и лучшимъ украшеніемъ, гордостію всякаго русскаго поселенія является храмъ Божій.

Храмъ съ его богослуженіемъ и всею священною обстановкою искони составляетъ насущную потребность русскаго человѣка и является предметомъ его самой внимательной заботливости и сердечной любви. Созиданіе храмовъ, а также и монастырей, и украшеніе ихъ имѣло всегда высокое религіозное значеніе въ глазахъ православнаго русскаго народа и служило одною изъ любимыхъ формъ проявленія благочестивыхъ чувствъ. Кажется, невозможно найти напр. ни одного древнерусскаго духовнаго завѣщанія, въ которомъ русскій человѣкъ, дѣлая послѣднія предсмертныя свои

распоряженія, забылъ бы про церковь, не сдѣлалъ вклада въ храмъ, не пожертвовалъ на монастырь и т. п. Зато совсѣмъ нерѣдкость читать въ завѣщаніяхъ трогательныя распоряженія—все свое достояніе отдать Богу и Его святой церкви. Вслѣдствіе такого настроенія русскихъ людей, храмы и размножались на Руси въ такой степени, что уже въ XI и XII вв., по сказанію своихъ и иноземныхъ лѣтописцевъ, въ Кіевѣ. напримѣръ, считалось нѣсколько сотъ церквей: по сказанію напр. Лаврентіевской лѣтописи, въ пожарѣ 1124 года въ Кіевѣ „церквей единѣхъ изгоря близь шести сотъ“. И всѣ храмы русскіе ревностно украшались прихожанами, украшались часто роскошно, великолѣпно—золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, „муссіею“ (мозаикой), иконами и сосудами. Главные храмы въ стольныхъ городахъ—Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Владимірѣ, и др.—поражали иностранцевъ своей красотою и богатымъ убранствомъ. Въ Ростовѣ, напр., была Церковь Пресвятыя Богородицы (сгорѣвшая), по замѣчанію мѣстнаго лѣтописца—„дивная и великая, якоже не было и не будетъ“ [1]). Для построенія церкви во Владимірѣ „Богъ привелъ князю (Владиміру Боголюбскому) мастеровъ изъ всѣхъ земель“ и лѣтописецъ сравнивалъ эту Церковь съ славнымъ храмомъ Соломоновымъ [2]). Позднѣе, Москва, какъ сердце Православной Россіи, особенно выдѣлялась и количествомъ и качествомъ своихъ храмовъ. По свидѣтельству путе-

[1]) Журн. Мин. Народ. Просв. 1844 г., ч. XLIII, отд. 2, стр. 147.

[2]) Ипат. Лѣтоп.; под. 1161—1175 г.

шественника Таннера (въ XVII стол.), въ Москвѣ было болѣе 1700 храмовъ [1]).

Благочестивая ревность русскихъ людей украшала храмы преимущественно обиліемъ святыхъ иконъ и священныхъ изображеній. Извѣстно, что напр. въ прошломъ столѣтіи Успенскій соборъ въ Москвѣ имѣлъ „двѣ тысячи шестьдесятъ шесть лицъ“, изображенныхъ только на стѣнахъ храма, помимо иконостаса и отдѣльныхъ иконъ [2]). Святыя иконы всегда были предметомъ самого благоговѣйнаго почитанія въ Россіи. Этою добродѣтелью русскихъ людей даже злоупотребляли иностранцы въ смутныя времена: они похищали чаще всего у русскаго населенія иконы, потому что русскій человѣкъ готовъ былъ за нихъ платить самый дорогой выкупъ, лишь бы не лишиться своей завѣтной святыни и спасти ее отъ оскорбленія иновѣрцами. Извѣстно также, что даже люди неправославные, напр. лютеране, жившіе въ старину на Руси, вынуждались держать въ домахъ своихъ православныя иконы, иначе ни одинъ русскій человѣкъ ни за что не шолъ къ нимъ въ услуженіе [3]).

Однимъ изъ самыхъ видныхъ и исконныхъ проявленій русскаго благочестія является благоговѣйное отношеніе русскаго человѣка къ иночеству, къ монастырямъ и сохраняемымъ въ послѣднихъ святынямъ.

---

[1]) Берха. Царств. Ѳеодор. Алекс., стр. 64.

[2]) Истор. описаніе Моск. Усп. собора Прот. А. Левшинъ. 1783 г; стр. 15 и 217.

[3]) Религ бытъ русскихъ по свѣд. иностр. писателей XVI и XVII в. Рущинскій, стр. 222.

Уже одна громадная цифра монастырей въ старой Руси свидѣтельствуетъ о великой популярности монашества въ народной средѣ и о расположеніи русскаго человѣка къ подвигамъ иноческой жизни. Обиліе уединеннымъ обителей, раскинувшихся на всѣхъ концахъ Руси великой и скоплявшихъ въ многотрудной жизни своей болѣе или менѣе цѣнный и славный капиталъ святыни, въ видѣ святыхъ мощей, чудотворныхъ иконъ, прославленныхъ подвижниковъ,—породило на Руси особый и чрезвычайно распространенный подвигъ религіозный — паломничества. Преодолѣвая всевозможныя затрудненія и лишенія, русскій человѣкъ и теперь тысячи верстъ измѣряетъ своими трудовыми ногами, посѣщая святыя обители, чтобы отдохнуть въ нихъ душою, согрѣть тамъ свой духъ благочестія и запастись новыми духовными силами для жизни. Строгая иноческая жизнь возбуждала въ русскомъ человѣкѣ столь искреннее къ себѣ сочувствіе и симпатію, что, какъ уже было выше замѣчено, и свою мірскую жизнь онъ по возможности старался приблизить къ „ангельскому образу“ жизни иноческой. Многія правила монастырской жизни въ Домостроѣ напр. возведены были въ норму общенародной мірской жизни. И эти предписанія вовсе не оставались только на словахъ или только въ мечтѣ, — нѣтъ, жизнь нерѣдко даже превосходила всякія предписанія: извѣстно, напримѣръ, что знаменитый бояринъ Ордынъ Нащокинъ и подъ одеждой государственнаго сановника носилъ вериги и подчинялся всей строгости иноческаго устава [1]).

[1]) Свѣд. о жизни Ордынъ-Нащокина. Терещенко I, 30—70.

Тѣмъ болѣе русскій человѣкъ, подчиняясь своей внутренней религіозной потребности, строго относился ко всѣмъ уставамъ и правиламъ Церкви Православной. Вотъ что извѣстный путешественникъ Маржеретъ говоритъ напр. о соблюденіи на Руси постовъ еще сравнительно въ недавнюю пору, въ XVII стол.: „наблюдаютъ россіяне посты столь строго, какъ только это возможно.... Предъ великимъ постомъ они прощаются; даже и незнакомые, встрѣчаясь на улицѣ, привѣтствуютъ другъ друга: „прости меня!“ говоритъ одинъ.— „Богъ тебя проститъ!“ отвѣчаетъ другой. Въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ домовъ, или весьма рѣдко, ѣдятъ въ недѣлю не болѣе трехъ разъ. Въ слѣдующія недѣли ходятъ всѣ просто одѣтые, какъ въ траурѣ. На послѣдней недѣлѣ постятся, какъ на первой и еще строже“ [1]). Другой иновѣрный наблюдатель старорусской жизни, ревностный католикъ Яковъ Кобенцель (въ XVI стол.) такъ вообще свидѣтельствуетъ о благоговѣйной набожности русскаго человѣка: „москвитяне больше насъ преданы религіознымъ обрядамъ.... Никогда не забываютъ они предъ церковію или изображеніемъ креста, которое встрѣчается на всякомъ распутіи, слѣзть съ коня или выйти изъ саней, стать на колѣни, трижды оградить себя крестнымъ знаменіемъ, произнося молитву. Такъ поступали всѣ сопровождавшіе меня москвитяне. Приближаясь къ церкви, въ которой совершалось богослуженіе, они никогда не проходили мимо, но вошедши,

[1]) Сказ. совр. о Дим. Самозванцѣ. Кн. III, стр. 31—32.

отслушивали обѣдню, становились на колѣни, клали земные поклоны. Не скрою истины, что богослуженіе ихъ совершается съ такимъ благоговѣніемъ, что трудно изобразить словами. Во всѣхъ дѣлахъ своихъ москвитяне чрезвычайно религіозны“ и т. д. [1]).

Говоря о набожности и религіозной настроенности русскаго человѣка, стоитъ особенно отмѣтить еще одну выдающуюся, типичную черту его, это — стремленіе къ религіозному просвѣщенію, любовь его къ душеспасительному чтенію, къ религіозно-нравственнымъ книгамъ. Въ этой любви къ „побожному“ просвѣщенію и къ „божественнымъ“ книгамъ сходились рѣшительно всѣ русскіе люди. Не говоря уже о духовенствѣ, какъ сословіи всегда попреимуществу книжномъ, весьма многіе князья и государи древнерусскіе были страстными любителями „книжнаго почитанія“ и увлеченными, какъ ихъ тогда и называли, „книголюбцами“. Такъ напримѣръ извѣстно, что св. Борисъ имѣлъ обычай читать книги, особенно любилъ онъ читать „житія и мученія святыхъ“; великій князь Ярославъ „любилъ книги и читалъ оныя „день и ночь“. Святославъ Ростиславичъ, знавшій греческій языкъ, собиралъ греческія и славянскія книги, и ихъ „охотно читалъ“; Святославъ Юрьевичъ былъ „ученъ писанію, много книгъ читалъ“; Романъ Ростиславичъ Смоленскій былъ самъ ученъ и книженъ, и другихъ „принуждалъ“ къ ученію и къ чтенію. Родная сестра Мономаха Янка, или Анна,

---

[1]) Отзывы о Московіи Я. Кобенцеля. Журн. Мин. Нар. Просв., 1842 г., стр. 357.

занималась чтеніемъ книгъ и сама многихъ дѣвицъ обучала чтенію. Константинъ Всеволодовичъ, в. кн. Владимірскій, собиралъ и самъ списывалъ книги; между прочимъ онъ за большія деньги пріобрѣлъ болѣе тысячи греческихъ книгъ и на свои средства нанималъ переводчиковъ; и т. д. [1]). Съ другой стороны еще Кириллъ Туровскій засвидѣтельствовалъ, что и простой народъ русскій — „люди свѣтскіе и люди, въ житейскихъ заботахъ живущіе, прилежно требовали книжнаго почитанія“. Въ громадной массѣ старинныхъ рукописей, въ припискахъ, которыя сдѣланы были прежними обладателями этихъ рукописей, мы встрѣчаемъ имена челядинцевъ и простолюдиновъ, которые изъ скудныхъ средствъ своихъ тратили, вѣроятно, послѣдніе гроши на пріобрѣтеніе назидательныхъ книгъ [2]). Вообще, русскіе люди любили и дорого цѣнили духовныя книги, съ благоговѣніемъ читали ихъ и съ великою ревностію занимались въ качествѣ религіознаго подвига списываніемъ ихъ,—всѣ, духовные и міряне, князья и простецы, мужчины и даже женщины. По книгамъ этимъ русскіе люди и молились и учились, въ церкви и дома, книгами этими они услаждали свой досугъ, питали свою душу; къ нимъ обращались они въ минуты радостей, благочестивыхъ востор-

---

[1]) „Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ“, изд. Срезневскаго, стр. 7; Ист. Госуд. Росс., Карамзина, II т., 27 стр.; Ист. Рос., Татищева, III ч., 177, 196, 238 стр.; О хронографахъ, Иванова, стр. 158 и 159, Церк. Исторія, Иннокентія, ч. 2, стр. 225.

[2]) Напримѣръ въ Оп. ркп. Рум. Музея, Востокова — стр. 13, 21, 175, 183, 185, 464, 643, 721 и др.

говъ, и къ нимъ же спѣшили за утѣшеніемъ въ часы бѣдъ и испытаній жизненныхъ.

И извѣстно, какія прочныя убѣжденія воспитывали книги эти въ своихъ читателяхъ, какія, если не блестящія на показъ и не громкія, то въ сущности все же величественныя лица и явленія возрастали подъ ихъ опекою. Вѣдь могли же въ рядахъ русскаго народа являться лица, какъ напримѣръ нѣкій инокъ Печерскаго монастыря Никита, о которомъ въ Патерикѣ говорится, что онъ зналъ всю Библію наизусть: „не можаше никто стязатися съ нимъ книгами,—вся книги свѣдаше добре: вси бо изустъ умѣяше!“ А что лицъ, начитанныхъ въ священныхъ, богослужебныхъ и отеческихъ книгахъ, было на Руси очень много, въ этомъ убѣждаетъ насъ вся древняя наша исторія и литература, не духовная только, а и свѣтская, дѣловая, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются или выдержки изъ книгъ, или мѣста, навѣянныя ими; гдѣ мы даже намѣренно не отыщемъ ни одной книжки или статьи, въ которой не встрѣчались бы въ большемъ или меньшемъ изобиліи библейскіе тексты, святоотеческія цитаты, разныя религіозныя сентенціи, набожныя выраженія. По очень характерному замѣчанію Посошкова, русскому человѣку, когда нужно было только перо испытать, и то по нажитой, исконной привычкѣ непремѣнно попадали на умъ набожныя мысли, и онъ писалъ религіозныя изреченія. Такъ велика была религіозная настроенность русскихъ людей, воспитанная въ нихъ церковію Православною да письменностію православно-христіанскою. Свою поистинѣ неизгладимую печать наложило это Православное просвѣще-

ніе на русскаго человѣка, на всѣ его мысли и чувства, идеи и идеалы, на художественное и нехудожественное его творчество, на всю поэзію и прозу его жизни.

Недаромъ въ народѣ русскомъ сложилось убѣжденіе, что его книги есть неприкосновенная святыня, и потому, когда начались у насъ книжныя исправленія, народъ въ ревностной простотѣ своей принципіально возсталъ противъ этого дѣла, какъ противъ святотатства, богохульства, — жизнію своею готовъ былъ пожертвовать за неприкосновенность „и единаго аза, кавыки единой“ въ своихъ святыхъ книгахъ. Недаромъ, кстати сказать, и доселѣ еще простой народъ русскій подозрительно относится къ нашимъ свѣтскимъ книгамъ и желаетъ себѣ пищи духовной только отъ церкви, не хочетъ другого ученія, какъ только въ духѣ церковномъ. Только въ религіозныхъ книгахъ человѣкъ русскій видитъ вѣрный и завѣтный ключъ къ мудрости; только то чтеніе ставитъ онъ высоко, которое освѣщаетъ предъ нимъ внутренній, духовный міръ, раскрываетъ высшее назначеніе и призваніе человѣка, даетъ знаніе того, что полезно не только во временной, но и въ загробной жизни. Съ благоговѣйною жаждою русскій человѣкъ готовъ слушать тѣ „глаголы“, которые успокаиваютъ его душу, даютъ отвѣты на томительные вопросы о Богѣ и жизни, проливаютъ спасительную отраду и миръ христіанскаго упованія въ его истерзанное житейскою горечью сердце. Воспитанный подъ опекою „божественныхъ“ книгъ, русскій человѣкъ искони назвалъ ученіе свѣтомъ, а неученіе тьмою; съ величайшимъ уваженіемъ относясь

къ этому свѣту книжному, онъ и смотритъ на него, какъ на дѣло прямо священное; въ поискахъ за нимъ онъ охотно и смѣло отдается руководству только завѣдомо ему священныхъ книгъ и сторонится новаго образованія, неувѣренный въ его доброкачественности, опасаясь, чтобы ему не дали камня вмѣсто хлѣба, чтобы не отняли у него и то, что онъ имѣетъ, подъ предлогомъ дать то, чего ему не доставало.

Непрестанное богомысліе и религіозность сообщили душѣ русскаго человѣка мирный, благой строй и воспитали въ немъ многія нравственныя качества, сдѣлавшіяся также типическими его особенностями. Таково напримѣръ уже обратившееся въ пословицу, „русское благодушіе“ и простота, ласка, сердечность, съ какими русскій человѣкъ склоненъ относиться ко всѣмъ людямъ вообще. При всей ревнивой опасливости за свою вѣру Православную, русскій человѣкъ, особенно въ послѣднія столѣтія, навыкъ съ замѣчательнымъ, далеко не всѣмъ и культурнымъ народамъ свойственнымъ дружелюбіемъ и радушіемъ относиться даже къ иностранцамъ, къ иновѣрцамъ. Не питая ни къ кому ни племенной, ни вѣроисповѣдной ненависти, русскій человѣкъ, какъ никто въ мірѣ, способенъ не только мирно уживаться, но и искренно сближаться, преданно дружиться и съ татариномъ, и съ нѣмцемъ, и съ евреемъ, и т. д., если только эти послѣдніе — люди добрые и сами не обижаютъ русскаго и не косятся на него. Въ зависимости отъ этого благодушнаго настроенія русскаго человѣка и дружелюбнаго отношенія его къ

людямъ, и развился чрезвычайно богатый въ русскомъ языкѣ лексиконъ словъ ласкательныхъ и уменьшительныхъ, какъ ни въ какомъ еще другомъ языкѣ. И доселѣ свято блюдется въ простонародьѣ русскомъ исконный и симпатичный обычай называть другъ друга родственными именами: младшій старшаго называетъ дѣдушкой, дядюшкой, равнаго — братомъ, братцемъ, младшаго—сынкомъ, сыночкомъ, подчиненные начальника именуютъ батюшкой, а начальникъ подчиненныхъ—дѣтушками. Христіанская искренность и взаимное дружелюбіе старыхъ русскихъ людей издавна удивляли иновѣрцевъ. Одинъ, напримѣръ, нѣмецкій писатель XVII вѣка, Іоаннъ Гербеніусъ писалъ: „не могу изобразить, какое ощутилъ я восхищеніе въ бытность мою въ Кіевѣ во время святой недѣли: всѣ жители города сего съ отверстыми объятіями спѣшили другъ ко другу, какъ братья, какъ друзья. Благочестіе, искренность и любовь сіяли на ихъ лицахъ. Мы называемъ русскихъ невѣждами, но мы можемъ только мечтать о добродѣтеляхъ, украшающихъ россіянъ“ [1]). Менѣе всего также свойственны русскому человѣку злопамятность, мстительность, заносчивость и т. п. пороки. Напротивъ, несравненно чаще проявляетъ онъ крайнюю уступчивость и смиреніе, граничащія даже съ приниженностью и самоуничиженіемъ, обнаруживаетъ кротость и терпѣніе въ перенесеніи напастей жизни, незлобіе и прощеніе при встрѣчѣ съ дерзостью, насиліемъ. „Богъ съ нимъ!“ „Богъ ему судья!“ — обычно говоритъ рус-

[1]) Сынъ Отечества, 1808 г., 3 ч., 57 стр.

скій человѣкъ, поступаясь нерѣдко и своимъ законнымъ правомъ, смиренно снося и незаслуженную обиду.

Далѣе, при всей своей малоразвитости и единственно благодаря цивилизующему вліянію Православія, русскій человѣкъ издавна обращалъ на себя вниманіе своею честностію и правдивостію. Напримѣръ англичанинъ Колинсъ, долго жившій въ Москвѣ въ качествѣ придворнаго врача при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ своихъ запискахъ, хотя и подсмѣивается надъ набожностію русскихъ людей, но въ тоже время съ великимъ уваженіемъ отзывается объ ихъ добросовѣстности, правдивости и совѣстливости. Между прочимъ онъ свидѣтельствуетъ, что русскіе даже не нуждались въ клятвахъ, и рѣдко, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ прибѣгали къ нимъ. Дѣйствительно, клятва даже каралась на Руси церковными уставами, и русскіе съ презрѣніемъ смотрѣли на человѣка, который въ подтвержденіе своихъ словъ и обѣщаній „всуе призывалъ имя Божіе“ [1]). Благородство и честность старыхъ русскихъ людей видны, впрочемъ, и изъ того уже только обстоятельства, что одна фраза, такъ часто читаемая въ старыхъ судныхъ дѣлахъ и въ договорахъ: „а буде я не сдержу своего слова, да будетъ мнѣ стыдно“ — была вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ самыя предусмотрительныя нотаріальныя расписки нашего времени.

Еще болѣе усвоена была русскимъ человѣкомъ евангельская добродѣтель милосердія, состраданія, благотворительности. Возможно дѣятельное, живое уча-

[1]) Рущинскій. Стр. 98.

стіе въ судьбѣ всѣхъ страждущихъ, несчастныхъ, бѣдныхъ—и доселѣ остается насущною религіозною потребностью набожнаго русскаго человѣка. Высокій образецъ въ этомъ отношеніи подавали народу русскому цари и высшее духовенство, для которыхъ именно милосердіе христіанское считалось первѣйшею обязанностію и высшею доблестію. На царскихъ, патріаршихъ и епископскихъ дворахъ въ старину сплошь и рядомъ „давались кормы“, устраивались обѣды нищей братіи, ежедневно „творилась святая милостынька“; въ дни великихъ праздниковъ, въ посты, а также въ случаяхъ наиболѣе важныхъ, радостныхъ или горестныхъ событій жизни своей, цари, напримѣръ, сами ходили по тюрьмамъ, богадѣльнямъ, келліямъ при церквахъ, и лично одѣляли немощный и бѣдствующій людъ своими подаяніями. „Богъ свидѣтель сему, говорилъ напримѣръ Борисъ Годуновъ народу послѣ вѣнчанія на царство: никтоже убо будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ! И сію послѣднюю раздѣлю со всѣми!“ добавилъ онъ, потрясая воротъ своей рубахи [1]). Призрѣть странника, накормить голоднаго, подать „несчастненькому“ (арестанту), „сотворить милостыньку“ —всегда было священнымъ долгомъ и всякаго русскаго человѣка. Извѣстный католикъ Фаберъ, въ своемъ сочиненіи „О религіи московитянъ“ (1525 г.), при всемъ желаніи замаскировать добрыя проявленія православной жизни на Руси, всеже говоритъ: „русскіе любятъ

---

[1]) Сказан. объ осадѣ Троицк. монастыря. А. Палицынъ; стр. 7 и 8.

подавать нищимъ милостыню; они ихъ одѣваютъ, питаютъ, поятъ, оказываютъ гостепріимство, — такимъ образомъ не скупо, а съ радушіемъ и полною щедростію сѣютъ сѣмена покаянія, поста, молитвы и прочихъ подвиговъ, чтобы потомъ пожать плоды“ [1]).

Вообще, говоря объ отношеніи русскаго человѣка къ людямъ, едвали преувеличимъ, сказавши, что въ этихъ отношеніяхъ преобладаетъ искренность, сердечность и благорасположенность, т. е. начала, несомнѣнно воспитанныя церковію Православною. Хорошею иллюстраціею въ этомъ случаѣ является соціальный бытъ другихъ цивилизованныхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на сравнительно высокую степень культуры, въ жизни напримѣръ западныхъ неправославныхъ обществъ вездѣ слишкомъ прозрачно выступаетъ принципъ себялюбія и узкаго, сухого эгоизма, со всѣми ихъ печальными въ общежитіи послѣдствіями и спутниками. Отсюда тамъ въ ужасающихъ размѣрахъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ корыстная борьба разсчетовъ, выгодъ и преимуществъ, проявляющаяся въ видимой постоянной борьбѣ партій, сословій, въ борьбѣ капитала съ трудомъ, словомъ—въ „борьбѣ за существованіе“, къ чему собственно и сводится тамъ вся общественная жизнь. Равенство, братство, безкорыстіе, альтруизмъ тамъ существуютъ больше на бумагѣ да на словахъ; въ дѣйствительности же жизнь общественная связуется тамъ болѣе искусственными и внѣшними нитями: одинаковостью воспитанія и убѣжденій, единствомъ обще-

---

[1]) Рущинскій; 97 стр.

ственныхъ и политическихъ учрежденій, сознаніемъ выгоды и пользы для всякаго этихъ учрежденій, и т. п. Даже самыя благороднѣйшія проявленія общественной жизни, какъ напр. благотворительность, патріотизмъ, тамъ имѣютъ болѣе корыстную и разсчетливую подкладку, а не одушевлены сердечною теплотою, истекаютъ не изъ дѣйствительной любви къ ближнимъ своимъ, не изъ искренняго состраданія къ несчастнымъ, словомъ—не изъ сердца, не отъ души, а изъ ума, изъ эгоистическаго разсчета. Нашъ извѣстный художникъ В. Верещагинъ, въ своихъ запискахъ объ американской жизни, набросалъ слѣдующую весьма типичную картинку новаго цивилизованнаго человѣчества: „въ Америкѣ есть и хорошіе и умные и даже религіозные люди, но христіанъ, въ смыслѣ соблюденія заповѣдей о незлобивости, нестяжаніи, презрѣніи богатства и т. п., нѣтъ. Бѣдный тамъ только терпится; безпрерывная погоня за наживой создала общій типъ человѣка безжалостнаго, которому нѣтъ мѣста между праведными новаго завѣта“. Тамъ вошло ужасное обыкновеніе оцѣнивать человѣка не по его душевнымъ достоинствамъ, а по величинѣ его капитала; про неизвѣстнаго человѣка тамъ спрашиваютъ не „каковъ онъ?“ а — „что онъ стоитъ?“ (т. е. сколько имѣетъ) [1]). Благодаря Бога, русскій человѣкъ еще не дошолъ до такого кумиропоклоненія золотому тельцу; въ немъ нѣтъ такой сухости душевной и этого „окаменѣннаго нечувствія“; въ немъ меньше стремленія дѣлать все только на по-

[1]) Напечатаны въ Рус Вѣдомостяхъ за 1897 г.

казъ, ради выгоды или изъ тщеславнаго шика. Въ русскомъ человѣкѣ и доселѣ жива еще привязанность къ ближнему и желаніе видѣть въ немъ не соперника и конкуррента, а товарища и брата; въ русскомъ сердцѣ есть еще чувствительныя струны, отзывающіяся на всякое мученіе и страданіе, на всякую скорбь и нужду. По извѣстному и въ высшей степени справедливому, мѣткому изреченію великаго нашего мудреца м. Филарета, „въ русскомъ человѣкѣ если и меньше свѣта, за то очень много теплоты“. Простой русскій человѣкъ и теперь совершаетъ доброе дѣло въ тиши, не ища себѣ земного одобренія и руководствуясь только святымъ чувствомъ преданности своей вѣрѣ святой, которая заповѣдуетъ творить добро такъ, чтобы даже лѣвая рука не знала, что сдѣлано правою. Въ своемъ милосердіи и благотворительности, которыя всюду и всяко проявляются, то изумляя весь современный эгоистическій міръ великими подвигами русскаго самоотверженія за меньшихъ братій своихъ по вѣрѣ и крови, то въ скромныхъ и одному Богу вѣдомыхъ „милостынькахъ“ бѣдняка крестьянина, русскій человѣкъ одинаково стоитъ на спасительномъ началѣ братской любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ,—той любви, которая составляетъ вторую великую заповѣдь Евангелія и существенную основу жизни Православной. Уашбэрнъ, современный англійскій наблюдатель славянорусскаго міра, въ своей весьма интересной статьѣ „Славянинъ идетъ“ [1]), говоритъ, что великая сила

[1]) Въ январской книжкѣ за 1898 г. «Comtemporary Review». Выдержки напечатаны въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ.

русскаго человѣка отнюдь не въ внѣшности, не въ показномъ его поведеніи, которое изубилуетъ грубостью, невѣжествомъ, апатіею, пьянствомъ и т. п. пороками, а великая и имѣющая весь міръ побѣдить сила его— въ сокровенной, внутренней силѣ нравственной: „въ дебряхъ Россіи живъ еще тотъ великій духъ, который нѣкогда вдохновлялъ Іонна Гусса. Этотъ общій великій духъ проникаетъ всѣ русскія души. Это есть духъ высокаго самопожертвованія. Русскій человѣкъ въ этомъ отношеніи словно оторванъ отъ нашего матеріальнаго вѣка“.

Соображая величайшую перемѣну, произведенную вѣрой Православной въ русскихъ людяхъ, еще преподобный Іосифъ Волоцкій справедливо сказалъ: „якоже древле русская земля нечестіемъ всѣхъ превзыде, тако нынѣ, отъ того времени, какъ солнце евангельское землю нашу осія, — благочестіемъ всѣхъ одолѣ“ [1]). Воспитавши всесвѣтно извѣстное, общенародное „русское благочестіе“, вѣра Православная въ отдѣльныхъ случаяхъ и единичныхъ личностяхъ создала множество доблестнѣйшихъ свѣтильниковъ благочестія, истинныхъ героевъ православнаго русскаго духа. Въ ряду таковыхъ прежде всего слѣдуетъ вспомнить государей русскихъ, которые въ большинствѣ случаевъ являли народу своему самый увлекательный и авторитетный образецъ жизни христолюбивой и богобоязненной. Горячо и всецѣло преданные

[1]) Росс. Вивліоѳика, ч. XVI, стр. 423.

Православію, они любили посѣщать храмы, читать душеспасительныя книги, бесѣдовать съ лицами духовными, съ старцами-паломниками, и т. д.; даже внѣшняя обстановка жизни ихъ носила явные слѣды ихъ благочестія: ихъ палаты и дворцы походили болѣе на храмы, потому что самымъ виднымъ и обильнымъ украшеніемъ ихъ служили святыя иконы на стѣнахъ и библейскія сцены и картины, нарисованныя на сводахъ и потолкахъ. Почитая своимъ священнымъ долгомъ поддерживать церкви, государи русскіе постоянно посылали „заздравныя милостыни“ и „вѣчные вклады“ по церквамъ и обителямъ, такъ что теперь, кажется, не найти ни одного монастыря на Руси, который не имѣлъ бы въ своемъ достояніи царскихъ даровъ. Посѣщая каждогодно всѣ монастыри городскіе, московскіе, государи предпринимали нерѣдко благочестивыя путешествія — такъ и называвшіеся „царскіе походы“ на богомолье въ монастыри отдаленные. По имени обителей, посѣщавшихся государями, извѣстны были въ старину царскіе походы — Троицкіе (въ Троицкую Сергіеву лавру), Звенигородскіе, или Саввинскіе (въ монастырь Саввы Сторожевскаго), Кашинскіе, Переславскіе, Можайскіе, Калязинскіе, Никольскіе или Угрѣшскіе, Углицкіе, Боровскіе, Кирилловскіе (въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь) и др. Удовлетворяя благочестивой потребности государей, эти походы производили могущественное впечатлѣніе на народъ и собирали со всѣхъ концовъ земли русской неисчислимыя толпы православнаго люда, стремившагося принять участіе въ благочестивыхъ подвигахъ своихъ

благовѣрныхъ государей. Одинъ иностранецъ, бывшій въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, нарисовалъ, напримѣръ, слѣдующую поучительную и типичную картину личной настроенности и частнаго, домашняго поведенія этого русскаго государя: „онъ нѣжно любитъ свою супругу, ко всѣмъ оказываетъ величайшую нѣжность и дружелюбіе. Онъ точно исполняетъ обязанности благочестія; не пропускаетъ ни одной службы; во дни поста онъ присутствуетъ и при полунощныхъ молитвахъ, стоитъ на ногахъ часа по три, по пяти, часто падаетъ ницъ, простираясь на землѣ. Земныхъ поклоновъ кладетъ по тысячѣ, а въ праздники до полутора тысячъ. Въ продолженіе великаго поста обѣдаетъ только трижды въ недѣлю, въ прочіе дни вкушаетъ по ломтю чернаго хлѣба, по нѣскольку огурцовъ и грибовъ. Въ дворцѣ его есть богадѣльня.... Онъ посѣщаетъ темницы,.... раздаетъ милостыню.... О немъ можно сказать, что онъ преисполненъ высокими качествами“ [1]).

Величественную картину духовнаго благочестія и подвижничества православнаго раскрываетъ исторія русскаго духовенства, а особенно иночества. Со всевыносящимъ русскимъ мужествомъ и самоотверженіемъ пастыри и иноки русской церкви совершили прежде всего апостольскій подвигъ просвѣщенія всей необъятной земли русской. Вдоль и поперекъ прошли они всю нашу дикую и тогда непроходимую отчизну, проникали въ самыя отдаленныя сѣверныя тундры, въ первобытные лѣса, недоступныя дебри, и осѣнили зна-

---

[1]) Маякъ, 1843 г., ч. I, № 2, стр. 97—99.

менемъ креста Христова дикихъ идолопоклонниковъ, всюду насадили святую основу жизни—вѣру Православную, а съ нею нераздѣльно и счастіе и благоустройство человѣческое. Такъ напримѣръ, епископы Леонтій и Исаія, бывшіе иноки Печерскаго монастыря, были первыми просвѣтителями ростовскими; инокъ Кукша крестилъ вятичей, Герасимъ въ XII вѣкѣ проповѣдывалъ въ окрестностяхъ Вологды; въ XIII стол. отшельники, жившіе на Кубенскомъ озерѣ, проповѣдывали вѣру Христову Чуди и Кареламъ; ихъ труды продолжены были Сергіемъ и Германомъ Валаамскими и Арсеніемъ Коневскимъ; Лазарь крестилъ лопарей около Онежскаго озера; Стефанъ—просвѣтитель Перми, Гурій — Казани, и т. д.

Иноки русскіе и пастыри церкви русской обороняли вѣру Православную отъ расколовъ и ересей, самоотверженно защищали предъ всѣмъ свѣтомъ и предъ сильными міра сего правду и истину, проводили въ сознаніе общества русскаго просвѣщенныя, высоконравственныя идеи, словомъ и дѣломъ, всѣмъ образомъ жизни своей подвижнической они воспитывали и просвѣщали массу темнаго русскаго люда и высоко поднимали въ глазахъ его авторитетъ и красоту жизни православно-христіанской. На встрѣчу старорусскимъ богатырямъ, гордымъ своею вещественною силою, выступилъ, въ лицѣ иноковъ и подвижниковъ русскихъ, цѣлый сонмъ другихъ богатырей, ополченныхъ силою духовною, величіемъ религіозно-нравственнаго подвига, и народъ увидѣлъ и созналъ, что подвигъ этихъ послѣднихъ богатырей выше и труднѣе, святѣе и спаси-

тельнѣе. И весь народъ перешолъ на ихъ сторону, имъ сталъ сочувствовать, предъ ними благоговѣть; имъ покорялся часто и физическій русскій богатырь, снимая свои боевые доспѣхи и облекаясь самъ въ монашескую мантію.

Но не одни только князья и духовенство, а весь народъ русскій, изъ всѣхъ сословій и состояній своихъ, выставилъ великихъ носителей православно-христіанскаго духа, какъ истинную красоту и славу церкви Православной и земли русской. Въ свѣтломъ ликѣ угодниковъ Божіихъ, воспитанныхъ Православною Россіею и украшающихъ собою нашу святую церковь, есть очень много лицъ княжескаго рода (какъ напр.: Равноапостольный Владиміръ, Всеволодъ, чудотворецъ Псковскій, Константинъ Муромскій, Александръ Невскій, Андрей Боголюбскій, Михаилъ Черниговскій и мн. др.), иноческаго званія и священнаго сана, (каковы: Михаилъ, Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ—митрополиты всероссійскіе, и многое множество другихъ); но есть также немало лицъ боярскаго рода, каковы: преподобный Варлаамъ, Сергій Радонежскій, Павелъ Комельскій, Савва Вышерскій и др; изъ средняго сословія: Ѳеодосій Печерскій, Варлаамъ Хутынскій, Корнилій Вологодскій и др; наконецъ и изъ крестьянъ: Александръ Свирскій, Антоній Сійскій, Кириллъ Новоозерскій и др. Всѣ эти лица, прославленныя Богомъ на небѣ и на землѣ, суть яркіе и славные свѣтильники нашего сумрачнаго сѣвера, истинные богатыри національнаго русскаго духа, величественные герои русскаго Православія.

IV.

Цѣлыми вѣками народъ русскій пропитывался духомъ и началами Православнаго христіанства. Вѣра святая стала основнымъ нервомъ Россіи, душою русской національности, дыханіемъ жизни русскаго человѣка. Подъ животворнымъ вліяніемъ Православія народъ русскій составилъ изъ себя самобытный міръ, существенно отличающійся отъ прочихъ народовъ во всѣхъ условіяхъ своего бытія церковнаго и гражданскаго. Россія шла къ своему величію своимъ собственнымъ путемъ, и теперь она имѣетъ свой особый складъ, особенный геній, свою совсѣмъ отличную отъ другихъ духовную физіогномію, а также—и свое особое назначеніе, свою задачу въ общей семьѣ человѣчества.

Духовная физіогномія всякаго народа опредѣляется его интересами, стремленіями, убѣжденіями и идеалами. Для русскаго народа, не только въ его прошломъ, а и въ настоящемъ, эти интересы, стремленія и идеалы слишкомъ опредѣленны и очевидны. Они прекрасно выражаются уже въ общепринятомъ и искони усвоенномъ наименованіи страны нашей со всѣмъ ея народомъ—„святая Русь“. Россія съ самаго начала признала себя освященною чрезъ вѣру Христову, и потому назвала себя святою — не въ смыслѣ кичливаго превознесенія надъ другими народами, а для обозначенія этимъ словомъ своихъ благодатныхъ преимуществъ, для показанія своего основного существеннаго признака, своего всенароднаго идеала. Святость, святыня, освященіе религіозное—вотъ къ чему искони стремился попре-

имуществу русскій человѣкъ; вотъ къ чему и теперь, при гораздо менѣе благопріятно слагающихся жизненныхъ обстоятельствахъ, лучшій, истинно-просвѣщенный, а также съ другой стороны и простой, неиспорченный русскій человѣкъ чувствуетъ влеченіе, инстинктивно тяготѣетъ. Идеалъ русскій—не могущество, слава и величіе земное, не богатство и сила матеріальныя, а идеалъ его главнѣйшимъ образомъ духовный, культурный, религіозно-нравственный. „Православные!“—вотъ главное и неотъемлемое свойство, существеннѣйшая примѣта русскихъ людей, ставшая поэтому даже названіемъ, кличкою ихъ. Имени иного себѣ не выдумалъ и не пожелалъ взять русскій человѣкъ, кромѣ этого имени—православный, да еще — крестьянинъ, т. е. христіанинъ.

А въ чѣмъ же историческое призваніе и назначеніе Россіи, какая задача ея въ семьѣ человѣчества? На эти вопросы прекрасно отвѣтилъ одинъ изъ самыхъ благоразумнѣйшихъ и глубоко проницательныхъ нашихъ поэтовъ—Хомяковъ. Обращаясь къ Россіи, онъ сказалъ:

За то, что ты смиренно
И въ чувствѣ дѣтской простоты
Глаголъ Творца пріяла ты,
Тебѣ Онъ далъ свое призванье
Тебѣ Богъ свѣтлый далъ удѣлъ:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ, великихъ дѣлъ,
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ
И вѣры истинной богатство
И правду....

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ.

Глубоко вѣря въ очерченное здѣсь религіозно-нравственное и освободительно-просвѣтительное назначеніе Россіи для всего міра, поэтъ и призываетъ ее къ этой отъ Бога предопредѣленной благородной дѣятельности, пророчески предсказываетъ ей за то и превысшую на землѣ славу:

всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ!

Итакъ, вотъ дѣйствительно высокій, „святой удѣлъ“, Россіи, вотъ благороднѣйшая миссія ея въ человѣчествѣ: ей суждено, въ этомъ мірѣ своекорыстія и эгоизма, насилій и зла, являть „высокія жертвы, великія дѣла“, отстаивать „племенъ святое братство“, умиротворять народы, поддерживать „правду“ на землѣ, стоять на стражѣ „свободы“ въ человѣчествѣ, объединять всѣхъ и все въ небесномъ началѣ „любви“. И нужно ли еще вспоминать, какъ, милостію Божіею, Русь православная пока честно исполняла свое назначеніе? Нужно ли ссылаться еще на обиліе великихъ жертвъ, безкорыстныхъ подвиговъ, освободительныхъ дѣлъ, которые уже совершила Россія?!

Самое же высшее призваніе и назначеніе Россіи— соблюсти для всего міра „богатство истиной вѣры“ и „пролить сіяніе“ этой вѣры на человѣчество. Въ признаніи такой именно задачи Россіи сходятся всѣ, знающіе Россію. Даже, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ нашихъ мыслителей (В. Соловьевъ) утверждаетъ, что высшая цѣль Россіи — въ служеніи христіанскому дѣлу, что Россія имѣетъ въ мірѣ религіозную задачу [1]). Съ этимъ соглашаются здравомыслящіе, правдивые люди даже и изъ неправославнаго лагеря; напримѣръ католическій патеръ Ваннутелли въ результатѣ своего добросовѣстнаго изслѣдованія о Россіи пришолъ къ убѣжденію, что „Россія сильна не пушками, не многочисленными войсками и крѣпостями, основаніе ея могущества въ одномъ—въ Православіи.... Безъ сомнѣнія, Россія призвана на возстановленіе во всѣмъ мірѣ истинныхъ принциповъ христіанскихъ“ [2]).

Но достижимо ли это высокое назначеніе для Россіи? Дѣйствительно ли она хранитъ для всего человѣчества высшую святыню подлиннаго, истиннаго Православнаго христіанства? Въ состояніи ли даже Россія быть истиннымъ свѣточемъ праваго боговѣдѣнія для всего міра? Всѣ инославные исповѣдники христіанства не хотятъ признавать за нею такого достоинства и значенія; они ссылаются на недостатки Россіи, указываютъ на несовершенства религіозной и вообще внутренней жизни русской, и изъ-за того подозрѣваютъ

---

[1]) „Историч. миссія Россіи“. „Русск. Дѣло“, 1888 г., № 34; Брош. В. Соловьева: «L'idée russe».

[2]) «Rossia. Studio religioso sopra la Russia P. Vannutelli. 1892.

самую истину и правду, подлинность нашего Православія и права его на всемірное распространеніе. Конечно, мы не беремся здѣсь и теперь перебрать и отразить всѣ обвиненія на Русь и на ея церковь; тѣмъ не менѣе, говоря о силѣ и значеніи Православія, нельзя не коснуться, хотя бы въ немногихъ словахъ, сущности заявленныхъ сомнѣній и возраженій.

Говорятъ, прежде всего, что не нашей Россіи играть столь видную просвѣтительную роль: не ей быть свѣтомъ міру, когда она и бѣдна, и слаба, и вообще не такъ блистательна, какъ нѣкоторыя другія культурныя страны. — То правда, что въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и скудною природою Россія не обезпечила себя такими богатствами, роскошью и удобствами, какъ какіе нибудь италіанцы, американцы и т. п. Но вѣдь все это нисколько не мѣшаетъ церкви русской блистать такими безцѣнными и несравненными сокровищами, какъ истинность догматовъ, чистота правилъ, глубокій разумъ богослуженія и обрядовъ, благодать — невидимая въ святыхъ таинствахъ и видимая въ чудотворныхъ иконахъ, святыхъ мощахъ и т. д. Благоденствіе и обиліе земныхъ благъ отнюдь не есть достоинство, не есть даже просто добрый признакъ истиннаго христіанина; послѣднему всегда болѣе къ лицу скромность и даже именно приниженное съ точки зрѣнія земныхъ удобствъ состояніе. Всѣ и неправославные христіане должны помнить, что истинная Христова церковь не тоже, что міръ, что она даже не въ союзѣ съ міромъ, такъ какъ не отъ міра сего. Самъ Спаситель благоизволилъ родиться въ сравни-

тельно ничтожномъ народѣ израильскомъ и именно въ средѣ іудеевъ, самомъ маломъ племени израильскомъ. И потомъ, совершая свой Божественный подвигъ искупленія человѣческаго рода, не въ виду ли многочисленнаго, сильнаго, а потому и страшнаго міра древняго Господь сказалъ своимъ тогда еще немногимъ и не располагавшимъ земною силою апостоламъ: „не бойся, малое стадо! Отецъ вашъ благоизволилъ вамъ дать царство“ (Лук. 12, 32). Православные русскіе люди благоденствуютъ быть можетъ гораздо менѣе многихъ неправославныхъ людей; зато свое и сравнительно малое достояніе русскій человѣкъ, охотнѣе всякаго другого, всегда несъ на алтарь Бога или жертвовалъ на нужды отечества и ближнихъ своихъ. Костьми и кровію тысячу лѣтъ слагая свою Русь православную, русскіе люди всегда доселѣ свято и самоотверженно исполняли свой и религіозной и гражданскій, государственный долгъ. Всякій народъ, какъ бы ни была невзрачна его внѣшняя обстановка жизненная, всегда нужно судить не по этой показной сторонѣ дѣйствительности, а по внутреннему содержанію его духа, по высотѣ его идеаловъ, — не по обыденнымъ явленіямъ безцвѣтной повседневности, а по силѣ его подъема духовнаго въ нужное для того время, въ потребныхъ случаяхъ; иначе, въ спокойномъ и ровномъ теченіи жизни вѣдь и святого праведника можно не отличить отъ закоренѣлаго злодѣя. Во всякомъ случаѣ, въ православномъ русскомъ народѣ, который менѣе избалованъ матеріальными и земными благами, какъ уже было выше замѣчено, менѣе и душевной сухости, безсердечнаго

эгоизма, которые такъ властно царятъ въ средѣ благополучныхъ и счастливыхъ (болѣе впрочемъ только на взглядъ да на поверхности счастливыхъ) европейцевъ. Въ Россіи нѣтъ поэтому и того страшнаго пролетаріата, отъ котораго стономъ стонетъ эта, болѣе богатая и цивилизованная, неправославная Европа.

Говорятъ, далѣе, что и умственными средствами Православная церковь скудна, что цивилизація наша православная ниже инославной, католической и протестантской. Но если подъ цивилизаціею разумѣть гармоническое развитіе всѣхъ—религіозныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ народа въ духѣ истиннаго христіанства, то поставленный упрекъ является совсѣмъ несправедливымъ; Православіе всегда и вездѣ являлось могущественнымъ двигателемъ и сизидателемъ цивилизаціи. Не говоря о высоко-развитой культурѣ древней греческой и византійской, и въ новое время, даже внѣ предѣловъ православнаго міра, Православіе оказывало человѣчеству дѣятельныя и именно просвѣтительныя, культурныя услуги. Примѣрно, въ многохвалимую, прославленную въ западноевропейской исторіи эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, не православные *ли* главнымъ образомъ силы, послѣ страшнаго турецкаго погрома многострадальной Византіи, притекли на западъ и создали тамъ это возрожденіе? Да и въ новѣйшее время въ Православіи коренится самый крѣпкій и истинный залогъ историческаго прогресса; покрайней мѣрѣ лучшія стремленія современности идутъ изъ началъ истинно-христіанскихъ, православно-христіанскихъ. Все, что есть великаго въ новомъ общественномъ порядкѣ,—

начала истины, любви, правды и свободы, эти крѣпчайшія и полнѣйшія начала прогресса,—прямо или непрямо, но входятъ въ жизнь человѣчества главнѣшимъ образомъ изъ Православія, посредственно или непосредственно изъ него вытекаютъ.

Что касается, въ частности, нашей русской церкви и собственно прогресса православной мысли на Руси, то, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ, политическихъ и бытовыхъ условій, самостоятельный ходъ богословскаго развитія здѣсь надолго задержанъ былъ. У православныхъ русскихъ богослововъ были прежде всего свои спеціальныя задачи: имъ нужно было сохранить и отстоять Православіе отъ враждебныхъ посягательствъ католичества и протестантства, а также оборонить его и отъ неразумныхъ притязаній раскола. И мы знаемъ, что никто иной, а русскіе православные пастыри и богословы свято и доблестно исполнили эти нелегкія задачи. Но и по мимо этого, Православная русская церковь обладаетъ великими умственными дарованіями, свидѣтельствующими о силѣ православной мысли въ ней и о жизненности въ ней православнаго генія. Произведенія такихъ богослововъ, какъ напримѣръ уже въ новое время—Димитрій Ростовскій, Тихонъ Задонскій, митрополиты Платонъ, Филаретъ, Макарій, архіепископы Иннокентій Херсонскій, Филаретъ Черниговскій, Никаноръ Херсонскій, Протоіерей Горскій и многіе другіе,—составляютъ истинное украшеніе всесвѣтной богословской литературы. Если высокоталантливые философско-богословскіе и блестящіе ораторскіе труды этихъ богослововъ не распространены

на западѣ, вслѣдствіе недоступности тамъ русскаго языка и ихъ православія, если мало извѣстны эти труды и русской интеллигентной публикѣ, вслѣдствіе все еще безразсудно предубѣжденнаго отношенія послѣдней ко всему своему русскому, а тѣмъ болѣе религіозному, церковному,—то виновны въ томъ не эти великіе люди, слава и краса православнаго богословскаго міра.

Нельзя къ слову не упомянуть также и о томъ еще, что Православіе, какъ нигдѣ и никакое религіозное исповѣданіе, благотворно вліяетъ и на свѣтское литературное творчество русское вообще. Идеалы Православія проникли въ русскую художественную словесность и высоко ее подняли, оживили и одухотворили. Какъ извѣстно, новѣйшая русская словесность пріобрѣла широкое распространеніе и заграницею, всюду привлекла къ себѣ вниманіе и симпатіи,—и это потому, какъ сами иностранные критики объясняютъ, что въ произведеніяхъ нашихъ талантливыхъ писателей чувствуется вѣяніе евангельскаго духа, выступаетъ всѣхъ увлекающее и подкупающее „золотое, чистое и святое сердце“. Леруа-Больѐ, напр., выдающіяся качества русской поэзіи полагаетъ въ томъ, что въ ней преобладаютъ христіанскія чувства, что во всей Европѣ русская литература остается самою религіозною. Глубина великихъ созданій русской словесности, говоритъ онъ, иногда даже противъ воли авторовъ, — христіанская; не смотря на свой кажущійся даже раціонализмъ, великіе писатели русскіе въ сущности глубоко религіозны [1]).

[1]) Рус. Вѣстн. 1896 г. № 6, стр. 33 и слѣд.

Много недостатковъ люди предубѣжденные усиливаются усматривать и въ самомъ Православіи русскомъ, въ нашей церковной жизни. Такъ напримѣръ говорятъ, что наше вѣроученіе Православное не можетъ считаться непогрѣшимымъ и сталобыть истинно Православнымъ, такъ какъ само оно допускаетъ у себя измѣненія и исправленія, напримѣръ въ обрядахъ, слѣдовательно допускаетъ возможность ошибокъ, неисправностей. Но такъ говорятъ только люди, смѣшивающіе и неразумно обобщающіе догматическую непогрѣшимость съ обрядностію церковною; такъ можетъ говорить только тотъ, кто забываетъ, что истинная Церковь Христова, *неизмѣнно храня богооткровенныя начала вѣры*, въ развитіи ихъ, примѣненіи и выраженіи, по духу дарованной ей отъ Бога свободы, всегда можетъ и считаетъ нужнымъ сообразоваться съ потребностями членовъ своихъ, измѣняющимися отъ времени и условій жизни.

Да и самое вѣроученіе догматическое въ Православіи, говорятъ, допускало колебанія; и тутъ, въ догматической собственно сферѣ, были ереси, расколы, возникали сомнѣнія, недоумѣнія и разногласія. — Да, Господу угодно было и Православное Богооткровенное вѣроученіе низвести до человѣческаго пониманія, предостанить его слабому человѣческому разуму для уясненія, чтобы тѣмъ съ большею прочностію и основательностію, съ большею силою довѣрія и убѣжденія оно воспринималось человѣкомъ. И вотъ дѣйствительно, обсужденія нѣкоторыхъ частностей, представлявшихся человѣческому пониманію въ какомъ либо отношеніи

недоумѣнными, порождали многіе споры, ошибочныя мнѣнія, расколы и ереси. Но единая истина, чистое Православіе въ существѣ своемъ развѣ пострадало отъ того? Гласъ Божій, въ голосѣ большинства вѣрующихъ, а особенно авторитетъ Соборовъ, руководимыхъ благодатною помощію Божіею, всегда отстаивали правду, возстановляли истину; и что же получилось въ концѣ концовъ? Переживъ всѣ сомнѣнія и колебанія, отвергши всѣ уклоненія и ереси, вѣроученіе Православнаго христіанства осталось неизмѣнно и непреложно тѣмъ же Божественнымъ небеснымъ ученіемъ, которое девятнадцать вѣковъ тому назадъ возвѣщено было міру самимъ Спасителемъ и Его святыми учениками и апостолами. Какъ чистѣйшее золото, Православіе святое, такъ сказать, перегорѣло въ горнилѣ всякихъ разномыслій, толкованій и пониманій, и теперь, отъ всего уже очищенное, со всѣхъ сторонъ защищенное и уясненное, не стало-ли оно для сознанія человѣческаго еще несомнѣннѣе, какъ бы еще чище, выше и святѣе!

Гораздо больше упрековъ сыплется собственно на русскую церковную жизнь. Такъ, напримѣръ, издавна и упорно повторяются всевозможныя обвиненія на наше православно-русское духовенство; главнымъ образомъ его обвиняютъ въ косности, обскурантизмѣ, отсталости умственной, а также и въ разныхъ недостаткахъ нравственныхъ. Но неосновательность и преувеличенность этихъ обвиненій обнаруживается сама собою, если сопоставить ихъ съ тѣмъ фактомъ историческимъ, что эти косные и испорченные люди однако съумѣли спасти Православіе на Руси и отстоять его отъ всякихъ по-

сягательствъ со стороны католичества и протестантства, что духовенство русское, особенно въ старину, было свѣтомъ древнерусскаго міра, солью русской земли, что духовенство именно не только утвердило Православіе на Руси, а такъ сказать вкоренило его въ плоть и кровь русскаго человѣка, содѣлало его основнымъ и неотъемлемымъ свойствомъ русскаго народа.

Но эта вѣра народа русскаго, говорятъ, есть вѣра неразумная, темная, есть только слѣпая привязанность невѣжественныхъ людей къ обрядности.—Такъ могутъ говорить только люди, чужіе для православной русской семьи, люди, примыкающіе къ ней развѣ только именно обрядностію одной, а сердцемъ и духомъ далече отъ нея отстоящіе. Такъ говорятъ только люди, которые за внѣшней обрядностію русскаго человѣка не могутъ видѣть или не способны понять его внутренней теплоты, его живой вѣры и освящающей человѣка пламенной любви его къ своей святой Церкви. Дѣйствительно, простой русскій человѣкъ многаго не постигаетъ въ догматикѣ своего исповѣданія; правда, многаго можетъ быть не разумѣетъ онъ и въ обрядности Православія; во всякомъ случаѣ это—честный, истинный православный христіанинъ, для котораго святая вѣра его—прежде всего, выше всего и дороже всего, это христіанинъ, гораздо болѣе близкій и угодный Богу, нежели кичливое и тщеславное многоученіе въ пустой и закрытой душѣ. Пусть простой русскій человѣкъ не выдержитъ экзамена изъ катехизиса, не прочитаетъ даже символа вѣры, во всякомъ случаѣ,

основныя истины Православія и существенныя руководительныя въ жизни начала его отлично понятны сердцу русскаго человѣка, они въ немъ живы и дѣйственны, они согрѣты пламеннымъ чувствомъ его и потому-то обнаруживаются въ изумляющихъ міръ неподдѣльныхъ проявленіяхъ самой искренней набожности. Величіе и спасающая сила христіанства не въ томъ вѣдь обнаружились, что Господь даровалъ знаніе падшему человѣку, а въ томъ, что Онъ сообщилъ жизнь духу человѣческому; поэтому не умомъ, а цѣлою жаждущею душою и воспринимаетъ человѣкъ Его животворную религію. Гордымъ своими знаніями еллинамъ вѣра въ Распятаго представлялась даже безуміемъ (1 Кор. 1, 23), но съ другой стороны она обнимала и плѣняла души людей и совсѣмъ простыхъ, чрезъ благодатное прикосновеніе къ нимъ и непосредственное дѣйствіе на нихъ сущей въ ней Божественной силы, такъ какъ христіанство есть именно *сила Божія* на спасеніе всѣхъ *вѣрующихъ* (Римл. 1, 16). Эта сила Божія, даруемая христіанствомъ, пріемлется и усвояется простецами, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ людьми высоко-образованными, такъ какъ они недоступны сомнѣніямъ, въ нихъ скептицизмъ не заслоняетъ источника высшей правды и спасительной истины; религія поэтому и проникаетъ все ихъ духовное существо, составляетъ единую основу цѣльнаго и непоколебимо-прочнаго ихъ міросозерцанія, единую опору ихъ жизни и дѣятельности. Какъ самое подробнѣйшее знаніе христіанскаго ученія, скопляемое въ умѣ, не есть еще вѣра, такъ что по слову апостола,

„всегда учащіеся“ могутъ „никогда не дойти до познанія истины“ (2 Тим. 3, 7); такъ, съ другой стороны, истинно вѣрующіе, по слову Спасителя, суть „тѣ, которые, услышавъ слово, хранятъ его въ чистомъ и добромъ сердцѣ и плодъ творятъ въ терпѣніи“ (Лук. 8, 15). Глубокое и незыблемое основаніе вѣры Православной для простого народа русскаго коренится въ непредубѣжденныхъ умахъ, въ чистыхъ и отверстыхъ для благодати Божіей сердцахъ, въ духовномъ опытѣ этихъ простыхъ людей. Они не изложатъ исповѣдаемой ими вѣры въ точно формулированныхъ понятіяхъ, они не отразятъ нападеній на вѣру свою силою доказательствъ научныхъ; но они чувствуютъ истину въ вѣрѣ своей святой,—по слову апостола, они *„сердцемъ вѣруютъ* въ правду“ (Рим. 10, 10). Народъ русскій понялъ и усвоилъ сущность Православія не въ школѣ и не въ храмѣ только, онъ глубоко и точно постигъ его прежде всего въ школѣ вѣковыхъ страданій, когда отъ всѣхъ покидаемый, всѣми попираемый, на всѣхъ работающій, онъ имѣлъ только одного Утѣшителя—Христа, Имъ только спасенъ былъ отъ вѣчной гибели и смертнаго отчаянія, и къ Нему зато привязался всѣмъ существомъ своимъ, Его воспринялъ въ душу свою на вѣки. При этомъ недопониманіе русскимъ простымъ человѣкомъ частностей и тонкостей вѣроисповѣдныхъ—ничто: это не невѣжество религіозное, а это только простодушная, младенческая и самимъ Господомъ въ дѣтскихъ сердцахъ не отвергнутая *простота вѣры* (Мѳ. 18, 3–4).

Говорятъ, далѣе, что жизнь Православной церкви, т. е. жизнь общества православно-вѣрующихъ, слишкомъ несовершенна, что она мало заключаетъ въ себѣ элементовъ располагающихъ и увлекающихъ, внушающихъ довѣріе, что, однимъ словомъ, жизнь церкви далека отъ евангельскаго идеала.—Но вѣдь ужъ слишкомъ очевидно, что всею своею тяжестію и правдою обвиненіе это ложится отнюдь не на самое Православіе, а только на насъ, недостойно носящихъ имя Православія и своимъ поведеніемъ унижающихъ его. А также нельзя не имѣть въ виду и того, что полнаго осуществленія идеала евангельскаго въ жизни и нельзя рѣшительно и безусловно требовать отъ человѣка; всѣ идеальныя заповѣди евангельскія, сводящіяся въ одинъ основной идеалъ жизни христіанской — будьте совершенны, какъ Отецъ Небесный совершенъ есть,—столь недостижимо безконечны и недосягаемо высоки, что человѣкъ можетъ только приближаться къ нимъ, только стремиться къ нимъ, и только по мѣрѣ силъ и возможности достигать ихъ. Самъ Спаситель, зная немощь природы человѣческой, сказалъ, что только могущій пусть вмѣститъ слово Его. Идеалъ христіанскій во всей полнотѣ его никогда не можетъ исчерпаться и всецѣло воплотиться; онъ вѣчно останется высочайшимъ идеаломъ, который всегда будетъ предноситься сознанію человѣческому, вѣчно будетъ призывать человѣка впередъ и впередъ, выше и выше. Въ томъ великое міровое значеніе и вѣковѣчное благодѣяніе Православнаго христіанства роду человѣческому, что оно неумолчно зоветъ міръ къ высшему

небесному идеалу, настойчиво и неустанно напоминаетъ о немъ разсѣянному земными интересами человѣку. Какъ бы ни исказилась и ни измельчала личность человѣка, какъ бы ни опошлилась и ни осуетилась жизнь его, Православіе всетаки неизмѣнно и всемѣрно направляетъ путь человѣчества къ христіанскому идеалу; какъ бы ни кипѣла, напримѣръ, вражда человѣческая, какъ бы ни разгоралась злоба людская на землѣ, — и сквозь бранные клики, сквозь шумъ оружія, вѣчно будетъ раздаваться благодатнымъ диссонансомъ призывъ церкви Православной къ миру и къ братской любви.

Но Православіе, говорятъ, ничѣмъ не обнаруживаетъ свою правоту и истину, оно будто бы никого и ничто не привлекаетъ къ себѣ, не ростетъ и не успѣваетъ на землѣ. — Такъ можетъ говорить только крайняя близорукость и незнаніе истиннаго положенія дѣла. Правда, нельзя не сознаться, что въ дѣлѣ распространенія Православія мы, русскіе люди, обнаруживаемъ крайнюю безпечность и непростительное бездѣйствіе. У насъ дѣло проповѣди иновѣрцамъ стоитъ очень не блестяще; нѣтъ у насъ столь широкихъ миссіонерскихъ учрежденій, какъ на западѣ, и не затрачивается на это дѣло такихъ большихъ матеріальныхъ средствъ, какъ тамъ. Успѣхи миссіонерства, въ достаточной степени не организованнаго, у насъ зависятъ больше отъ личной иниціативы и отъ частныхъ подвиговъ отдѣльныхъ исключительныхъ лицъ, каковы были напримѣръ: Стефанъ пермскій, Филоѳей, Иннокентій сибирскіе и др. И однако, не смотря на уси-

ленную пропаганду католиковъ и безпечность православныхъ, Православіе, ужъ именно своею внутреннею силою и жизненностію, ростетъ и развивается на землѣ гораздо болѣе католичества. Какъ чудодѣйственно было просвѣщеніе Православіемъ всей Россіи, которую собственно говоря никто не склонялъ, не располагалъ къ Православію, но которая сама пошла въ срѣтеніе его, такъ и послѣ, и доселѣ какъ бы таинственно и незамѣтно, но вѣрно и неуклонно, изъ вѣка въ вѣкъ ростетъ церковь Православная. Какъ въ гражданскомъ нашемъ быту, не смотря на полную и безпрепятственную самобытность, даруемую въ Россіи всѣмъ инородцамъ, послѣдніе сами собою, добровольно и непринужденно подчиняются русской гражданственности, сливаются съ русской народностью; такъ же точно, не смотря на свободу вѣроисповѣданій, въ силу которой у насъ рядомъ съ православнымъ храмомъ свободно помѣщается и кирка и синагога, на ряду съ крестомъ высится къ небу полумѣсяцъ, распространеніе Православія идетъ безостановочно и положительно успѣшно. Три вѣка тому назадъ, напримѣръ, не было и слѣдовъ Православія во всей необъятной Азіи сѣверной, а теперь православное населеніе ужъ стало господствующимъ на берегахъ Оби и Иртыша, Енисея и Ангары, Лены и Амура, и отдаленнѣйшей Камчатки. Въ оффиціальномъ органѣ Святѣйшаго Синода „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за послѣднее полстолѣтіе подводятся итоги роста Православной церкви. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя изъ этого подсчета, которыя внушительнѣе всякихъ разсужденій мо-

гутъ говорить уму и сердцу православнаго, а еще болѣе—предубѣжденнаго противъ Православія человѣка. Въ 1840 году православныхъ было 44 милліона; въ двадцать лѣтъ послѣ этого, къ шестидесятымъ годамъ, эта цифра увеличилась на восемь милліоновъ; въ слѣдующіе двадцать лѣтъ, къ 1880 году, увеличилась еще на двадцать милліоновъ; за слѣдующіе десять лѣтъ, къ 1890 году, увеличилась еще на восемь милліоновъ,—такъ что за послѣднее полстолѣтіе число исповѣдниковъ Православія возросло почти вдвое. Это-ли еще не поразительные успѣхи Православія на землѣ! И послѣ этого можно говорить о безжизненности, о застоѣ Православной церкви!

А вѣдь это-то и есть самый главный упрекъ Православію, самое, какъ думаютъ на западѣ, злое и смертоносное обвиненіе противъ него: тамъ упорно всѣми и всюду повторяется мнѣніе, что русская Православная церковь есть и всегда остается замкнутою въ себѣ, недѣятельною, безжизненною, что съ самаго начала она остановилась у насъ на точкѣ замерзанія, что въ ней изсякла всякая дѣятельность и энергія, совсѣмъ застыла жизнь.—Возможно, что жизнь церкви Православной не бьетъ такъ въ глаза и не блистаетъ такими яркими красками, какъ напр. жизнь церкви западной: тамъ болѣе и шума и блеска; но этой внѣшностью тамъ прикрывается несомнѣнное оскудѣніе внутренней жизни, и сами католики не могутъ не признаться, что христіанство въ жизни западной Европы не по днямъ, а по часамъ уходитъ отъ людей и все больше и больше отступаетъ въ область преданій.

Между тѣмъ знамя вѣры Православной на Руси святой, благодареніе Богу, и теперь стоитъ высоко. Всѣ жизненныя силы церкви нашей и теперь, какъ было всегда доселѣ, пребываютъ въ постоянномъ напряженіи и полномъ дѣйствіи. При всѣхъ и самыхъ неблагопріятныхъ, вслѣдствіе растлѣвающаго вліянія запада, условіяхъ русской современности, церковь Православная продолжаетъ свою благодатную дѣятельность, поддерживаетъ въ сердцахъ исповѣдниковъ своихъ искру вѣры въ Бога и вноситъ въ жизнь ихъ оплодотворяющія начала гуманности и духовной чистоты. Правда, не всегда бросается въ глаза эта дѣятельность и это вліяне церкви, но это потому только, что Православіе менѣе всего трудится на показъ. Какъ природа и зимою не умираетъ, а лишь подгототовляется къ новой жизни, такъ и церковь Православная можетъ иногда, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія и на поверхностный взглядъ, казаться какъ бы замолкающею; но это—вовсе не смерть, не упадокъ, не ослабленіе ея животворной силы, а развѣ только новый фазисъ бытія, развѣ только болѣе тонкая, незримая форма той же вѣчной и, по слову Спасителя, до скончанія вѣка не имѣющей прерваться жизни.

Въ одномъ только единственномъ отношеніи нельзя не согласиться съ западными христіанами, обвиняющими нашу церковь въ бездѣйствіи; съ одной только стороны мы и сами не можемъ оспаривать своего застоя: мы не дѣятельны и неподвижны въ вѣрѣ своей въ томъ смыслѣ, въ какомъ очень дѣятельны и предпріимчивы католики, а особенно протестанты. За де-

вять столѣтій, послѣ раздѣленія церквей, мы не сочинили ни единаго новаго догмата, мы не ломаемъ священныхъ преданій и уставовъ нашей святой церкви, мы не разсѣкаемъ нашего Православнаго христіанства на десятки, чуть не сотни различныхъ преломленій, сектъ, исповѣданій. Мы, дѣйствительно, и доселѣ твердо и неуклонно стоимъ на томъ самомъ *недвижимомъ камени заповѣдей Христовыхъ* и ученія апостольскаго, на который, великою милостію Господнею, стали съ самаго начала нашего существованія. Но въ этомъ-то и великая сила нашей русской церкви; въ этомъ не укоръ и поношеніе, а истинная и величайшая слава и похвала наша: благодаря этой неподвижности, только мы одни, сыны церкви Православной, донесли до рубежа новаго тысячелѣтія вѣру Богооткровенную въ первоначальной ея чистотѣ и доселѣ пребываемъ *во дворѣхъ Бога истиннаго*!

На этомъ недвижномъ основаніи, самимъ Господомъ утвержденномъ, церковь Православная не замерла и не остановилась, она вѣчно живетъ, непрестанно дѣйствуетъ, всегда исполнена славнаго труда и святой заботы, она нерѣдко весь міръ, вѣрный и невѣрный, поражаетъ силою и подъемомъ своего живущаго въ ней духа. Результаты ея святой жизнедѣятельности, плоды ея благодатныхъ силъ и трудовъ — на лицо, предъ глазами цѣлаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, сколько духовнаго богатства, какой превысшій всего земного, драгоцѣннѣйшій и великій капиталъ святости уже скопила церковь Православная на Руси!

Вспомните исторію минувшей жизни Россіи, — сколько благородныхъ дѣлъ и самоотверженныхъ подвиговъ здѣсь совершила или подготовила Православная церковь, сколько великихъ людей призвала она къ святой жизни и плодотворной дѣятельности, сколько могучихъ силъ духовныхъ развернула, величавыхъ характеровъ создала она! Пройдите мысленно по лицу земли святорусской: всѣ необозримыя пространства ея отъ края до края усѣяны, украшены и освящены православными святынями. Есть ли какая мѣра, хватитъ ли цифръ, чтобы исчислить храмы православные, которые, какъ звѣзды частыя на небѣ, покрыли безконечною сѣтью своею всю землю русскую! А разсѣянныя въ изобиліи и повсюду монастыри, начиная съ самыхъ крайнихъ оконечностей обитаемой земли русской и кончая самыми непроходимыми ея захолустьями, обратили всю Россію въ одну обширную обитель святую.

Бросьте хоть мимолетный взоръ на географическую карту Россіи: вся она блистаетъ немерцающими свѣтильниками русскаго Православія. Вотъ Москва златоглавая, средоточіе православной святыни, а потому и — сердце Россіи, святой уголъ, божница Русскаго царства. Вся она соткана изъ православныхъ памятниковъ о великихъ дѣяніяхъ прошлаго, совершенныхъ духомъ и силами православнаго народа русскаго. Яркой звѣздою горитъ здѣсь кремль, святой Сіонъ земли русской, и своими храмами—во имя Успенія Богородицы, св. Іоанна Лѣствичника и Архангела Михаила—говоритъ о святыхъ и благочестивыхъ осно-

вателяхъ Москвы, объ ихъ благодѣтельномъ и отъ Бога благословенномъ намѣреніи въ Москвѣ именно собрать и связать во едино всю землю Православно-русскую. А далѣе, что ни шагъ по Москвѣ, то новая страница изъ исторіи православной Россіи, новыя и новыя знаменія Православія. Вотъ, напримѣръ, церковь Николая Гостунскаго — памятникъ удаленія изъ Москвы татарскихъ чиновниковъ; вотъ Симоновъ монастырь, напоминающій о Мамаевомъ побоищѣ; Крутицкій монастырь—о паденіи орды, Новоспасскій монастырь — о совершенномъ освобожденіи отъ татарскаго полона, величественный храмъ Покрова Богородицы у Спасскихъ воротъ—о взятіи и просвѣщеніи Православіемъ Казанскаго царства, Новодѣвичій монастырь — о возвращеніи отъ литвы Смоленска въ лоно православной Россіи, Срѣтенскій монастырь—о чудесномъ избавленіи царствующаго града отъ нападенія Тамерлана; двѣ церкви во имя Богоматери, въ Китай-городѣ и на Арбатѣ, — объ избавленіи Москвы отъ польско-католическаго нашествія, и т. д. и т. д.

А за стѣнами Москвы, сколько величія, красоты и святыни православной сіяетъ на лицѣ земли русской! Вотъ, напримѣръ, Кіевъ златоверхій — русскій Іерусалимъ, святая купель народа русскаго. Въ пещерахъ его, единственныхъ въ мірѣ, покоятся сотни подвижниковъ русскихъ: это—знаменательнѣйшая и во очію видимая, такъ сказать осязательная лѣтопись дѣятельнаго русскаго Православія. Вотъ Новгородъ Великій съ его святой Софіею, — священная колыбель Православной Россіи. Вотъ Ростовъ, Владиміръ, Ярославль, Казань,

Воронежъ, Задонскъ, Черниговъ, Соловецкъ, Саровъ, Почаевъ, Валаамъ и пр. и пр.—да и можно-ли сосчитать ихъ, — эти великіе и яркіе свѣточи русскаго Православія! Всѣ они, перечисленные, и всѣ прочіе, неисчислимые, покоятъ въ нѣдрахъ своихъ прославленныя тѣлеса великихъ сыновъ православной Россіи, угодниковъ Божіихъ, блещутъ небеснымъ свѣтомъ отъ Бога явленныхъ и Богомъ прославленныхъ чудотворныхъ иконъ и всякихъ святынь, — словомъ, берегутъ въ себѣ безцѣнное и все накопляющееся, ростущее русское наслѣдство Православія, побѣдные для міра и спасительные для земли русской трофеи Православія.

И теперь, при сгущающемся въ наше время нравственномъ мракѣ, отъ обилія и къ намъ проникающихъ незаконныхъ плодовъ новѣйшаго прогресса, сколько свѣта горитъ и сколько жизни духовной кипитъ въ православной Россіи! Давно-ли, напримѣръ, освѣтили землю русскую новымъ сіяніемъ духовности и святости мощи свв. Тихона Задонскаго и Митрофанія Воронежскаго? Не мѣсяцами ли еще только измѣряется время, отдѣляющее настоящій день отъ того момента, когда новая благодать Божія осѣнила Россію въ открытіи мощей новаго Угодника и Чудотворца россійскаго, святителя Ѳеодосія Черниговскаго? Какъ еще, сравнительно, недавно жили Назарій валаамскій, Амфилохій и Иннокентій ростовскіе, Маркъ саровскій, Іоаннъ затворникъ Святогорской пустыни, Парфеній подвижникъ кіевопечерскій, Іоанникій староголутвинскій, Іоаннъ сезеновскій, Іоаннъ священникъ елецкій,

Алексій іеросхимонахъ симоновскій, молчальникъ Титъ, схимонахъ Ѳеодоръ, „батюшка“ оптинскій Амвросій и мн. др.—эти богоизбранные носители православнаго благочестія и, если такъ можно выразиться, живое воплощеніе православнаго духа. Не стремится ли непрестанной волною народъ православный теперь къ священнымъ гробницамъ извѣстныхъ подвижниковъ русскихъ, еще не прославленныхъ церковію, но уже источающихъ исцѣленія и чудотворенія, каковы — Питиримъ тамбовскій, Симеонъ бѣлобережскій, Серафимъ саровскій, Тихонъ туруханскій, Софроній иркутскій и мн. др.? Еще такъ недавно Россія похоронила Ѳеофана вышенскаго, этого глубокаго богослова и мудраго толковника Слова Божія, одухотвореннаго аскета-подвижника, крупную звѣзду русскаго Православія, которая, вѣруемъ, рано или поздно возсіяетъ на горизонтѣ церкви Православной, когда пріидетъ на то часъ воли Господней. Не живетъ-ли, наконецъ, и сейчасъ на Руси обыкновенный, скромный пастырь церкви Православной, вѣдомый однако на всѣхъ концахъ земли русской именно какъ преимущественный носитель благодати Божіей за силу его вѣры и чистоту его молитвъ? Не поражаютъ ли и современное маловѣрное общество, православное и неправославное, нѣкоторыя, во очію всего міра совершающіяся силою Божественною чудеса, каково напримѣръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершившееся чудо спасенія всей царствующей семьи русской подъ грудами развалинъ цѣлаго быстро мчавшагося поѣзда, или, всего нѣсколько дней назадъ тому совершившееся, чудо невредженнаго сохраненія право-

славной святыни среди общаго разрушенія отъ адскаго снаряда, въ Курскѣ?

Впрочемъ, зачѣмъ указывать только звѣзды да свѣточи русскаго Православія, ссылаться только на очевидное и само въ себѣ непререкаемо великое; пойдемъ туда на Руси святой, гдѣ нѣтъ ничего казоваго, блестящаго, ослѣпительно свѣтлаго, пойдемъ въ глубь нашихъ захолустныхъ, занесенныхъ снѣгами селъ и деревень. Все это, правда, ничтожныя и убогія на взглядъ, но честныя хранилища истиннаго правовѣрія, уничиженные Назареты русскіе, въ которыхъ такъ много добраго ютится и сберегается. Они таятъ въ себѣ несчетныя сонмища сильныхъ непоколебимою вѣрою православною душъ христіанскихъ. Взглянемъ на понурыхъ и невеселыхъ въ невеселой трудовой жизни своей „православныхъ“, „крестьянъ“ нашихъ: все это бѣдные, но призванные Христомъ и свято вѣрующіе въ Него, вседушевно преданные Ему галилеяне русскіе, все это угодные Богу и возлюбленные Имъ меньшіе братья Его, безропотные страстотерпцы и „труднички Христовы“. Весь этотъ православный міръ - народъ святорусскій въ большинствѣ его — народъ еще темный и можетъ быть грубый, но во всякомъ случаѣ это народъ великій въ своей вѣрѣ Православной, истинный „народъ-богоносецъ“.

Не хочется обижать не совсѣмъ выгоднымъ сравненіемъ съ этимъ простымъ, грубымъ народомъ, но искреннимъ и въ его положеніи честнымъ богоносцемъ себя, т. е. людей, вкусившихъ отъ древа прогресса очень и очень немало зла вмѣстѣ съ добромъ, а иногда

и — вмѣсто добра, въ качествѣ добра.... Нѣтъ, лучше и тутъ отмѣтимъ тѣ искры добраго, хорошаго, что запали сюда и уберегліись здѣсь отъ Православія. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о лучшемъ нашемъ обществѣ, т. е. о людяхъ истинно-просвѣщенныхъ и серьезно-образованныхъ: таковые и не могутъ не быть истинными и честными православными христіанами. Съ другой стороны не можетъ быть также рѣчи и о тѣхъ, которые своими словами и дѣлами, убѣжденіями и жизнію отвергаютъ христіанство, стараются только позорить его и пакости дѣлять ему: эти люди, выбросившіе изъ пустой души своей самую завѣтную драгоцѣнность, благодатную вѣру отеческую, а значитъ и все, уже сравнительно менѣе цѣнное—всѣ завѣты своихъ предковъ, всѣ интересы своего народа и родной страны, — эти люди уже и не могутъ имѣть ничего общаго съ народомъ русскимъ и чужды ему. Это — только присущіе всему земному темныя пятна, болѣзненные наросты, которые способны омрачать, такъ сказать, внѣшность нашей народности и нашей церкви святой; но они отнюдь не могутъ коснуться ихъ внутренней и таинственной сути, такъ какъ не имѣютъ уже возможности, находясь внѣ, проникнуть во святая святыхъ русской души и русскаго Православія. Такъ, не объ этихъ рѣчь; я хочу сослаться на людей изъ интеллигентной среды—обыкновенныхъ, дюжинныхъ смертныхъ, которые подъ вліяніемъ модной цивилизаціи, отъ недоученія или отъ переученія, сплошь и рядомъ остаются индифферентными къ вѣрѣ, равнодушными къ Православію. Посмотрите на этихъ людей, конечно

не въ будничномъ и разсѣянномъ ихъ настроеніи, а въ лучшіе моменты православной жизни, въ „Христовы минуты“, и вы увидите, какъ просыпается въ нихъ православная душа, и вы навѣрное убѣдитесь, что это—не погибшій для церкви Христовой народъ, это еще не совсѣмъ издержавшіеся нравственно люди. Напримѣръ въ наши великіе праздники, особенно въ дни страстные, предпасхальные, всмотритесь въ русскую „толпу городскую“, переполняющую наши прекрасные, блистающіе великолѣпіемъ храмы: сколько неподдѣльнаго умиленія и восторга религіознаго можно тогда увидѣть, казалось, и на застывшихъ для Бога и церкви лицахъ! Сколько искреннихъ, задушевныхъ вздоховъ тогда вырывается, повидимому, и изъ очерствѣвшихъ сердецъ, сколько благоговѣйныхъ, святыхъ слезинокъ блистаетъ тогда и на высохшихъ, загрубѣлыхъ очахъ! Очевидно, въ эти святыя, великія мгновенія, облагодатствованная душа христіанская подъемлется изъ подъ наноснаго хлама нашей свѣтской пустоты и житейской суетности, и, можетъ быть даже незамѣтно для самого человѣка, возносится она къ своей небесной отчизнѣ, устремляется къ наиболѣе близкому ей въ это время святѣйшему своему Первообразу, къ Милосердному своему Искупителю, Богу Спасителю.

Итакъ, взгляните на все это, вышеперечисленное, обнимите вниманіемъ все вышеупомянутое, и рѣшайте, есть-ли, въ самомъ дѣлѣ, жизнь въ русской церкви, существуетъ-ли фактически и дѣйствующе Православная церковь,—что въ ней многіе оспариваютъ и изъ-за

чего принципіально ее отрицаютъ?! О, безъ сомнѣнія, жива наша святая церковь Православная, жива во всякомъ случаѣ не менѣе другихъ церквей, но съ тою существеннѣйшею отъ другихъ разницею, что живетъ она жизнію истинною, правою, Богомъ самимъ указанною и Богу угодною. Жива наша благодатная мать, Православная церковь, наша сила и освященіе въ жизни, наше упованіе въ смерти, наша Божественная пристань и упокоеніе по смерти, — жива она, какъ живъ самъ Господь истинный, въ Котораго мы вѣруемъ и Которымъ живемъ, движемся, есмы!

Между тѣмъ какъ инославныя христіанскія исповѣданія, искажающія правое Богооткровенное ученіе въ безконечныхъ переливахъ, взаимно одно другое подрываютъ, уничтожаютъ и падаютъ, истина, давно уже освободившаяся отъ силившихся омрачить ее тучъ еретическаго заблужденія, стоитъ теперь ровно, спокойно, и свѣтитъ она немерцающимъ, незаходимымъ свѣтомъ для всего міра въ церкви русской Православной. Для Россіи нашей Православіе есть благодатная сила, съ самаго начала создавшая, духовно оживившая наше стомилліонное племя, его возвеличившая и потомъ всегда хранившая и спасавшая его въ роковыя минуты. Для насъ же, русскихъ людей, Православіе есть безцѣнное наслѣдіе и священный завѣтъ нашей святой старины, руководственное начало въ настоящемъ и высшій непремѣнный идеалъ культурный нашего будущаго; въ Православіи наше и спасеніе и единственно желательное и нужное просвѣщеніе, наша сила и величіе, вся красота души русской и высшая

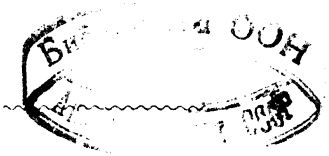
поэзія сердецъ нашихъ. Вѣруемъ и надѣемся, что рано или поздно и прочіе народы въ своей жаждѣ духовной и голодѣ религіозномъ притекутъ подъ святой кровъ церкви Православной, на которую они теперь уже съ такою завистію и съ такимъ вниманіемъ начинаютъ смотрѣть.

Впрочемъ, будущія судьбы церкви Христовой на землѣ сокрыты отъ насъ. Поэтому, съ ужасомъ и содроганіемъ сердечнымъ мы можемъ предвидѣть и другой возможный исходъ: можетъ быть наоборотъ, и мы сами будемъ больше и больше терять свою завѣтную святыню Православія, какъ уже многіе въ нашей средѣ, на нашихъ глазахъ, потеряли и теряютъ ее; можетъ быть исполнится страшное предупрежденіе евангельское. что когда пріидетъ Сынъ Человѣческій—*еда обрящетъ вѣру на земли*, найдетъ-ли вѣру на землѣ!... Мысль объ этой страшной возможности вѣчно должна предстоять сознанію русскаго человѣка и неотступно предостерегать его отъ самоупокоенія и духовнаго разслабленія. Вѣчно должны мы памятовать, что мы еще очень несовершенный сосудъ для Божественной истины, очень ненадежный и недостойный ковчегъ для спасенія у насъ только сохранившейся правды небесной. Вѣчно должны мы чувствовать и сознавать, что сами мы еще далеко не свѣтъ міру, а только владѣемъ свѣтомъ для міра, что не въ насъ этотъ свѣтъ, а только у насъ, что мы-то сами быть можетъ ниже, бѣднѣе и во всѣхъ отношеніяхъ немощнѣе, грѣшнѣе всѣхъ человѣковъ, а что вся сила и превосходство наше предъ другими только въ прежде всего намъ

дарованной и у насъ хранимой возможности спасенія. Такъ или иначе, угодно-ли будетъ Господу весь міръ человѣческій привлечь въ лоно святого Православія, или же допуститъ Онъ сохраниться ему на землѣ только въ сердцахъ малыхъ избранныхъ, во всякомъ случаѣ мы тѣмъ больше должны дорожить своимъ Православіемъ, еще тѣснѣе сплачиваться подъ его спасительнымъ знаменемъ, еще крѣпче держаться за его священную хоругвь.

Въ послѣднее время религіозное охлажденіе интеллигентнаго европейскаго общества и уклоненіе отъ христіанства уже произвело и у насъ на Руси тотъ духовный чадъ, въ которомъ смертно угорѣло много молодыхъ и цвѣтущихъ силъ Россіи. Мракъ религіознаго индифферентизма, туманъ всевозможныхъ мистическихъ и вздорныхъ лжеученій, расшатанность нравственныхъ основъ жизни, неудовлетворенность и тоска человѣка въ самомъ себѣ, недовольство и скука даже жизнію, драгоцѣннѣйшимъ даромъ небесъ, — вотъ печальныя знаменія истекающаго теперь, усталаго и разочарованнаго XIX вѣка. Къ рубежу новаго вѣка современный человѣкъ приступаетъ въ томительномъ ожиданіи какого-то обновленія, съ безотчетнымъ желаніемъ духовнаго подъема.... Для русскаго человѣка не можетъ быть ни загадки, ни недоумѣній относительно того, гдѣ и въ чемъ искать это обновленіе. Православіе — вотъ единственный и ничѣмъ незамѣнимый источникъ обновленія въ сгущающемся мракѣ современности, вотъ вѣрный исходъ отъ наслоенія разныхъ вредныхъ началъ, уже не мало изнурившихъ и изну-

ряющихъ теперь благодатную почву духовную Россіи. Въ Православіи всегда былъ источникъ нашей жизни и силы государственной, благоденствія и могущества общенароднаго, здоровья и бодрости для всякой вѣрующей души. Православіе для Россіи всегда было Божественнымъ двигателемъ, который подымалъ силы цѣлаго народа и всякаго человѣка русскаго изъ разслабленія и изъ отчаянія, многократно изводилъ Россію изъ пучины бѣдствій. Можно ли хоть на іоту усомниться въ томъ, что и впереди, пока русскій народъ будетъ прочно стоять на твердынѣ своего святаго Православія, до тѣхъ поръ Россія всегда будетъ сильна и свѣтла, физически и духовно, и какіе бы ни встрѣтились на ея историческомъ пути враги—нравственные, экономическіе, политическіе,—подъ сѣнію Православія она *не подвижится во вѣкъ*!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I.

Значеніе Православія во внѣшней, политической судьбѣ Россіи . . . . . 1—35.

II.

Значеніе Православія въ сферѣ внутренней жизни и общественныхъ отношеній на Руси . . . 35—80.

III.

Вліяніе Православія на личность русскаго человѣка, на складъ его внутренняго настроенія и характеръ внѣшняго поведенія . . . . . 80—120.

IV.

Православіе какъ коренное свойство и существеннѣйшій признакъ русскаго человѣка.

Замѣчанія объ упрекахъ и возраженіяхъ противъ православной Россіи и русскаго Православія.

Заключеніе. . . . . 121—151.